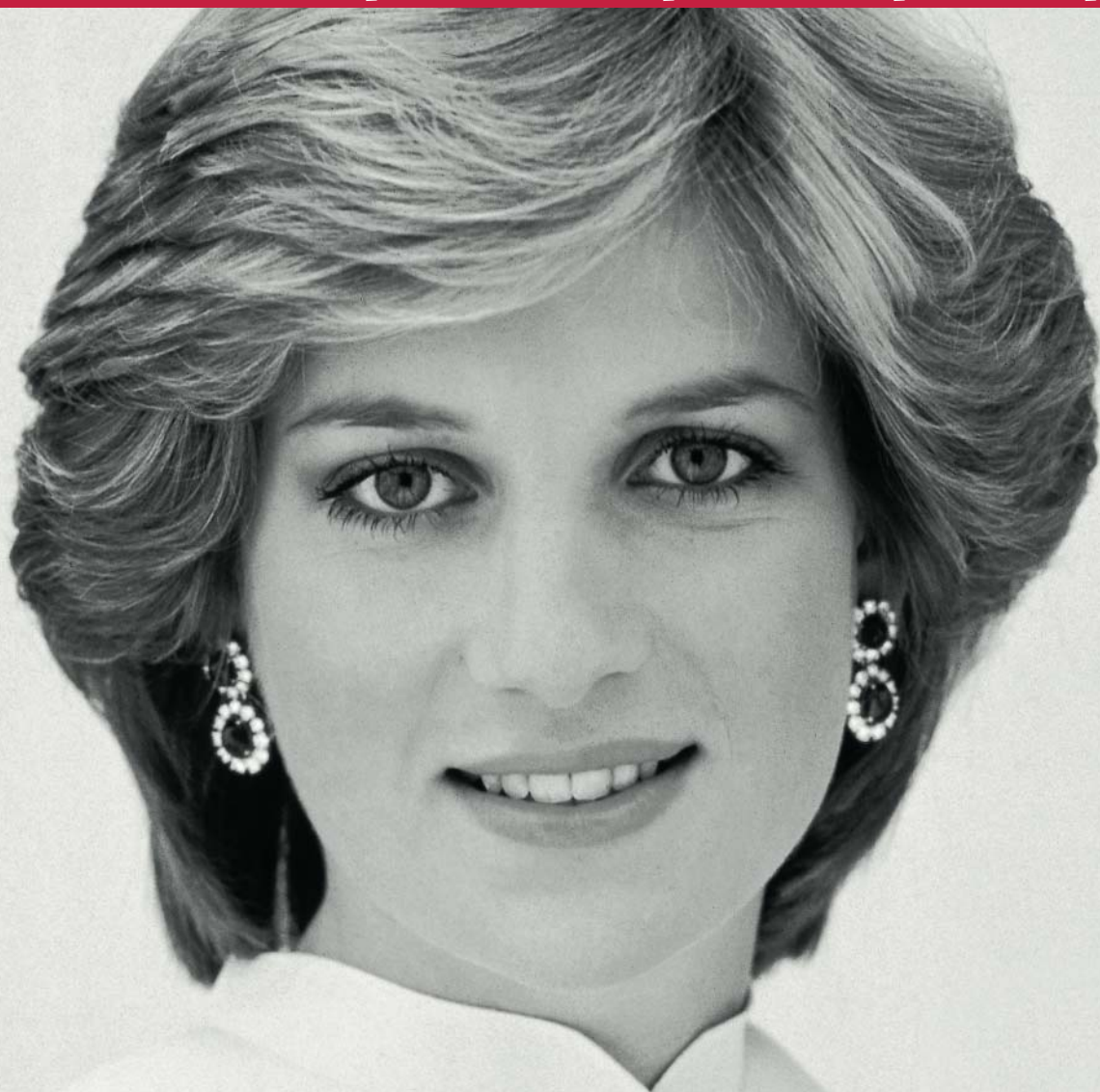

STORY

октябрь '16
№10 (96)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Леди Ди: «Я хотела быть королевой ваших сердец, но не королевой страны»

Леди Диана

Мэри Поппинс британского престола

Борис Пастернак
*Две его женщины
и «чёртов» мостик*

Владимир Хотиненко
*Жизнь вдвоём
во власти обожания*

Вячеслав Бутусов
*Умение говорить
с чугунной кастрюлей*

16+

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ,
вдохновленная тиарами эпохи дома Романовых

Москва / ТРЦ «Афимолл Сити», Пресненская наб., 2
ул. Тверская, 4 / ул. Нагатинская, 5
www.miuz.ru

О китайской грамоте

Однажды в нулевые мне повезло познакомиться с искусством пекинской оперы, что называется, из первых рук. «В Москву приехал сам Мэй Баодцзю!» – поделились со мной радостью китайские товарищи.

...На сцене театра, где проходил мастер-класс, был водружён президиум. В президиуме восседало официальное лицо. Это было лицо господина Мэй Баодцзю. Тело его тоже выглядело официально – в строгом, застёгнутом на все пуговицы костюме. Бурным потоком Хуанхэ понеслись в зал чёткие формулировки г-на Мэя. О том, что история пекинской оперы, как и всё остальное в Китае, измеряется тысячелетиями. О том, что великий оперный артист Мэй Ланьфан, чьё имя с гордостью носит возглавляемый г-ном Баодцзю театр, – его родной отец. И что перед последней большой войной Мэй Ланьфан демонстрировал большим людям в СССР своё виртуозное владение профессией. Большим людям, а в частности режиссёрам Мейерхольду и Эйзенштейну, понравилось...

Не прекращая своего рассказа, мастер Мэй прошёл стел по сцене лёгкой походкой «от бедра», что означало вовсе не распушенность его натуры, а, как потом выяснилось, подъём по лестнице. Дальше – больше. В радиусе сценического метра, без переодеваний и декораций, он умудрился пересечь на лодке заросший лотосами пруд, покормить обитавших там лебедей и даже сбегать на свидание с какой-то субреткой. После чего, утомлённый такой активной жизненной позицией, 68-летний мужчина преобразился на наших глазах

в женщину. Замечу, в симпатичную женщину, по возрасту годящуюся ему в дочери. «Это любовница императора по имени Кхи-си, – пояснил переводчик. – Легендарная личность. Обратите внимание, сколько в ней магии, не поддающейся описанию загадки». Кхи-си в костюме партийного функционера изящно крутнулась перед залом в доказательство вышесказанного. Вспомнилась другая легендарная личность, мадам Баттерфляй, влюбившая в себя американского дипломата. Лишь к концу третьего акта тугодум догадался, что предмет его воздыханий – мужчина. Получается, по китайским понятиям, не такой уж это и вымысел автора. Традиции, однако. Например, приготовить мясо так, чтобы все поверили, что жуют рыбу.

Не знаю, пригодились ли кому-нибудь из присутствовавших тогда знакомство с китайской грамотой. Но послекусие, что всё в жизни, даже лёгкое шевеление мизинцем, имеет смысл и последствия, думаю, осталось. И осознание, что важно не только то, что ты говоришь или показываешь другому, а и то, как этот другой воспринимает тебя. На чём, собственно, и строится желаемое всеми взаимопонимание.

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

16+

Главный редактор Елена Кузьменко

Главный художник Инга Мачан

Зам. главного редактора Майя Чаплыгина

Фоторедактор Светлана Навроцкая

Редактор Наталья Смирнова

Корректор Наталья Камышанская

Секретарь редакции Мария Дембицкая

Над номером работали

Мария Богданова, Марина Бойкова, Лилия Гуцина,

Татьяна Зайцева, Максим Кантор,

Екатерина Корнеева, Ирина Кравченко,

Александр Никонов, Илья Носырев, Инна Садовская,

Анна Сاعد-Шах, Ольга Филатова

Издатель Елена Каякина

Распространение

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран

Маркетинг Марина Цховребова

PR Ольга Егорова

Производство Александр Бутузов

Препресс Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3

тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэзин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель),

Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Юлия Балашова, Дмитрий Бурмистров,

Евгений Шингарёв

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе

по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи

и охраны культурного наследия в 2013 г.,

свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269

от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»

Распространяется по всей территории России

Тираж 226 000 экз. Цена свободная

Выход в свет 21.09.2016 года

Фото на обложке: Getty Images Russia

Редакция журнала не несёт ответственности

за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов

и их фрагментов возможно только с письменного

разрешения ООО «Стори мэгэзин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц. Октябрь

В этом месяце журналистки МГУ пофлиртовали с В.В. Путиным, советское кино прославило стюардесс, а шведский гражданин не выдержал мировой славы

10 Однажды...

Дрю Бэрримор узнала о себе много нового, всего лишь завязав глаза, а Александр Ширвиндт – поссорившись с другом Аркадием Аркановым

14 Толковый словарь...

Сергея Бодрова-старшего

16 Викторианский период. Виктория Токарева

Я остановила такси

18 Линия отрыва. Вера Павлова

Домострой

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

20 Обстоятельства жизни. Развод чистой воды

Аллергия считается болезнью неизлечимой, но ведь и на старуху бывает проруха, а на болезнь – врач, который с ней справится. Доктор Карданов справился с помощью... воды

30 Чудные люди. И свет во тьме светит

Почему люди, работающие в детском хосписе, вопреки всему считают себя счастливыми

34 Отпечатки. Кожа принцессы

История принцессы Дианы – это не про Золушку. Диана не Золушка ни в какой части своего родословного древа. Она – миф нового времени, а о чём он?

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

52 Моя... Агата Кристи

Татьяна Устинова пытается разобраться, в чём разница между классическим английским детективом и российским и почему нас мало интересует, кто спёр ожерелье мисс Опалсен?

58 История живописи. Групповой портрет Европы

Когда Нидерланды освободились от католической испанской империи, жанр портрета преобразился практически до неузнаваемости. Кто же, такой неказистый, заменил в галереях знаменитых героев, великих императоров и добродетельных святых?

72 Притча. Графы и графоманы

Мы готовы оправдать писательство только талантом. А если таланта мало, а писать охота пуще неволи, что тогда делать? Рецепт есть

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

84 Неформат. Литчтения в зоопарке

Как город Тбилиси закошмарил заблудившийся бенгальский тигр и как Филипп Ильич Маяковский победил злодея

92 Семейные тайны. Услышь меня, хорошая...

Поэт Владимир Маяковский со своей возлюбленной Татьяной Яковлевой расстался. А режиссёр Владимир Хотиненко «свою» Татьяну Яковлеву никуда не отпустил, даже несмотря на оказанное ею сопротивление. Как это у него получилось?

104 Роман с продолжением. Азарт

Глава, в которой на пиратском корабле, гружённом порохом, совершается чисто голландское преступление

◎ ГЛАВА 5. Люди и вещи

112 История цивилизации. Бои без правил

В обитель поэтов Переделкино стаями слетались красавицы, жаждущие славы и любви. Но таких, как Борис Пастернак, на всех не хватало...

120 Вещь. Человек, который умеет всё

Легенда русского рока Вячеслав Бутусов – о том, как управлять вещами, когда они вообще не из мира сего

128 Путешествие. Прима и Будда

Как оперной диве Любове Казарновской лили на голову масло и не дали повернуться спиной к ламе

134 Порядок вещей

136 Угощение. Королева круассанов

Королева Мария-Антуанетта, ублажая гостей, лично ходила на огород за редиской и травами, а также собственноручно доила вымытых с мылом коров. Да только игры в пейзаж почему-то до добра не довели

140 Гороскоп. Закованный в латы

Вспыльчивого грубияна Дэвида Эйзенхауэра почему-то считали джентльменом с хорошими манерами. Может, потому, что он Весы, а те берут обаянием?

144 Библиотека. Архивности

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Все грани совершенства!

Свежая мята
0396.2.9.82A

Солнечная папайя
0396.2.9.87A

Сочное яблоко
0396.2.9.86A

Сладкий грейпфрут
0396.2.9.83A

ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКИ

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ

АТИКУЛ: 0396, КОРПУС: СЕРЕБРО 925°, ВСТАВКА: ФИАНИТЫ, МЕХАНИЗМ: RONDA, ШВЕЙЦАРИЯ

8 800 444 777 3

www.nikawatches.ru

Переписка

Формула любви

Михаил Шемякин рассказал про главных женщин своей жизни. Но после этого очевидно: брак у него был один и на всю жизнь – с живописью. А женщины... Верно ему служили и продолжают служить – если одним словом. Видимо, вот та «модель», которая ему удобна – для жизни, для творчества. Интересно, это та «модель», которую Шемякин усвоил, наблюдая за отношениями отца и матери?

Ирина Боровчик

Отвечает Михаил Шемякин

Отношения родителей были для меня зримым воплощением того, каким взрывоопасным может быть союз двух сильных и та-

Приз за лучшее письмо – аромат Iris (Парфюмерный Дом Fragonard) – вручается Ирине Боровчик

лантливых людей. Отец много раз смотрел смерти в глаза, он был военным. Ещё в Гражданскую войну, будучи 13-летним мальчишкой, командовал взводом. Во время Отечественной войны дослужился до комдива. Мама окончила театральный институт в Ленинграде, до войны

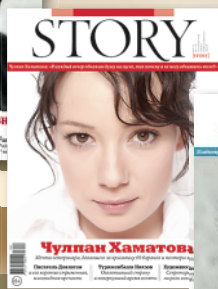
была ведущей актрисой в театре у Николая Акимова. Отец много пил и безумно ревновал свою красавицу жену. Он чудовищно избивал её, и всё это происходило на моих глазах. А однажды просто начал её душить, мне было пять лет, но я чётко понял: если что-то не сделаю, матери конец. Влез на стул, взял тяжёлую немецкую пепельницу и ударил ею отца. И вырубил его. Так я спас мать. В другой раз отец, будучи сильно пьяным, стрелял в нас, когда мы пытались бежать. Я любил маму и, наблюдая, как он издевается над ней, постоянно боялся, причём не за себя, а за неё. Тот случай, когда любовь есть, но жить вместе невозможно, – так всё и закончилось, разводом. ☺

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ТОЛЬКО НА САЙТЕ **WWW.STORY.RU**
ПОДПИСКА НА ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ!

Подпишитесь сами или оформите подписку своим друзьям и близким!
Для этого вам нужно просто зайти на сайт **www.story.ru**

Стоимость полугодовой подписки
с доставкой в ваш почтовый ящик
900 рублей

Доставка производится только на территории России

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*Из которой узнаем, как подросток
Дрю Бэрримор показала всем
где раки зимуют **с.10***

.....
*а подросток Сергей Бодров
взбунтовался против
родного отца **с.14***

Октябрь

Дураки ладно, но дороги-то?

Елизавета Меньщикова, 3 курс

март
1 2 3 4 5 6
7 8 9 10 11 12 13
14 15 16 17 18 19 20
21 22 23 24 25 26 27
28 29 30 31

апрель
1 2 3
4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17
18 19 20 21 22 23 24
25 26 27 28 29 30

Октябрь 1835 В.А. Всеволожский не смог облагодетель- ствовать крестьян

Всеволод Андреевич был прогрессивным помещиком. Прежде чем переселить орловских крепостных в пензенское имение «Райское», понастроил добротные каменные дома с печками, топившимися по-белому, со стёклами в окнах: в такие дома даже через столетие советские кинематографисты, беззащитные лакировщики, не отважились бы поселить своих лубочных колхозников. Но крестьяне от барского подарка наотрез отказались, нагромодили рядом привычные лачуги, а в отвергнутые хоромы ходили справлять нужду и в короткий срок

загадили так, что мимо деревни нельзя было проехать, не зажав нос. Всеволожский обиделся и махнул на строптивцев рукой. Следующий владелец попытался было силой загнать холопов в цивильные жилища, не справился, обратился за подмогой к губернским властям, получил совет «понапрасну не раздражать крестьян» и уехал. Потому что не только помещики держали своих крепостных в вечном страхе, но и наоборот. Представьте барскую усадьбу в кольце деревень. До ближайшего города десятки вёрст, ни телефона, ни телеграфа. Захотят прирезать – прирежут, и защитит никому. Пока всё раскроется – добро поделили и рассыпались по лесам. Вся русская сельскохо-

зяйственная история – это потери и восстановления взаимного страха. Когда боялся только народ, начиналось «дикое барство». Когда боялись помещики, начинались «сарынь на кичку» и анархия. Русские правители это знали и пытались соблюсти равновесие. На какое-то время оно устанавливалось, а потом или господа, или подотчётные люди снова набирали лишний вес. Такие вот национальные особенности единства и борьбы противоположностей...

«Даже богатые, родовитые семьи были всецело во власти грубой и безудержной толпы своих же рабов, которые, собираясь шайками, грабили помещиков».

[Н. Врангель.

«Помещичья Россия»]

**6 октября 2010
Студентки МГУ
устроили дуэль**

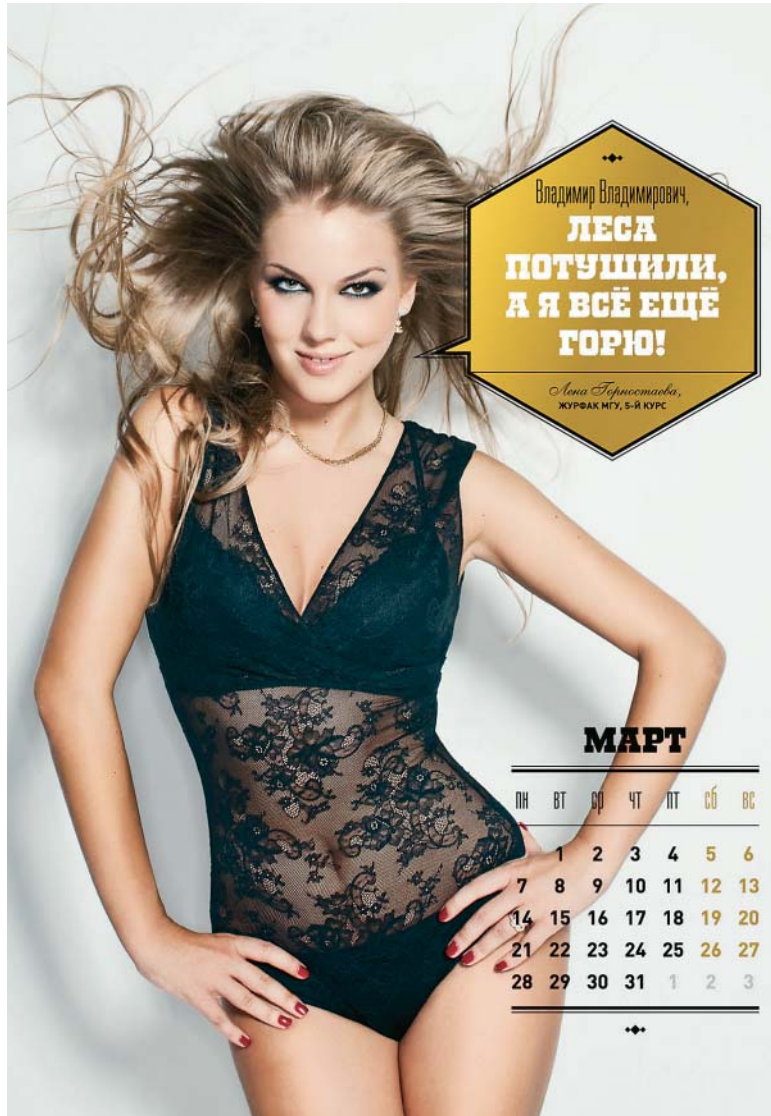
Началась она с того, что двенадцать симпатичных студенток журфака МГУ накануне дня рождения премьер-министра

страниц которого задали премьер-министру суровые политические вопросы. Вряд ли модели с первого календаря были готовы к взаимности адресата в реале, хотя эротизма власти никто не отменял. Традиция

и носить за корсажем. Некоторые даже умудрились выстричь клоки шерсти с государевых псов и меха с шуб, что не мешало им в дальнейшем утаптывать снег вокруг Нерчинского острова. Вряд ли и модели второго календаря так же были готовы к удовлетворению своего любопытства офлайн. Но отрадным был факт, что количество девушек, желающих грациозно смутить высокопоставленное лицо, вдвое превысило количество желающих разрядить в него обойму убийственных вопросов. Потому что когда в стране особ с активной гражданской позицией, готовых «с лейкой и блокнотом, а то и с пулемётом первыми врывать в города», больше, чем особ с активной сексуальной жизнью, – это нехороший симптом. И для страны, и для юных особ.

«В обоих календарях нет ничего страшного. Главное, чтобы это не сказывалось на успеваемости. Но первые девушки, конечно, импонируют больше».

[Д. Песков, пресс-секретарь
В.В. Путина]

Владимир Владимирович,
**ЛЕСА
ПОТУШИЛИ,
А Я ВСЁ ЕЩЁ
ГОРЮ!**
*Лена Терехина,
журфак МГУ, 5-й курс*

МАРТ

ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ	ВС
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	1	2	3

В.В. Путина выложили в Интернете календарь с собственными фотографиями в negligee и игривыми текстами: «Владимир Владимирович, возьмёте вторым пилотом?», «Владимир Владимирович, прокатите на «Калине!»». В ответ шесть серьёзных студенток того же факультета снялись в глухих чёрных платьях на календарь, со

обожания институтками членов правящей династии имеет вековые корни – все русские императоры любили по дороге на службу завернуть на минутку в какое-нибудь учебное заведение для благородных девиц. Там их тотчас обступали, «целуя руки, спину, во все места», крали носовые платки, чтобы разрезать на маленькие кусочки

**28 октября 1967
Центральное телевидение
прокрутило фильм
«Стюардесса»**

Советские телезрители тут же выучили мантру «паровоз – хорошо, пароход – хорошо, самолёт – хорошо, а олени – лучше» и узнали, что в бортпроводницы идут девушки с крепким вестибулярным аппаратом, способные улыбаться, забирая пакеты с рвотой. Они любят парней мужественной профессии, например геологоразведчиков, и согласны ради минутной встречи с ними систематически бороться с тошнотой и страхом. Сценарий короткометражки написала магическая Белла Ахмадулина. Получился киностих про основной инстинкт по-русски, когда женщина реализует своё чувство не «плодясь и размножаясь», а принося в честь избранника различные похвальные

жертвы. В главной роли снялась Алла Демидова. Получилась книжная барышня со средневековым лицом и речью меланхоличной, как подёрнутые пеплом уголки. К финальным титрам девочки, мечтающие о большом и светлом чувстве и улётной униформе, знали, где искать и то и другое: в небе, где же ещё? С ними наверняка согласились бы их американские сверстницы, ещё не вернувшиеся на землю после знаменитого «Лета любви», завершившегося за три недели до премьеры фильма. Но небо одних отличалось от

неба других, как слоган «секс, наркотики, рок-н-ролл» от лозунга «любовь, комсомол и весна». У американок туда мог подняться каждый желающий. В то небо, о котором грезилли наши девушки, отбирали лучших... Через полгода население страны околдовала с экрана ещё одна заоблачная фея по имени Наташа. Она говорила с придыханием, пела песню про солнечного зайчика, последней покинула горящий самолёт и спасла всех, кроме себя. Её сыграла Татьяна Доронина, советская версия Мэрилин Монро. Фильм стал

культовым. Профессия – тоже. В 1969 году в картине «Неподсуден» Светлана Светличная, ещё одна блондинка советского кино, украсила последними штрихами образ киностюардессы, и без того доведённый до идеала: журнальная внешность, ежедневный риск, самоотверженность в ассортименте и форменный пиджак в обличьёчку.

«Стюардесса как принцесса...»

[В. Высоцкий]

Октябрь 1997 Синас Савия стал жертвой реалити-шоу

В сентябре шведов приковал к экрану проект «Робинзон», внутри которого впервые находились не знаменитости, а обычные граждане. Высаженные на необитаемый остров, они выживали под неусыпным глазом камер. Нескольких программ хватало, чтобы превратить их в телезвезд, и неизвестно, какое из испытаний было суровей – экстремальными условиями или сладким ядом славы. Экран меняет лицо. Оно делается не то чтобы красивей, но, несомненно, значительней. Экран меняет слово. Оно прибавляет в весе и объ-

ёме. Те же самые тексты, произнесённые на кухне, впечатляют намного меньше. Тебя слушают, цитируют, сильные мира сего помнят твоё имя, а некоторые и отчество. Бутки сражаются за право тебя одеть, фитнес-клубы – раздеть, незнакомые граждане, поймав за рукав, спрашивают о смысле жизни и ждут ответа... Телевидение – это фабрика грёз для тех, кто дышит её парами. Как тут не почувствовать себя владычицей морскою или повелителем мух? А уж о неподготовленном обывателе, внезапно засиявшем в свете софитов,

и говорить нечего. Погасли лампы – и мир померк. Для Синаса Савии, мелкого банковского клерка, после удаления из команды он померк дважды: сначала метафорически, а потом и натурально – через две недели после возвращения в реальность он покончил жизнь самоубийством. Финал реалити-шоу «Робинзон» посмотрело почти всё население Швеции.

«Если каждый день по телевизору показывать зад лошади, то и он станет популярным».

[В. Познер] ●

ЛИЛИЯ ГУЩИНА

DESSANGE

PARIS

ул. Садовая-Кудринская, 19
8(499) 219-03-44

ул. Лесная, 10/16, стр.1
8(499)978-10-29

Зубовский б-р, 31/33
8(499)246-85-50

ул. Б. Дорогомиловская, 14, к. 1
8(499)243-17-71

Ленинский пр-т, 43
8(499)135-81-90

Коробейников пер., 1
8(495)662-36-12

ул. Земляной Вал, 52/16, стр. 1
8(495) 915-52-69

Одинцовский р-н, дер. Жуковка, 58
8(495) 651-42-97

www.dessange.me

Реклама

Однажды...

Дрю Бэрримор отважилась начать новую жизнь

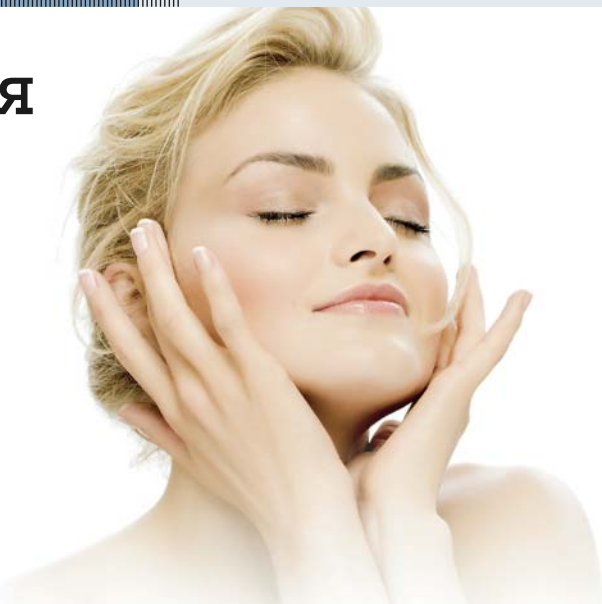

В детстве все обо мне только и говорили: «Золотой ребёнок!» Что понятно: на мои гонорары жили не только мы с мамой, но и все мамины дружки и просто знакомые, которые заходили к нам регулярно «на пять минут пропустить стаканчик», а оставались на целый день, если не дольше. Конечно, все меня любили! Только я не любила себя. В двенадцать лет

я пыталась покончить с собой... Можете представить, до какой степени нелюбви я дошла... И вот как-то раз, дело было после очередных съёмок, приятель из группы пригласил меня к себе домой. Когда мы пришли, нас встретила его сестра Джейн. Первое, что я увидела, – её глаза. Она была не просто слепая – это было явно какое-то генетическое заболевание,

которое её отнюдь не украшало. Мы познакомились. Меня подкупило, что Джейн абсолютно не комплексовала из-за своего недуга. В конце вечера она вдруг сказала: «Хочешь познакомиться с моим парнем?» Я чуть со стула не упала, подумала: «У неё ещё и парень есть?» Когда на следующий день мы все встретились в парке, меня ждало новое потрясение: парень моей новой знакомой оказался хоть куда, к тому же студент престижного колледжа, при этом абсолютно нормальный, без физических недостатков. Когда я увидела, как они обожают друг друга, то не выдержала и спросила парня – осторожно! – не смущает ли его физический недостаток подруги? Он абсолютно уверенно ответил: «Нет». Вернувшись домой, я решила пойти на хитрость: я завязала глаза и какое-то время бродила по дому, будто слепая. Помните шекспировское: «глаза повернув внутрь души»?.. Примитивный эксперимент, а сотворил чудеса: я открыла в себе столько новых ощущений – я вдруг сама себе стала интересна! И потихоньку с того момента во мне стала выявляться жизнерадостная Дрю, которая на самом деле всегда была во мне, просто я её не видела, потому что думала, что моё «я» – это только внешность, оболочка. Было такое чувство, что я стояла перед запертой дверцей, а ключа у меня не было. И только закрыв глаза, я нашла этот ключ. И дверца сама открылась. А я убедилась, что жизнь – это не только испытания, но и впечатления. И теперь мне хочется испытать чашу до дна. ☉

Неускользающая красота

«Хочу стать живым шедевром», – ещё в молодости заявила о себе Луиза Казати и добилась своего. Маркиза разгуливала по Венеции в меховом мантио на голое тело, вместо собачек выгуливала гепардов, а змей использовала в качестве колье и диадем. Её приёмы гремели на весь мир, а её долги к середине жизни достигли 25 миллионов долларов. С возрастом Казати не утратила эксцентричности. Последние скудные средства она тратила на поддержание угасающей красоты. «Слой пудры на её лице становился всё толще, а костюмы – всё прозрачней», – вспоминал Огастес Джон. Впрочем, это мало спасало – окружающие всё чаще называли некогда прекрасную маркизу старой ведьмой.

Сто лет назад у женщин уже годам к сорока было два варианта: стать благородной дамой или эксцентричной ведьмой. Но сейчас индустрия красоты развивается и выбрасывает на рынок всё более технологичные новинки, позволяющие отодвинуть наступление старости. Одна из них – уникальный аппарат Accent XL Ultra, позволяющий проводить процедуру RF-лифтинга по технологии in motion. Благодаря данному методу процедуры проводятся безболезненно и без последствий. Проводить их можно и перед важным мероприятием, и даже в обеденный перерыв.

Эффект лифтинга при процедуре на аппарате Accent XL Ultra – заслуга RF-энергии. В данной технологии она сба-

лансированна и безопасна, что позволяет предотвратить побочные эффекты – например, ожоги. Принцип действия основан на способности радиочастот вызывать нагрев дермы до температуры более 40 °С. При этом старые коллагеновые волокна сжимаются и запускается механизм формирования нового коллагена. Достигается устойчивый эффект подтяжки, укрепляется поддерживающий кожу каркас, и контуры лица становятся более чёткими. Революционная радиоволновая технология предназначена для коррекции контуров лица, лечения ослабленного тургора тканей. Эта омолаживающая процедура, по эффективности сравнимая только с пластической операцией, не травматична и не требует длительной реабилитации. RF-лифтинг позволяет прицельно воздействовать на все зоны лица: нижнее веко, щёки, носогубные складки, верхнюю губу, линию подбородка и лоб. Подтянуть можно не только лицо, но и другие части тела – шею, верхнюю часть живота,

внутреннюю поверхность бёдер и плеч, кисти рук.

Глубокий контролируемый прогрев кожи и подкожной клетчатки запускает целый ряд компенсаторных механизмов: активизирует кровообращение и метаболические процессы, стимулирует выработку коллагеновых волокон, улучшает тонус и эластичность тканей. При этом первые – и очень эффективные! – результаты видны уже сразу после первой процедуры и нарастают в течение недели. Дальнейшие процедуры можно проводить раз в три месяца, раз в полгода или даже раз в год. Причём со временем эффект будет только нарастать, сохраняясь до двух-трёх лет.

В профессиональной клинике косметологии и диетологии Глобальный проект «Красота» экспресс-лифтинг овала лица можно сделать за 6100 рублей, а RF-лифтинг лица и шеи – за 16 200 рублей. В beauty-дни предоставляется скидка 15%. Более подробную информацию можно узнать у администратора медицинской клиники. ☺

Москва, Столярный переулок, д. 2 / www.gclinic.ru / тел. 8 800 333 77 15

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА.

Однажды...

Александр Ширвиндт упустил счастливый случай

Когда-то я был очень азартным. У нас с Аркашей Аркановым, ближайшим моим другом, было взаимное увлечение, даже страсть – ипподром. И наши жёны – моя Наталья Николаевна и супруга Аркана постоянно перезванивались: что делать? Потому что голодные дети в люльках, а мы на ипподроме все деньги просаживали... Актёры там часто собирались. Малый театр, например, во главе с великим Царёвым. К делу подходили серьёзно – дружили с наездниками, всех лошадей знали в лицо, замеряли резвость на секундомерах. Целая наука! Злачное было место. С тотализатором. Много раз ипподром хотели закрыть, спасало то, что сам Будённый его курировал. Сам там часто бывал. Так вот с Арканом мы дружили года с 54-го до последних его дней – дружили очень страстно, нежно, работали много вместе. За исключением двух лет, когда мы не разговаривали. А не разговаривали мы из-за ипподрома. Причём есть две версии, что нас рассорило. Так как Арканова уже нет, я вынужден озвучить обе. Был у нас друг, сейчас работает в музее ипподрома, а когда-то был наездником, – Дима Этингоф. На ипподроме существует такая замечательная традиция – раз в год показывают молодняк лошадей. Смотреть на это без слёз невозможно. Потому что они ещё не вышколены, бегут кто куда и как попало... Так вот молод-

няк показывал и наш друг Дима Этингоф. Однажды выезжает на потрясающем сером жеребце в яблоках. Мы с Арканом сразу в него влюбились. И решили – что бы ни было, будем делать на него ставку. И вот каждый раз, когда он в программке стоит, делаем ставку, причём никто его не играет, кроме нас. И вот как-то раз – а была зима, страшная зима, минус двадцать, конец бегового дня, – у нас осталось два рубля, а ставка тогда была ровно рубль. И я эти два рубля предлагаю Аркану записать на нашего жеребца. Жеребец наш, как сейчас помню, под номером семь. Все ставят на фаворитов. А наш – тёмная лошадка. Но мы его играем. Договорились! Дальше. Аркан идёт делать ставку.

Начинается заезд. И наша тёмная лошадка приходит первой! Такой гул на ипподроме – а-а-а! Никто ведь его не играл, кроме нас. И что же? Потные ручки у Аркана, показывает мне два билета... Он поставил на другие номера! А если бы поставил как договорились, получили бы 16 тысяч 150 рублей. Между прочим, тогда за эти деньги можно было «Победу» купить. Всё. Мы выбрасываем билеты. Выходим. На улице стоит моя ржавая «Победа»... Я иду к ней, Арканов идёт на троллейбус. И два года после этого мы не разговаривали. Потом по Москве пошли слухи, что это я дурак, не на тот номер сделал ставку. А я говорил, что это Аркан...

Из того жеребца, наверное, давным-давно сделали колбасу и съели... Дима Этингоф, милейший человек, из наездников ушёл, сидит в музее. Аркана нет. А ипподром стоит. Иногда и сейчас, на праздник какой-нибудь, вытягивают меня туда, а я ничего уже не помню – ни как ставить, ни лошадей не знаю. А ведь когда-то у меня самого была лошадь, когда я перестал быть нищим. Содержал втихаря от семьи. Она меня знала в лицо! Сахар лошади давать нельзя, табу. Но когда я приходил к ней на конюшню, мне разрешали, и я шёл с сахаром. И когда она меня видела, она делала такие глазищи! А губы?! Когда давал ей сахар, такой поцелуй получал!.. Великое это было дело, скажу я вам. ☺

*Подготовлено по материалам программы «Линия жизни».
Программу «Линия жизни» смотрите по пятницам в вечернем
эфире телеканала «Россия-Культура»*

ПЕРВЫЙ*
**РУССКО-
ТУРЕЦКИЙ**
СЕРИАЛ

ВОСТОК-ЗАПАД

ДОМАШНИЙ

● **с 17 октября** ПН-ЧТ **21:00** ●

ЛИНДСЭЙН «ДОМАШНИЙ»
СЕРИАЛ № 27279 ОТ 28 ОКТЯБРЯ 2016 Г.

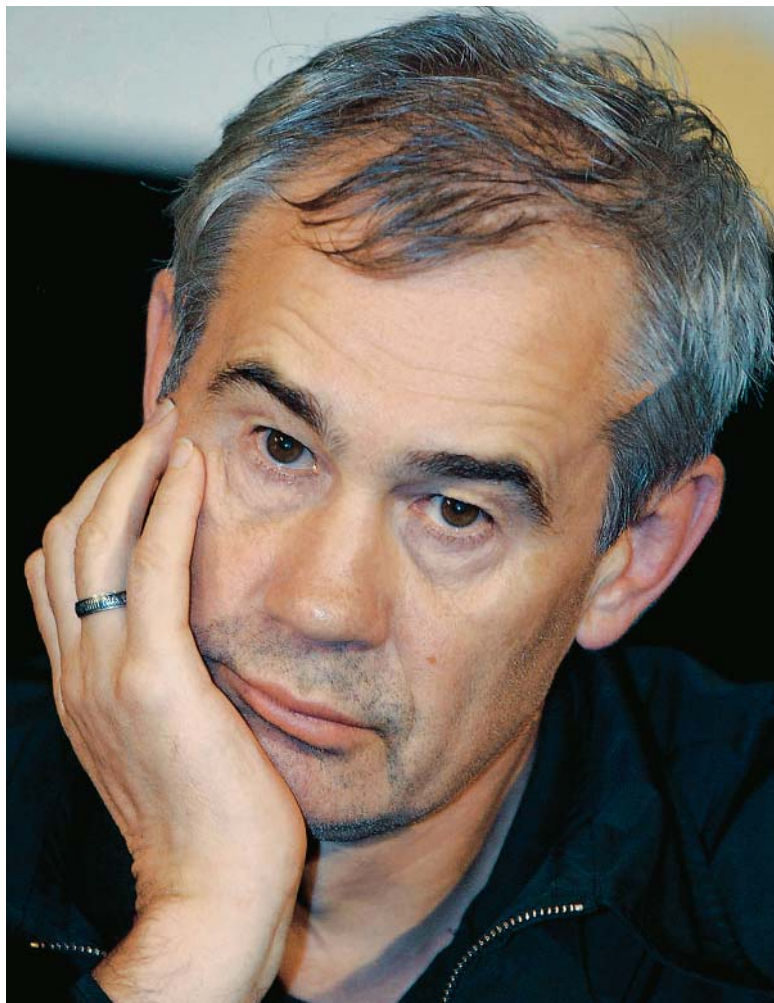
16+

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

РЕГИОНА

Толковый словарь...

Сергея Бодрова-старшего

В ВОСХИЩЕНИЕ

Серёже (сын, Сергей Бодров-младший. – Прим. авт.) было лет двенадцать, когда в его школе образовалась театральная студия. Он начал туда ходить, строжайше запрещая мне смотреть их спектакли. Потом, когда ему было четырнадцать, он мне сказал: «А что, если я буду актёром?» Я это сразу принял в штыки: «Только через мой труп!» Но так вышло, что я сам же потом привёл его в мир кино. Сын был подростком,

когда я стал брать его на съёмки. Просто мне хотелось быть с ним рядом! Он даже снимался в эпизодах. А в «Кавказском пленнике» Сергей действительно сам предложил себя на главную роль. При этом он знал, что я всегда очень принципиален в таких вопросах. К тому же всегда найдутся люди, которые спросят: «А почему ты дал главную роль собственному ребёнку? Что, нет других актёров?» Но тогда я действительно никого другого не нашёл и при

этом понял, что Сергей именно такой, каким и должен быть по сценарию его герой. Поэтому и сказал: «Ладно, давай попробуй». Он попробовал. И получилось. Но восторг – именно так, от того, какой он талантливый и что он личность, – я испытал, когда увидел его в «Брате». И тогда же понял, в чём его сила. Он был очень хороший и искренний человек.

Д ДЕТСТВО

Я вырос на Дальнем Востоке. Дедушка и бабушка жили в Шмаковке, есть такое место недалеко от Уссурийска, рядом с китайской границей. Там для меня был рай – дикая природа, охота, рыбалка! Я стараюсь хотя бы раз в несколько лет возвращаться в те места. Прилетаю во Владивосток и оттуда еду к себе на родину. Там, конечно, многое изменилось, но остались школьные друзья. Я с огромной радостью с ними встречаюсь... Мама у меня была врачом, училась в Москве. Потом и вся семья переехала в Москву. Но до сих пор Дальний Восток для меня – это самое приятное место. Если хотите, место силы. Вот Сергей, мой сын, в каком-то интервью сказал: «То, чем ты становишься в жизни, происходит до шестнадцати лет». Возможно, он был прав. Но Лев Николаевич Толстой считал, что личность формируется до пяти-шести лет. Я скорее соглашусь с классиком. Мне повезло: именно первые пять лет жизни были у меня очень счастливыми. Я рос в любящей семье, в правильном месте, на природе. Это всё, конечно, очень помогло мне потом в жизни, дало физический и нравственный заряд

большой силы. Думаю, и на Серёгу в первую очередь повлияло то, что он рос в любящей семье. Плюс ему был дан дар. Знаете, это очень интересно, когда вдруг видишь в ребёнке то, чего как бы и не ожидал. Ты думаешь, что знаешь его (есть такая родительская самоуверенность), а потом оказывается, не знаешь самого главного. Серёга открылся рано и очень мощно. Думаю, его счастливое детство в этом тоже сыграло роль. Так что идея о том, что человек формируется очень рано, мне кажется верной. И мне очень жалко детей, которые такого детства лишены. Я когда-то снял картину «Свобода – это рай». Искал мальчишек для съёмки и попал первый раз в колонию для несовершеннолетних. Увидел я этих подростков и понял, что у них уже ничего хорошего не будет. Нет никаких шансов. Жизнь у них обычно складывается так: сначала детская комната милиции, потом колония для несовершеннолетних, потом тюрьма. Меня тогда дико задело, что никому до них нет дела. Вот и тот мальчишка, воспитанник детского дома, который сыграл главную роль в фильме «Свобода – это рай», тоже, к сожалению, сгинул.

3 ЗЛО

Откуда взялось зло – с Луны, с Марса? Нет, мы его создаём сами. Причём, творя зло, не ровим обвинить кого-нибудь другого. Все помнят, что такое инквизиция. Невинных, как правило, людей называли ведьмами, колдунами – и уни-чтожали. И такое происходило в разных странах, включая Россию и Китай. Человеку было достаточно чем-то отличаться от других. Это тоже наша вечная проблема – ненависть к тем, кто на нас не похож. Если урожая нет, засуха – вот непохожий виноват! Поймать его, сжечь, утопить! Мы до сих пор этим занимаемся – пытаемся обвинить

кого-то в наших несчастьях. Но если ты делаешь зло, оно потом неизбежно к тебе вернётся. Не к тебе – так к твоим внукам. Моё убеждение.

3 ЗОВ КРОВИ

Во мне течёт бурятская кровь. Ещё татарская и русская. Конечно, это сказывается на взглядах, интересах, судьбе – ровно потому, что есть тот самый зов крови. Почему именно я снял «Монгола»? Да потому, что люблю Азию. В крови это у меня! Но у нас, к сожалению, закомплексованная страна. Мы почему-то стесняемся того, что большая часть России – азиатская, за Уралом. А там нефть, там газ, там люди, причём нормальные, работяги. А мы все куда-то в Европу стремимся. Хотим туда, где нас не очень-то и ждут. Не надо комплексовать. Большой стране это не к лицу.

И ИСКУССТВО ЖИТЬ

Важно найти свою формулу жизни. Моя такова: жить надо спокойно, не суетиться. У меня не так давно появился дом в Аризоне. Когда-то я привёз туда Серёгу: «Здесь хочу прожить остаток своей жизни, а потом это останется тебе». Там пустыня, дикая природа, никаких соседей – огромный участок земли. Я там начинаю себя и чувствовать по-особому. Хожу в горы, там звёзды ближе, думается хорошо. Там мне спокойно.

К КРЕДО

Братся за то, что ты никогда не делал. Пробовать только то, что пугает.

М МИГРАЦИЯ

Я уехал из России после того, как снял «Кавказского пленника». И вовсе не потому, что этот фильм был номинирован на «Оскар» и я на этой волне хотел закрепиться в Америке, нет! Просто американцы предложили мне работу – съёмку фильма

в Африке, а это же интересно! Особенно для советского человека, который не видел другие страны, потому что граница была на замке. Я именно мигрировал: была работа в Германии – ехал туда, была в Испании – там жил... Но при первой возможности возвращаюсь в Россию.

О ОПЫТ

До кино я работал журналистом в «Крокодиле». Фельетоны писал. В редакцию приходило очень много писем – мешки писем! Писали со всей страны, обычно люди обращались с жалобами. И мы, журналисты, потом по этим письмам работали. По таким призывам о помощи я объездил всю страну с севера на юг и с запада на восток. Меня, помню, поражало, что в стране огромное количество невостребованных людей. Например, изобретателей. Люди просто сходили с ума от того, что их изобретения никому не нужны. Человек что-то изобрёл, пришёл с этой вещью в какой-то институт, а ему: «Мы работаем над этим уже пять лет, а ты – раз и изобрёл! Да не может этого быть!» Он: «Смотрите, вот у меня модель – всё крутится, вертится», – а перед ним дверь закрывают. Люди реально сходили с ума. Причём им не нужны были деньги, они – возьмите, пользуйтесь! Нет, не надо. Ну, если изобретение связано с оборонкой, ещё туда-сюда, могли посмотреть. А простую умную вещь отвергали сразу. И так обстояло дело не только с изобретателями. Системе вообще не нужны были нестандартные люди, она предпочитала иметь дело со средним человеком. Врачи, учителя, которые пытались сделать что-то новое, – у них у всех были трудные судьбы. Я это видел и пришёл к мысли, что так не может продолжаться долго, что эта система скоро рухнет. Так и произошло. ©

Записала Марина Бойкова

Я остановила такси

Виктория Токарева

«Как могут люди
быть такими
разными и такими
одинаковыми
одновременно?»

Шофёр такси оказался вполне молодой брюнет с трёхдневной щетиной. Я села рядом. Мы тронулись. Я искоса приглядывалась: какой он национальности? Я умею считывать с облика национальную принадлежность. Мусульмане имеют совершенно другую музыку лица, и поразительно – их язык похож на их лица. Как может быть язык похож на лицо? Может. Единный Божий замысел.

Я не выдержала и спросила:

– Какая у вас национальность?

– Чеченец, – хмуро ответил.

– А как вас зовут?

– Шамиль...

– Скажите что-нибудь почеченски.

Он подумал и проговорил почеченски несколько фраз.

– Что вы сказали? – поинтересовалась я.

– Совесть моя спокойна. Я работаю.

Я вслушивалась в язык, какой-то горный и дикий. Спросила:

– А к какой языковой группе относится чеченский язык?

– Он один. Кроме чеченцев, на нём не говорит никто. Чеченцы уникальны.

– Я знаю. Кроме чеченцев, никто не сажает пленных в зинданы. Я недавно перечитала «Кавказский пленник» Толстого. Там два царских офицера были захвачены в плен и сидели в яме. И сейчас то же самое: воруют людей – и в яму. Что за манера?

Пауза. Я решила, что Шамиль не хочет это комментировать. Неожиданно он проговорил:

– Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет. Независимо от того, Ермолов это или Ельцин.

Я поняла, что мне лучше помолчать. Мы, москвичи, были

подвержены античеченской пропаганде. Для нас чечен – это головорез. Ещё Лермонтов писал: «Злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал». А вот рядом со мной сидит вполне красивый, мужественный Шамиль. От него исходит спокойная энергия. У них своя правда, а у нас своя. У нас «Отче наш», а у них «Аллах акбар».

Дорога была длинная, полтора часа пути. Я спросила:

– Нравится вам в Москве?

– Нет, – коротко ответил он. – Просто в Чечне нет работы.

– А какое у вас образование?

– Финансовая академия.

– Финансист не может найти работу? – удивилась я.

– Дают смешные деньги, – объяснил Шамиль. – Кошку не прокормить.

– А вы бы хотели остаться в Москве?

– Ни в коем случае. Я не люблю большие города, я люблю маленькие аулы. У меня дом у подножия горы. Родник бьёт прямо из-под земли. Я провёл воду в дом. У меня из крана течёт минеральная вода. Это живая вода. А та, что в московских трубах, – мёртвая.

– Почему? Её очищают.

– Вот поэтому и мёртвая. Из воды удаляют все микроэлементы. Яблоки в палатках обмазаны воском. Овощи в нитратах. Ваши куры пахнут рыбой. Вы не живёте – вы выживаете.

– Сейчас весь мир так живёт.

– А я не хочу. И не буду.

И мне вдруг тоже захотелось к подножию горы: пить бульон из курицы, кормленной кукурузой и пшеном, есть сладкую натуральную клубнику, а не турецкую, облитую формалином.

– Вы женаты?

– Конечно.

– А жена с вами?

– Конечно.

– А у вас есть здесь друзья?

– Конечно.

– Чеченцы?

– В Москве большая чеченская диаспора. Мы общаемся и помогаем друг другу.

– Как евреи, – сказала я.

– Религия ни при чём. Просто мы не дома. Мы здесь как в лесу... Недавно ко мне в машину села чеченка. Мы разговорились. Я ей сказал: «Если тебе понадобится машина – звони».

– Молодая? – догадалась я.

– Двадцать шесть лет. Зовут Мадина. Но это не то, о чём вы думаете. Просто она в Москве одна. В Гудермесе осталась её семья. В Москву приехала на заработки. Как я.

– Позвонила? – спросила я.

– Позвонила на другой день.
 – Понятно. Вы – красивый.
 – Да нет. Сказала, что ей надо срочно в больницу. Дала адрес съёмной квартиры. Я подъехал. Вышла хозяйка и общилась, что Мадине стало совсем плохо, они вызвали «скорую» и Мадину отвезли в больницу. Я поехал туда, поднялся в хирургию. Хирург мне не понравился. Молодой, тощий, волосы серые. Практикант. Я спросил, что с Мадinou. А он мне: «Больная в реанимации. Приходите завтра». Я пришёл. Появилась медсестра и сказала: «Больную отвезли на повторную операцию. Осложнения». Я спросил: «А что с ней было?» Она: «Разрыв яичника. Как инсульт, только в живот». Значит, кровь пролилась в брюшину. А этот дрыщ не промыл как надо. Я сказал сестре, что хочу Мадину видеть. Она: «Приходите завтра». Я пришёл. Возник опять этот дрыщ и сообщил, что Мадину перевели в другую больницу. «Почему?» – «Потому что там больница более сильная, оснащённая техникой».

Я догадался: запороли девчонку и сбагрили умирать в другое место, чтобы не портить показатели. Я посмотрел на практиканта. Он обосрался. Я хотел взять его за горло, но какой смысл? Вызвали бы милицию, а у меня документы не в порядке. Нет регистрации. Ваши чиновники умеют так всё сделать, чтобы самим разбогатеть, а бедных ободрать до рёбер. Мораль на нуле.

– А как Мадина?

– Приехал я в больницу. Смотрю, Мадина лежит на каталке в приёмном покое. Привезли и бросили. Ясен пень: кто она такая? Чурка с улицы. Умрёт – никто не хватится.

Я подошёл к Мадине. Сказал: «Дай мне телефон твоих братьев». – «Зачем? Они работают. Я не хочу отрывать их от работы». Я сказал: «Братья на то и существуют, чтобы защищать».

Она продиктовала мне телефон. Я его запомнил. Мимо

меня прошла врачиха. «Кто-нибудь может подойти к больной?» – спросил я довольно невежливо. Она ответила мне так же невежливо: «Здесь все больные и все ждуть». «Где находится главврач?» – потребовал я. «А зачем вам?» Я не ответил. Пошёл искать кабинет главврача.

Кабинет оказался на третьем этаже. Главврач сидел на месте. Он был похож на кабанчика – гладкий, лысый, с высокими ушами. Разговаривал по телефону. Я стоял и ждал. Он положил трубку, поднял на меня тяжёлые глаза. То ли перепил, то ли недоспал. «Что вы хотите?» – хмуро спросил кабанчик. «В приёмной моя знакомая, к ней уже три часа никто не подходит». – «Вы кто?» – «Никто». – «А вы откуда?» – «Из Чечни. Мою знакомую привезли к вам из другой больницы». – «Как фамилия?» – «Мадина Дудаева». – «Родственница Дудаева?» – насторожился главврач. «Да нет. У нас Дудаевых пол-Чечни». – «Понятно. Хотите, чтобы я всё бросил и пошёл в приёмный покой?» – «Хочу. Больной человек валяется там, как собака». – «Если врачи не подходят – значит, заняты. У вас всё?» – «Хорошо. Я уйду. Но я вернусь со своими друзьями, и вы нам всё расскажете: в какой палате она лежит и какие у неё перспективы. Нам дорога жизнь Мадины, а вам ваша. Надеюсь, вы меня поняли? Тогда до встречи».

Я повернулся и вышел.

Иду по коридору, слышу за спиной быстрые шаги: топ-топ. Это был главврач. «Послушайте, – торопливо заговорил кабанчик. – Ну откуда я знаю – кого привезли и откуда? Я сейчас позвоню в приёмный покой, её оформят. Я посмотрю историю её болезни. Тогда поговорим. Приходите после обеда».

Я принял к сведению и двинулся дальше. Я понял этого типа. Его надо либо купить, либо напугать. Страх действует более результативно.

...Стемнело. Машина шла по дороге, которую я не узнавала.
 – Мы проскочили поворот, – догадалась я.

– Сейчас развернёмся, – спохватился Шамиль.

Разворот был далеко, пришлось ехать ещё полчасика.

– А что Мадина? – спросила я.

– Я позвонил братьям. Они на другой день прилетели в Москву. Я их встретил в аэропорту. Объяснил: какая больница, что, чего...

– А дальше?

– Уже не моя территория.

Они – семья. Я передал Мадину в надёжные руки. Всё.

– Но она осталась жива?

– Скорее всего.

– А вы что, не знаете?

– Если бы она умерла, мне бы сообщили. А так никто ничего не сказал, значит, жива. Я думаю, кабанчик всё обеспечил.

– Русские боятся чеченов.

Предпочитают не связываться, – заметила я.

– И очень хорошо. Русских надо покупать или пугать. Другого языка они не понимают.

Я перевела разговор.

– У вас хороший русский язык. Откуда?

– Я учился в Ростове, начал академию. И дома ходил в русскую школу. Русский язык трудный, но очень удобный. В нём много оттенков. И можно выразить всё. У меня много русских друзей. Русские – великая нация, но их испортила перестройка, капитализм. Все думают только о деньгах. Все служат мамоне.

– За деньги счастье не купишь, – изрекла я избитую фразу.

– Купишь, – возразил Шамиль. – Вот совесть не купишь.

Мы ещё несколько раз свернули не там, где надо. Домой я приехала через три часа.

Перед моими воротами Шамиль остановил машину. Вышел. И стоял, поднимая лицо к небу. Он устал и заряжался от космоса. ☉

Домострой

Вера Павлова

*Песню строчу попутную,
стрелку верчу минутную.
Что под крылом – вода,
суша? Куда, куда
сердце летит под парусом,
где на контроле паспортном
бренчит правый карман
ключами от трёх стран?
В Канаде бренчит. В Торонто.
Московский и нью-йоркский
ключи не в обиде, потому что
Канада – Подмосковье Америки.
Торонто – Подмосковье Нью-
Йорка.*

*Гоняю по Торонто на велике,
одолеваю трудную горку.
Закату улыбается улица.
Смеркается. Чайковского?
Глинку?*

*А на балконе белка любителю,
как спят велосипеды в обнимку.
Эта белка, чёрная, как все
канадские белки, устроила себе
гнездо в подставке для ёлки,
набила её кресельной ватой,
хорошо получилась уютно.
У нас получается не хуже:
вместо занавесок – скатерть
с бабочками, вместо скатерти –
шаль с розами. Играем в домик!*

*Дом одомашнен. Приручены
шариковые, дверные,
свежевыстиранные сны,
ласковые, льняные,
расправлены в четыре руки
и выправлены ошибки.
Зарифмуем твои носки?
Вставим в рамки улыбки?
Вставили. И повесили на стен-
ку, рядышком, чтобы родные
лица помещались в один долгий
нежный взгляд, в одну ответную
улыбку. Теперь можно и орхи-
дею в горшке купить.*

*Лебедино выгнув шею,
всех румяней и белее,
пианино и торшеру
подпекает окридая.*

«Вместо
занавесок – ска-
терть с бабочками,
вместо скатерти –
шаль с розами:
играем в домик»

*Приоткрой, одной рукою
приласкай клавиатуру.
Слава, слава домострою,
до-мажору, абажуру!*

Дом музыканта строится не от печки – от рояля. Как швейцарский дом Рудольфа Баршя, построенный для него женой Еленой. Она так и рисовала проект, расходящимися кругами: рояль, кабинет мужа, потом уже всё остальное. «Всё бы хорошо, если бы не церковь. Видите? Вон она, так близко, что колокола часов мешали Рудуки спать. Тогда я пошла к пастору, поставили специальный механизм... Слышите, пробило десять? И больше вы не услышите звона до восьми утра». По ком не звонит колокол? Вечная память великому музыканту, вечная слава великой жене!

Ещё о рояле и печке: рассказ чудесной пианистки Инны Фаликс. Ей позвонили: на Пятой авеню отдают даром «стейнвей» в прекрасном состоянии. Поехала посмотреть, прихватив с собой опытного настройщика. И правда – отличный рояль. В пентхаусе. Берёте? Беру. Вот тут-то и выяснилось, что вынести его через дверь невозможно. Только через балкон. Позвонили в мэрию: сколько будет стоить пригнать кран на Пятую авеню? А, вы тоже хотите забрать рояль? – ответили ей и заученно назвали сумму. И если бы у нас были эти деньги, добавляет Иннин муж, я знаю, на кого бы он упал. На Вуди Алена. Вуди Алена в нескольких интервью говорил, что боится в жизни только одного: что ему упадёт на голову рояль на Пятой авеню.

*Всего-то, всеблажие:
приличную квартиру
и роялти – такие,
чтоб на рояль хватило
торгующей во храме,
молящейся на рынке
горючими стихами...
Хотя бы пианинко!*

Вот оно, наше пианинко. Первая обновка твоей съёмной квартиры после моего в ней воцарения. За которой последовали кровать, лыжи, коньки и велосипед. А больше мне ничего и не нужно.

*Музы коммивояжёр,
скиталица, книгоноша,
на гостиничный торшер
цыганскую шаль наброшу.
Пара фоток в кошельке –
и лары мне, и пенаты.
Улетаю належке.
Много ли надо пернатым? ❖*

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*В которой директор хосписа Лиди
Мониавы обнаружила место, где водятся
добрые волшебники **с.30***

.....
*и доктор Беслан Карданов изобрёл
волшебный эликсир от страшных
болезней **с.20***

Развод ЧИСТОЙ ВОДЫ

Когда у человека лёгкая медицинская проблема, он идёт за бюллетенем к врачам. И, несмотря на старания эскулапов, его организм вскоре с простудой справляется. А если проблема современной медициной не решается? Тогда человек вынужден искать иные пути... которые ведут к Беслану Карданову

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Нет, не пугайтесь, Карданов не колдун. Карданов, я бы сказал, врач-расстрига. Родом он из самой что ни на есть академической науки. Помните, в 80-х годах СССР запускал в космос обезьян? Так вот, оперировал этих обезьян, вживляя им в мозг электроды, нейрохирург Беслан Карданов. Это потом он ушёл в сторону, отклонился, так сказать, от «генеральной линии» медицинской науки и погряз в мракобесии. А тогда был вполне себе в мейнстриме. Ныне же от старого Карданова осталось только чувство юмора... Впрочем, на счёт силы я, быть может, и погорячился. Потому что всю свою жизнь Беслан Карданов отступал, без боя сдавая позиции. Он терял какие-то социальные высоты, а взамен приобретал ненависть. И должен вам сказать, немного есть на свете людей, которые бы так не любили свою родину, как мой визави. Мы говорили с ним долго, часа три, и эта нелюбовь, вызванная частыми обидами, периодически вклинивалась в симфонию нашего разговора диссонансирующей нотой.

И я его понимаю. Карданову далеко за шестьдесят. И родины у него просто нет – ни большой, ни малой. Большая родина – Россия – не любит его как кавказца. Когда Карданов пришёл оформлять пенсию, работницы пенсионного отдела зашушукались: «Гляди-гляди, чёрный пришёл за нашей пенсией...»

Но и на Кавказе Карданов не родной. Он, хотя и кабардинец, по-кабардински ни слова не знает. Потому что родился на Итурупе. Это такой островок на Дальнем Востоке, если кто вдруг запомнит. Дело в том, что отец Беслана – легендарный

Кубати Карданов, генерал и Герой Советского Союза, – был послан родиной командовать военным аэродромом на этом маленьком острове на окраине империи.

– Когда я приезжаю в Кабарду, меня все очень уважают, потому что мой отец – Герой Советского Союза. Но как-то местная женщина сказала: «Хороший ты человек, Беслан, жалко только, что мама твоя – русский». А мать моя, кстати, из дворянского рода Воронцовых, старая русская аристократия... Ну и куда мне податься? Нигде не хотят за своего принять!

Карданова такое отношение огорчает. Он завистлив вне родины. Он – никто. Человек империи вне империи.

– Когда немцы брали Химки, мой отец-кабардинец был нужен на фронте. Когда нужно было осваивать космос и ковать щит и меч родины, мои знания были нужны. А в 99-м, когда Путин сказал про сортиры, ко мне подошёл сопливый мент на улице и сказал: «Убирайтесь из нашей страны!»

Эту давнюю обиду Карданов хорошо запомнил: – С тех пор это словно не моя страна. Я даже приём больных веду по минимуму – только чтобы не сдохнуть с голоду. И принимаю только по знакомству.

А остров Итуруп – мелкий прыщ, который вскочил на заднице у империи в 1945 году, – Карданов показывает мне пальцем в гугл-мапе:

– Вот аэродром, которым командовал отец, а тут стоял наш дом. Вот магазин и баня, а здесь я гусей пас. С детства я в погоде разбираюсь не хуже военного метеоролога. Вон видите за окош-

ком тёмное облако? Это юго-восточный ветер несёт сюда снежный заряд. Но снег будет недолгим... У нас же там постоянные тайфуны, ветер до восьмидесяти километров в час. Если с определением погоды ошибся, из школы можешь не вернуться – в океан унесёт. Зимой в пургу мы знаете как домой добирались? Был у нас там старый танк без пушки, детей к нему привязывали верёвками и так растаскивали по домам. Мы шли за этим танком на верёвках, чтобы не унесло и чтоб не заблудиться: ни черта ж не видно! Такое детство...

После окончания Хабаровского мединститута Карданов попал по распределению в Нальчик. Простым терапевтом.

– Тогда ещё не было понятия «черножопый», его заменяло понятие «нацкадр». Вот как нацкадр я туда и попал.

☉ *Ну, всё-таки Нальчик – это не Дальний Восток.*

– Гораздо хуже! Национализм, грязь... Мой русский дед со стороны матери был весьма крупным партбоссом, дружил с сыном дедушки Калинина. И женаты они были на подружках. Мой отец тоже был властью весьма обласкан. То есть мне не на что вроде бы жаловаться. А между тем претензий масса. И обоснованных претензий. Я всё объясняю. Надеюсь, вы записываете.

☉ *Записываю...*

– Я рано понял, что ничего не могу толком сделать в рамках той медицинской системы. Не могу при пневмонии, которая лечится минимум три недели, выписать больничный лист дольше чем на три дня. И потом больной должен через весь этот сырой, промозглый Нальчик ехать в поликлинику ко мне продлять бюллетень. А чтобы в третий раз продлить, собирается целая комиссия! И я подумал: что я тут делаю? Написал в Москву письмо: хочу учиться! И мне пришёл ответ: есть место в аспирантуре. Так попал я на кафедру физиологии к академику Косицкому Григорию Ивановичу. Умнейший был человек! Великан! За четыре года аспирантуры он научил меня самому главному для врача – чего ни в коем случае не нужно делать. Потому как то, что надо делать с больным, каждый медик должен найти сам.

Диссертацию я написал, но защищать её не стал, хотя Косицкий на меня очень ругался. Так что в академию меня приняли вообще без научных званий. Просто Андрей Маленков, сын того самого Маленкова, соратника Сталина, случайно наткнулся на кучу вылеченных мною неизлечимых пациентов. И хотя он не врач, а биофизик, его это настолько поразило, что он буквально за руку меня втащил в академию. Даже отца моего обрабатывал: ну науськай своего сына написать заявление в академию! Науськали. Написал. И с 98-го я стал членкором РАЕН.

Короче говоря, Косицкий научил меня нормальной физиологии и классической науке, пусть ему земля будет пухом. А я после аспирантуры снова попал в Нальчик, теперь уже преподавателем в местный университет – КБГУ, который открыл один местный партийный деятель для малых народов. Его так и расшифровывали тогда, этот КБГУ, – Как Будто Где Учился. И вот начал я на Кавказе преподавать... А нужно понимать, кем я тогда был. Академическая школа! Меня же помимо академика Косицкого учила ещё аспирантка самого Ивана Павлова, знаменитого нашего физиолога, который собак резал. Петербургская дама, тогда уже весьма преклонного возраста, чуть за восемьдесят. У неё было чему научиться! Да и подружки моей мамы Воронцовой – старые аристократки – меня дрессировали с горшка. И вот я, классик, сажусь принимать у студентов Кавказа экзамен. Мне студентка протягивает зачётку. Я её открываю, а там 25-рублёвка, она как раз в размер зачётной книжки была. И студентка ждёт, что дядя сейчас возьмёт бумажку, распишется, и всё. А дядя начинает задавать вопросы. После второй такой сессии меня попросили уйти. Я должен был отработать три года, но ко мне пришла целая делегация – ректор, парторг и прочие: вот тебе отличная характеристика, открепительные документы, только вали отсюда подальше. Они даже приехали через три дня на вокзал провожать – лично убедиться, что я уехал.

...Это было первым поражением Карданова, которое он принял без борьбы. Потом их будет много... По счастью, в ту пору у нашего героя уже была невеста в Москве, куда он приехал, женился, прописался и поступил на работу в ИМБП – Институт медико-биологических проблем, который был создан по инициативе Келдыша и Королёва для обеспечения космоса. Режимный объект. Возглавлял его академик Василий Парин, к тому времени давно уже вышедший из сталинской тюрьмы и реабилитированный. Любопытно, что Парин сидел во Владимирском центре в одной камере с русским мыслителем Даниилом Андреевым и сыном фельдмаршала Паулюса. Чтобы не скучать, они читали другу другу лекции, кто в чём был силён – по философии, физиологии, немецкой грамматике...

– С Париным, кстати, была весёлая история, – вспоминает своего начальника Карданов. – Сидит наш новый директор института в своём кабинете, открывается дверь, и входит человек: «Товарищ директор! Я начальник охраны. Но мне жить негде». Парин поднимает голову и видит перед собой того самого следователя, который избивал его на допросах. Вот такая у нас страна...

В паринском институте я поработал два года. Обезьян-космонавтов оперировал. Поначалу

всё шло хорошо. А потом началось то, что моей аристократической душе претило... Кто-то работает, а кому-то пряники. Почему? «А у неё папа был вместе с Брежневым на Малой земле». Итить твою мать! Посмотрел я на это и ушёл. Ушёл недалеко, в очередной «ящик» – гипербарическая медицина, подводные дела. Мы разрабатывали режимы сверхбыстрых погружений. Сделали блестящую серию, я сам ходил в подлодке на большие глубины, были прекрасные результаты. И опять повторилась та же история. Приходит большой начальник и говорит: давай все данные по экспериментам, мне на докторскую не хватает, а ты себе потом сделаешь... Подошёл бы он ко мне по-человечески, сказал: мол, для пользы нашего института мне надо быть доктором наук, тогда я смогу выбивать больше фондов, войди в моё положение... Я бы понял. А так я просто вечером собрал все полученные результаты, сложил в одну кучу на снегу, облил спиртом и поджёл. И уволился. А чтобы не сдохнуть с голоду, устроился в одну подпольную еврейскую артель. Это было такое время... Вам знакомы понятия «я в подаче» и «я в отказе»? Нет?

☉ **Напомните. Я тогда ещё маленький был.**

– Когда евреи в массовом порядке покидали вашу благословенную советскую родину, они сначала подавали документы – на паспорт и визу. Тогда существовало такое явление, как виза на выезд из страны. И пока человек «в подаче», его сначала выгоняют из партии, потом с работы, соответственно жить не на что. А потом ему приходит отказ в выезде. Потому и спрашивали с горькой иронией: «Ты ещё в подаче или уже в отказе?» Ну и чтобы не сдохнуть, отказные евреи открыли подпольный «университет». Это было своего рода репетиторство. Абитуриентов готовили к поступлению, учили отвечать экзаменационной комиссии, в том числе и на подлые вопросы, которые практиковали, чтобы отсеять того, кого нужно отсеять по пятому пункту. Например, такой вопрос: сколько зубов у крокодила? Не знаешь? Два! Между тем в школьном учебнике зоологии этого нет. А ответить надо было так: нечётное число. У млекопитающих чётное, потому что нижние зубы ложатся на верхние, а у крокодила нижние зубы ложатся в промежутки между верхними и потому нижних на один больше. Вот к таким подьякам мы ребята тоже готовили.

У меня было по тридцать – сорок учеников, и я зарабатывал за неделю столько, сколько директор моего ИМБП в месяц. Работать мне было не нужно, но, так как за туеядство сажали, я числился инженером-теплотехником на птицефабрике и жил в своё удовольствие. Однако всему приходит конец. Нескольким членам нашего «университета» неожиданно позволили уехать, из преподавателей биологии я остался один, и на

Беслан Карданов

Врачебный стаж – 44 года

«В Германии в конце 70-х годов была жуткая история. Одна фирма выпустила в продажу успокоительные таблетки для беременных. В течение полугода это лекарство испытывали на беременных мышах, у них не было побочных эффектов, всё было хорошо. И вот тысячи и тысячи порций этого лекарства разошлись даже до Австралии. Женщины начали его принимать, в результате стали массово рождаться дети без рук и без ног, но с нормальной головой. В 2002 или в 2003 году одного из таких детей привозили к Москву, он выступал в Концертном зале имени Чайковского, прекрасный баритон. Его ставили на стул, у него мужское тело – торс и голова, но больше ничего... Если вы хотите как врач вылечивать людей, вы должны работать с людьми, а не с мышками, если же с мышками, то, значит, вы мышинный доктор».

«Грипп и прочие острые респираторные заболевания, то есть заболевания верхних дыхательных путей, частенько переходящие в бронхит и пневмонию, возникают по одной простой причине – снижение иммунитета. Иммунитет может снизиться от того, что человек устал, переохладился, перегрелся, поругался с домашними и начальником, расстроился из-за того, что проиграла хоккейная команда, то есть поводов снизить иммунитет миллион. Когда несколько таких поводов сходятся вместе, ослабевает иммунитет, а вирусов вокруг жителей мегаполисов видимо-невидимо.

Понятие «антивирусный препарат» противоречит всем наукам. Почему? Антибиотик воздействует только на растительные организмы. Бактерии – это растения. Бактерии, попадая в наш организм, живут в межклеточных пространствах, и антибиотики действуют на них, на бактерий, в этих пространствах – убивают, задерживают рост... и потихонечку мы оживаем. А вирус живёт внутри клетки. Антивирусные препараты должны проникнуть в клетку и убить вирус, на самом же деле они убивают клетку. Я как нейрофизиолог могу с уверенностью сказать, что наибольший эффект дают препараты, введённые через нос, нежели таблетки».

меня свалилось целых три комплекта групп. Это был кошмар! А к тому времени СССР уже трещал и разваливался. И все хотели только одного – чтобы развалился он без большой крови. Горбачёв в этом смысле вполне оправдал надежды: спустил СССР в унитаз аккуратно. Эта новая эра стала новой и для меня. Я мог уйти в политику, как многие тогда, и слава богу, что не ушёл. А ушёл в целительство...

То, чем сейчас занимается Карданов, сложилось, как из лоскутов, из каких-то мелочей, обрывков воспоминаний и того огромного запаса знаний, который у Беслана к тому времени накопился в медицине, биологии, физике, которой он всегда увлекался. Причём толчком, чтобы рыть в том или ином направлении, могли стать случайная встреча или разговор.

– Ну, например, собирается группа врачей и обсуждают странный феномен: если лекарство дать в таблетке, будет эффект небольшой и короткий, если в виде укола поставить, эффект будет чуть больше, а если развести и в нос закапать, эффект будет гораздо больше и дольше. Почему? Никто не в курсе. Я заинтересовался этим вопросом, стал думать. И понял, что у меня не хватает кое-каких знаний. Денег у меня в ту пору было много – заработал на репетиторстве, времени тоже полно, и я устроился со всеми своими образованиями в один институт простым лаборантом с зарплатой 72 рубля 50 копеек – нужно было набраться кое-какого практического опыта. Я спокойно мыл свои пробирки и набирался практического опыта в химии. И именно там у меня пошли первые вылеченные пациенты.

☉ **Что ж вы там поняли? И как пришла основная идея?**

– Просто нужно всё время думать об одном и том же. У нас в СССР, да и в социалистической Европе, равно как и в политкорректной Америке, любят кричать: науку делает коллектив. Полная ерунда! Главная идея принадлежит одному. Взять тот же институт, где я занимался глубоководными погружениями. Нас было много на челне. Но основные идеи поставлял я, а остальные катали баллоны, прикручивали гаечки... А как приходят идеи, я не знаю. Просто сидишь, и тебе скучно, попиваешь коньячок и думаешь, думаешь, думаешь... Потом надоело думать, прошёлся, отвлёкся – и вот она! Главное – накопить информацию.

Например, читаю я в специализированном журнале удивительную статью. Один бельгийский патолог, вскрывавший мёртвых бельгиек, заметил, что у одних погибших женщин гипофиз изменён очень резко, а у других нет. Он заинтересовался и стал поднимать их истории болезни. И у женщин с изменённым гипофизом обнаруживал в анамнезе миомы, нарушения цикла, воспаления яичников

и прочую фигню по женской части. Это неудивительно, ведь известно, что передняя доля гипофиза управляет всеми девчачьими делами – менструации, беременности... А те, у кого гипофиз изменён не был, никаких проблем по женской части не имели. Доктор заинтересовался причинами этих изменений в гипофизе и выяснил, что все женщины с изменённым гипофизом использовали определённую тушь для ресниц. Вывод: вещества, нанесённые на кожу, всасываются, с кровотоком попадают в гипофиз, меняют его и тот начинает выдавать ошибочные команды. Отсюда и женские проблемы – от ошибок в регулировке.

Ещё одна старая метка в памяти – я на втором курсе мединститута, мы проходим нос. Есть в носу так называемый вомероназальный орган. Он есть у акул, у рептилий, у человеческих эмбрионов... А у взрослого человека его вроде бы нет. Я спрашиваю: а почему нет? Ответа не получаю...

☉ **Погодите... А зачем вы спрашивали лектора про вомероназальный орган? Если он есть только у рептилий и эмбрионов, а у человека нет, значит, это какой-то эволюционный рудимент. От которого эволюция в процессе совершенствования конструкции отказалась. Ну и нечего о нём печалиться!**

– Ну да. Вот только теперь наука считает, что этот рудиментарный орган существует и у взрослых людей. Вообще, впервые этот химический анализатор появился вместе с возникновением полового размножения полтора миллиарда лет назад – у многоклеточных, которые ещё не имели твёрдых скелетов. И появился он для улавливания феромонов, которые выделяли эти создания для привлечения партнёра. Им же надо было как-то искать друг друга.

И это отмычка к организму!.. Орган представляет собой крохотную, в миллиметр размером, рудиментарную ямку на слизистой оболочке носа. От этой ямки в мозг тянутся нервные проводы, передающие сигнал. Это если вкратце...

Впервые вомероназальный орган у взрослого человека ещё в XVIII веке открыл один европейский врач, когда занимался солдатом с лицевым ранением. По непонятной причине это открытие прошло совершенно незамеченным, и во всех учебниках по-прежнему утверждалось, что вомероназального органа у взрослых людей нет, а есть он только у эмбрионов и прочих рептилий.

Повторно орган был переоткрыт уже в конце XX века Д. Мораном и Б. Джефком из Денверского университета (США). Исследовав сотни людей, они у всех нашли в носу маленькую ямочку, от которой тянется каналец длиной примерно в сантиметр, заканчивающийся небольшой обонятельной камерой. А уж от камеры дальше в мозг тянулись «провода». Зачем этот «первобытный нос» сохранился, почему его не стёрли сотни миллионов

лет эволюции? Причём при дальнейшем изучении оказалось, что у человека этот орган больше, чем, например, у лошади, хотя в целом обоняние человека хуже лошадиного! Почему?

А потому, что человек – самое сексуальное существо! И вомероназальный орган как раз специализируется на улавливании феромонов, то есть характерных запахов особей противоположного пола. Запахи эти не воспринимаются мозгом как запахи, а воспринимаются сразу и непосредственно как привлекательность или непривлекательность самца (самки).

Хитрость вомероназального органа в том, что он даёт нам в руки прямой канал доступа в самые глубины мозга – минуя все защитные барьеры и даже кровоток. Нервный пучок от вомероназальной камеры идёт сразу в гипоталамус, который является главным центром регуляции вегетативных функций организма. Именно поэтому назальные закапывания дают порой больший эффект при меньших дозах. И природа этого эффекта, как мы теперь понимаем, чисто регуляторная: получив молекулярный сигнал, гипоталамус начинает работать по-другому. Что немедленно отражается на нашей «тушке».

Вот, посылая эти регуляторные сигналы, я и лечу людей. У меня несколько ящиков, в которых лежат истории вылеченных людей. И одна небольшая коробочка с бумагами тех, кого я потерял, их примерно процента два. А так у меня более девяноста процентов вылеченных. Я раньше по глупости пытался рассказывать коллегам: господа, такие-то и такие-то «неизлечимые» болезни лечатся так-то и так-то. Много раз. В разных местах. На меня везде смотрят как на дурака. «Ты что, хочешь сказать, что мы и вся наука всю жизнь не тем занимались? Ты что, против науки?..»

Карданов хватает ручку и начинает малевать на бумаге:

– Смотрите, вот кора мозга, достаточно молодое образование. Здесь вы чей-то сын, специалист, семьянин, владелец квартиры, здесь у вас слова, образы... А под корой – гипофиз и прочие структуры, они управляют всеми функциями организма. Дальше тушка со всеми её потрошками. Кто лучше всех знает, как тушке функционировать в данное время в данных условиях? Вы – как отец, сын, специалист и владелец квартиры, то бишь кора мозга, или всё же подкорка? Вы можете только сказать: «Я хочу пить». А что дальше будет с этой водой в вашем организме, вы не знаете и распорядиться этим не можете. Что-то уйдёт в пот, что-то в мочу... Есть отдел мозга – талимус, который регулирует водно-солевой баланс. И он лучше знает, как надо распорядиться той водой, которую вы выпили. Регуляция лежит так далеко от коры в глубинах мозга, что словесные команды, кото-

рыми оперирует мозг, туда не проходят. Поэтому я подаю химические команды мозгу напрямую.

...Как вы уже догадались, основной метод лечения у Карданова – закапывание лекарственных растворов в нос. Откуда химический сигнал, минуя все барьеры, через чёрный ход вомероназального органа проникает в мозг, корректируя регуляцию, то есть центральное управление внутренними органами.

◎ **То есть вы хотите сказать, что практически все болезни имеют регуляторную природу?**

– Кроме переломов.

– **А инфекционные?**

– Тоже. Мы с вами миллионы вирусов цепляем каждый день. Если иммунитет работает нормально, организм с ними сам справляется. Если же не справляется – заболевает... Город Мюнстер. Средние века. Эпидемия чумы. Семьдесят процентов населения умерли, а тридцать процентов выжили. Почему выжили? Иммунитет был нормальный. Я могу поднять вам иммунитет, и организм сам справится с болезнью...

Читателя, конечно, интересует, а что же такое закапывает в нос своим больным доктор Карданов? Ведь мало открыть короткий путь к пещере Аладдина, нужно ещё знать заклинание! О том, чем Карданов лечит, мы ещё поговорим. А сейчас я пытаюсь понять другое – как он понимает болезнь. Ведь практика вытекает из теории.

– Сейчас считается, что убийца номер один в мире – сердечно-сосудистые болезни. Но я уверен, что это неверно, это методическая ошибка! Холестерин, атеросклероз, бляшки, инфаркты, инсульты – это всё следствия.

◎ **Следствия чего?**

– Прибитой печени. Сердечно-сосудистые проблемы начинаются с печени, которую вы всю жизнь травите лекарствами. У вас болит голова, вы съели анальгин, голова прошла, через пятнадцать минут половина дозы анальгина печень расщепила, ещё через пятнадцать минут – ещё половина расщеплена. Вот чем опасна медикаментозная медицина! Вылечили голову – убили печень, вылечили грипп – убили печень, вылечили сифилис – убили печень... И когда до меня это дошло, я стал отращивать новые клапаны больным с пороком сердца.

◎ **Что за бред? Клапан – это соединительная ткань. Это примерно то же самое, что новую кость вырастить.**

– Меня не удивляет ваше удивление. Когда это впервые произошло, я сам себе не поверил! А теперь для меня это рутинная процедура. Первых экспериментальных больных я «сделал» в кардиологическом институте, где меня хорошо знают. И теперь мне оттуда врачи периодически звонят: «Ты опять

у нас пациента со стола снял!..» Короче, сердечно-сосудистые неполадки начинаются, как правило, с просадки печени. Есть, правда, исключения – диабетическая гангрена. Но я сбрасываю диабетикам сахар с 15 до 9 единиц, и у людей она проходит. Главное – восстановить сосуды, поскольку именно нарушения в сосудах приводят к гангрене.

☉ **Так вы что же, все болезни лечите?**

– А чего там лечить-то? Ведь болезней на земном шаре всего три.

Первая болезнь или, если хотите, группа болезней – иммунодефициты. Это вся инфекционная часть, рак и всё прочее, что начинается с просадки иммунитета.

Вторая – иммуноагрессии. Астмы, диабет первого типа, аллергии, рассеянный склероз, болезнь Бехтерева и т.д.

Третья – нарушения кровотока. Как говорил незабвенный Александр Соломонович Залманов, уехавший из России на «философском пароходе», болезни начинаются с нарушения кровотока. Все эти панкреатиты, холециститы, межпозвоночные грыжи... Даже атеросклероз! Он развивается так. Артерия рассчитана на определённое давление. Вот кровь бежит по артериям. Но она предназначена для органов, а сами стенки артерии питаются другой кровью, которую подводят к ним специальные сосудики и капилляры. Начинается капиллярпатия стенок артерий. Капилляры отмирают, и падает механическая прочность сосудов. А это грозит разрывом артерии и смертью! Поэтому организм заранее замазывает место будущего разрыва. Чем? Холестерином! Почему именно им?

Ну, во-первых, кровь – агрессивная жидкость и нужно инертное вещество для заплатки. Это как раз холестерин.

Во-вторых, для заштукатуривания необходимо распространённое вещество, которого не жалко, а это опять же холестерин, его в организме навалом: он основной строительный материал для клеточных оболочек. А дальше начинаются проблемы: течение крови в организме ламинарное, а в местах, где бугрится холестериновая заплатка, начинаются завихрения, то есть возникает турбулентность, из-за этого образуются тромбы, и пошло-поехало... Поэтому, когда я лечу у людей эндартериит, я на самом деле лечу капиллярпатию! Как только капилляры восстановятся, питание стенок артерий наладится, и холестериновые заплатки рассосутся сами собой, лейкоциты холестерина сожрут и выведут...

А нынешние призывы официальной медицины к борьбе с холестерином напоминают мне поиски врагов народа при Сталине. Если бы удалось полностью побороть холестерин, от человека осталась бы только лужа воды и горка костей! Холестерин – основа клеточных мембран. Борьба с холестерином в организме – всё равно что бо-

**МОЙ ДРУГ ВСЮ
ЖИЗНЬ ХОТЕЛ
ЗАВЕСТИ КОШКУ.
И НЕ МОГ. А ТЕПЕРЬ
МОЖЕТ. ПОСЛЕ
ЛЕЧЕНИЯ
У КАРДАНОВА**

роться с цементом в стране. Домов не останется! Если у человека бесхолестериновая диета, печень из белков мяса, углеводов булки будет делать холестерин, потому что он ему нужен – залеплять ослабевшие стенки сосудов. Если у вас повышен уровень холестерина в крови, это вовсе не говорит о том, что у вас много бляшек. Это говорит о том, что у вас происходит интенсивная деструкция маленьких сосудов в организме – капилляров, венул, превенул.

А помимо холестерина печень производит иммуноглобулины, гемоглобины, коллагены кожи. Приходит ко мне на приём молодая женщина с плохой кожей, сразу ей вопрос: «У вас, наверное, печень болит?» Она, наивная, ахает: вот какой доктор – насквозь видит!.. Да не насквозь, а на лице у неё всё написано!

Так вот, если печень недовырабатывает один компонент и с избытком штампует другой, это вызывает сгущение крови и тромбоз флебит. А тромбоз флебит вен прямой кишки называется геморроем. Уравновесьте производство в печени, и уйдёт геморрой. Нарушение всегда системно! Или вы думаете, что геморрой – он сам по себе геморрой, один-одинёшенек? Ищите цепочки. Геморрой не болезнь, а симптом. А у нас лечат геморрой как самостоятельную болезнь.

☉ **А как вы астму излечиваете?**

– Астма – это детский сад. Когда мой сын учился на третьем курсе медицинского, я ему сказал: есть у вас на курсе астматики? Лечи их, тренируйся! Они безопасны, как червяк, – никогда не дают осложнений и всегда вылечиваются. Вон стоит раствор для лечения астмы. В нём всего шесть компонентов с Кавказских гор. Минералы. Эти компоненты и в Альпах есть. И в Новой Зеландии... Самое трудное в лечении – сочетать растворы, учитывая клинические проявления. У меня растворов для закапывания в нос 56 штук. У человека эндартериит в сочетании с гипертонией – один курс лечения, одно сочетание растворов. А если

то же самое, но с гепатитом Д – другой набор. Если у человека гангрена, даю одно, если гангрена с мочекаменной болезнью – совсем другое, иначе помрёт.

Я лечу не болезни, болезни – всего лишь проявления нарушения регуляции. Моя задача – не вылечить болезнь, а восстановить регуляцию, тогда болезнь уйдёт сама. Это совершенно новая медицина. Новая по подходу. Обычно врачи описывают болезнь, но не её причины. И лечат болезнь, вместо того чтобы устранять её причины. Симптоматическая медицина, которая порой доходит до крайностей.

Видели рекламу обезболивающего по телевизору? Болит – прими таблетку, болеть не будет. Ужас! Боль – сторожевой пёс организма. Организм шлёт сигнал: здесь не в порядке! А мы этот сигнал отключаем. Болезнь продолжает спокойно развиваться, а мы ей помогаем, параллельно убивая печень обезболивающей химией.

Как работает западная медицина? Как конвейер. Она имеет дело с одинаковыми деталями. В немецкой клинике врач с пациентом практически не контактирует. К нему поступают анализы, он выдаёт рецепт. Больной проходит по этому конвейеру, как болванка: записали номер, отправили на анализ, потом на второй, потом на рентген, выдали рецепт, отправили в аптеку. Личный контакт между врачом и пациентом в этой схеме вообще не нужен.

У меня – иное дело. Я смотрю на кожу, на реакцию, спрашиваю, как он какает, слушаю жалобы. А потом думаю: ага, у тебя гипертония, у тебя нарушения периферические в печени, у тебя ноги отёчные и кольцо, утопленное в палец, значит, почки «поехали». Сводишь всё воедино, принимаешь решение. Только личный контакт, индивидуальная работа и комплексное решение. А что будет с этим человеком в поликлинике? Нарушения в печени вообще не найдут, от гипертонии пропишут таблетки, от почек уколы, будут пичкать химией вразной. Результат? Плачевный. Человек

**Я НАУГАД
ПОЗВОНИЛ
НЕСКОЛЬКИМ
ПАЦИЕНТАМ
КАРДАНОВА.
ИХ ИСТОРИИ
ВПЕЧАТЛЯЮТ...**

всю жизнь будет лечиться – пить таблетки. Стариков видели? У них вся тумбочка в таблетках. Потому что врач, если к нему обратились, не может не прописать чего-нибудь – это его работа, его шесть лет этому учили. Сколько обращений к врачу – столько новых таблеток на тумбочке. И человек на этих «колёсах» медленно едет в гроб.

А я за клиентом смотрю, через два месяца меняю ему препарат, предупреждаю: после приёма будут субъективные ухудшения здоровья – суставчики заболят, печень заноеет, не бойтесь – это нормально. Причём, что обострится первое, я не знаю, это организм сам расставит. Он будет перестраиваться, восстанавливаясь. Как решит, так и будет. Я в это не лезу, тонкости меня не интересуют. Тонкости пускай интересуют обычных врачей. Вот он узкий специалист и понимает всё про ухо, горло и нос. А про бронхи он уже не понимает, это к пульмонологу. Видите, какие великие, тонкие специалисты! Не то что я, серость...

☉ А как вы пришли к своим растворам? И почему они вообще работают?

– Знаете, будучи человеком уже в возрасте, уже вылечившим раки, геморрои, астмы, я часто, обхватив голову, сам сижу и думаю: ёшкин кот! Ну почему эта херня работает?..

☉ Стоп. Если вы, схватившись за голову, часто думаете, почему ваши растворы работают, откуда вы их взяли вообще? Ведь состав должен был идти от какой-то теории!

– Хороший вопрос. А откуда Менделеев взял свою таблицу?

☉ Во сне увидел.

– Правильно. И конструктор Шпитальный – автор скорострельных пулемётов ШКАС и УльтраШКАС увидел свою конструкцию во сне. Она к нему пришла как будто откуда-то извне. Одномоментно. Целиком. Вся сразу. И со мной было так же. Просто когда в голове масса самых разных знаний из самых разных областей и ты постоянно о чём-то думаешь, вдруг приходит идея. Она возникает как бы из ниоткуда. Процесс её рождения внутри мозга самому обладателю мозга не виден. Только результат. Я не знаю, как я это открыл и почему состав именно такой. Но я знаю, что действует он через вомероназальный орган непосредственно на мозг. На те его отделы и заведоуправления, которые заведуют цехами, пыхтящими в тушке. Для меня это чёрный ящик по Винеру. Я просто знаю, что, если дать на вход такое действие, отклик будет вот таким. А что именно происходит внутри, понятия не имею.

☉ Слушайте, а может быть, это просто работает эффект самовнушения у больного, а? И, что бы вы ему ни дали, что бы вы ему ни сделали, будет улучшение, поскольку он верит в него? У вас все придуманные вами минеральные составы работают?

– Нет, конечно. Порой клинического эффекта нет вовсе. Начинаешь менять состав и постепенно находишь.

...Тут я вынужден признаться читателю, что, хотя все растворы у Карданова авторские, занимается он чистой воды гомеопатией: все свои секретные концентраты перед тем, как дать их больным, он сильно разводит. Если кто забыл на секунду, что такое гомеопатия, напомню. Берётся некое лекарство и растворяется в колоссальных объёмах дистиллированной воды. Растворяется настолько, что в растворе не остаётся практически ни одной молекулы активного вещества. И вот этой «пустой» водой пичкают больного в надежде на исцеление. Я в гомеопатию не верю. По той простой причине, что достоверных данных о том, что она работает, не существует. Ну не удовлетворяет гомеопатия требованиям доказательной медицины!.. Более того, у академической науки нет никаких идей о том, почему она могла бы работать. И в самом деле, если вы развели вещество настолько, что в ведре его осталась одна молекула или даже той молекулы нету, что будет реагировать-то? Нечему реагировать! И Карданов об этом знает. Вернее, знал. Он ведь тоже полагал гомеопатию лженаукой. И занялся ею исключительно от нужды.

☉ **С чего вы вообще взяли, что нужно лекарство разводить? Ну сделали вы свой чудодейственный раствор, состав которого увидели во сне. И лечите им! Разводить-то зачем?**

– Честно? У меня просто было слишком мало концентрата. И я подумал: если можно достичь усиления эффекта при определённых разведениях, как говорят иные буржуазные мракобесы, попробую-ка и я в целях экономии разводить! Воды-то дистиллированной полно, а концентрата мало. И сработало! Хотя я, конечно, понимаю, что всё это ересь и мракобесие!.. Помню, когда я ещё был студентом, подружка моей мамы говорила: когда закончишь мединститут, иди ко мне, в гомеопатию. Но я был советский студент и знал, что гомеопатия – это продажная девка империализма, отвлекающая пролетариат от классово-борьбы. Лженаука! Но потом был один эпизод... Сидим мы в 1985 году на кафедре, вдруг шеф приходит и говорит: «Ребята! Это не обязательная вещь, но сегодня к нам придёт один интересный человек из Первого меда и кое-что расскажет. У него интереснейшая работа. Но будет это в десять часов вечера». – «А почему так поздно?» – «А потому, что там такая тема, что в рабочее время нельзя – и ему, и мне дадут по шее. Но ему ужасно хочется этим поделиться, а напечатать это невозможно».

И вот пришёл к нам этот человек – заведующий кафедрой фармакологии Первого меда товарищ Кедров. И рассказал невероятное. Он брал ацетил-

халин в канюлю – это пипетка такая – и капал вещество на лягушачье сердце. Сердце под действием препарата начинает сокращаться, потому что ацетилхалин вызывает местную деполаризацию мембраны мышечного волокна, это ведёт к возникновению импульсов, распространяющихся по мембране, и вызывает мышечное сокращение. И мы эти сокращения мерим – амплитуду, промежутки между сокращениями. Капнули – начало сокращаться, потом закончило, отмылось. Классический опыт.

Теперь разводим ацетилхалин всё больше и больше, рассказывал нам Кедров, и получаем вполне ожидаемый эффект – чем меньше концентрация ацетилхалина, тем меньше его активность. И, в конце концов, препарат действовать перестает. Дальнейшее разведение бессмысленно, не правда ли? Но мы продолжаем разводить дальше, хотя это и глупо. Разводим, разводим, разводим. И всё время видим нулевую линию на графике. А потом вдруг раз – и раствор начинает действовать: сердце бьётся! Снова разводим, и эффект пропадает. Опять разводим – действует. Условно говоря, при разведении десять в минус третьей степени вот такая активность. При десяти в минус пятой – нулевая. При десяти в минус десятой – всё ещё пустыня на графике. А в минус семнадцатой – неожиданный пик. Что именно действует, если активного вещества в растворе давно уже не осталось?..

Кедров и его сотрудники дошли до разведения десять в минус двухсотой, я потом пробовал и дальше. И могу подтвердить – эффект есть! Но соваться с этим в официальную науку – башку снесут. Вот у меня здесь выписано и красной чертой подчёркнуто мнение официальной науки: «Ссылки на память воды... не имеют научных оснований». Поэтому биться головой о бетон я не намерен. Я видел, что делает с людьми система, против которой они пошли. Сколько на моих глазах людей затоптали! Вайнберг, Белоярцев, потом грузин этот... Гочичашвили, кажется. Они все пытались через официальную науку пробить то, что стояло на тот момент в стороне от основного русла. Дело в том, что, если твой препарат находится неподалёку от мейнстрима и немного что-то улучшает по сравнению с имеющимися, ты пробьёшься. А если нет – сожрут.

Всё это было на моих глазах, и я, как человек умный, сделал выбор. Это что – меня будут травить, а я буду нервничать? Пошли вы на ...! Поэтому наука идёт своим лесом, а я своими полями – параллельно. Лучше я буду спокойно сидеть дома и зарабатывать деньги, не связываясь с вашим государством. И, пока я жив, кому-то из больных повезёт... ☉

Книги Александра Никонова «Духовные скрепы от Курочки Рябы», «Наполеон. Попытка № 2» с автографом автора вы можете приобрести в интернет-магазине STORY на www.story.ru

Volkswagen Jetta

Вкладывайте в комфорт

КРЕДИТ
5 900 руб в месяц¹

Что может лазер? Много! Но главное, он с идеальной точностью может создать Volkswagen Jetta.

Уникальная² технология лазерной сварки позволяет получать сплошной сварочный шов, благодаря чему кузов Volkswagen Jetta обладает высокой жесткостью. А чем жестче кузов, тем точнее и комфортнее управление.

¹Ежемесячный платеж в сумме 5 900 рублей достигается при получении клиентом кредита по программе ООО «Фольксваген Банк РУС» (далее — «Банк») «VW Jetta Гарант» на покупку нового автомобиля Jetta Conseptline 1.6 MPI 66 (90) 5-мех. стоимостью 906 000 рублей, на срок 36 месяцев, с первоначальным взносом 426 750 рублей (47,1% от стоимости авто), остаточным платежом 362 400 рублей (40% от стоимости авто) и процентной ставкой 7,5%* годовых при предоставлении полного пакета документов. Информация не является офертой Банка, расчет является приблизительным. Полная стоимость кредита и конкретные параметры кредита будут рассчитаны на основании Анкеты клиента, направляемой в Банк для одобрения кредитной заявки.

²Указанная процентная ставка применяется для расчета платежей по кредиту при условии предоставления государственной субсидии на основании Постановления Правительства РФ № 364 от 16.04.2015 г. и составляет разницу между стандартной процентной ставкой Банка для соответствующих условий кредитования и размером скидки равной двум третям ключевой ставки ЦБ РФ, действующей на дату выдачи кредита. Основные условия кредитования ООО «Фольксваген Банк РУС» (далее Банк) в рамках продукта «Jetta гарант» на новые автомобили Volkswagen Jetta при предоставлении полного пакета документов: валюта кредита — рубли РФ; сумма кредита от 120 тыс. до 1.15 млн. рублей. Процентная ставка составит при сроке 36 месяцев — 14,9% годовых, при ПВ от 20%. Минимальный размер остаточного платежа составит 20% от стоимости автомобиля; максимальный размер остаточного платежа составит: при сроке 36 месяцев — 40% от стоимости автомобиля. Обеспечение по кредиту — залог приобретаемого автомобиля. Часть кредита может быть направлена на оплату страхования КАСКО и / или иных программ страхования, сумма страховой премии по которым зависит от перечня страховых рисков, выбранной Клиентом программы и суммы кредита. Условия предоставления кредита действительны на 01.07.2016 г. и могут быть изменены Банком. Срок действия акции: с 01.07.2016 по 30.09.2016. Индивидуальные условия потребительского кредита должны быть акцептованы клиентом не позднее 29.09.2016. Информация по телефону Банка: 8-800-700-75-57 (звонок по России бесплатный). Лицензия ЦБ РФ № 3500, 117485, г. Москва, ул. Обручева, д.30/1, стр.1. www.vwbank.ru.

³Технология лазерной сварки является редкой для автомобилей этого класса. Реклама.

Volkswagen

Официальный дилер Volkswagen «Атлант-М»

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

Лида Мониава – второй человек в хосписе для деток «Дом с маяком». Сегодня у неё и её коллег пятьсот подопечных – неизлечимо больных малышей. Большинство сотрудников – из бывших волонтеров. Лида тоже прошла этот путь. А начался он с нескольких правильных слов, сказанных дорогим для неё человеком

МАРИНА БОЙКОВА

– Я очень не люблю пафосных речей про страдания и трагедии. Всех, кто работает в нашем хосписе, от них просто тошнит. То, с чем мы сталкиваемся, – это обычная жизнь. Так было всегда: у кого-то рождается нормальный ребёнок, а у кого-то – с неизлечимым заболеванием. И в том и в другом случае жизнь складывается из кучи бытовых вещей: надо кому-то сходить в магазин, кому-то приготовить еду, кому-то перестелить постель. Если ребёнок болен, возникают дополнительные проблемы, которые надо решать. Только так к этому и следует относиться, стремясь максимально приблизить жизнь к нормальной, в которой не беспресветный мрак, а есть место всему, в том числе радости и празднику. Вообще, работа в хосписе – она про то, чтобы каждый день, отпущенный ребёнку, он прожил счастливым. Вот на это мы и работаем.

В детстве я, кстати, страшно боялась всего медицинского: кафельные стены в поликлинике, медицинский запах, какие-то непонятные приборы, шприцы с иглками – всё вызывало панику, казалось, в любой момент с тобой могут сделать что-то такое, от чего будет очень больно. А главное, ты никак не контролируешь ситуацию и не можешь остановить людей в белых халатах. Я и сегодня не рассталась с этими ощущениями. Поэтому хочу, чтобы наш детский хоспис, хотя это и медицинское учреждение, не был страшным для детей. У нас все врачи и медсёстры без белых халатов, они умеют и поиграть, и поговорить, и «полечить» с ребёнком плюшевого медведя. И когда откроется стационар (надеюсь, уже через пару лет), в нём не будет ничего кафельного, холодного, бездушного, пугающе «больничного», включая неразумные

строгости: животных – нельзя, комнатные растения – нельзя, папу, маму – тоже нельзя. И вообще, хоспис – это не то место, где медицина на первом месте, хоспис, как я уже сказала, он про другое.

Сама я до семнадцати лет вообще не знала, что такое место в мире существует, не думала ни о болезнях, ни о смертях. Как все обычные дети.

Помните, в Москве в течение нескольких десятилетий существовало такое литературное рок-кабаре Алексея Дидурова. Культовое место. Туда приходили поэты – и читали свои стихи, приходили барды – и пели свои песни. Я стала завсегдатаем этих встреч ещё когда училась в школе. Каждую неделю там происходило что-то интересное.

В перерывах между чтениями и песнями Алексей Алексеевич рассказывал слушателям «философию жизни». А потом он неожиданно умер. Я очень сильно была к нему привязана, поэтому переживала дико тяжело. И вот тогда я вспомнила, что Алексей Алексеевич нам часто говорил: «Самое большое счастье – делать что-то хорошее для другого человека». Это и дало толчок к тому, что я пошла в больницу. Первый раз. Как волонтер.

Был и повод. Моя подружка нашла в «ЖЖ» объявление, что в Российской детской клинической больнице ищут волонтеров, у которых есть цифровой фотоаппарат и которые готовы одолжить его больному ребёнку для участия в фотомарафоне. Идея была такая: дети из отделения онкогематологии целый день фотографируют – всё вокруг, а потом устраивается конкурс и выставка их работ. В то время далеко не у каждого был цифровой фотоаппарат. У меня был. Я пришла в больницу и дала его одному мальчишке, и целый день прове-

ла с ним, помогала снимать. Помню, мы шли после марафона с подружкой домой и говорили о том, что хотим приходить к этим ребятам и что-то для них делать. Потом в Интернете я нашла форум для переписки с детьми, которые лежат в РДКБ, и написала письмо девочке Ане. Ей было двенадцать лет, у неё был рак крови. Сейчас неловко вспоминать, какую сопливую ерунду я ей писала. Думала – так и надо с детьми, больными раком, они мне казались какими-то ангелами. Аня же отвечала коротко и чётко. Однажды получаю от неё: «Лида, привет! Хватит лениться, приходи в гости». То есть в отделение трансплантации костного мозга, где она тогда лежала. Как я могла не пойти?

Ужасно волновалась. Накупила всяких сладостей, которые сама любила. Ожидала увидеть худенькую голубоглазую Аню с длинными волосами, которая на меня смотрела с фотографии на форуме. Подхожу к отделению. У входа – лысая девочка в медицинской маске и с огромными щеками, да ещё в инвалидном кресле. «Не подскажите, как найти Аню Анохину?» – спрашиваю. Она: «Это я». Не знаю, удалось ли мне тогда скрыть своё удивление и растерянность, но я старалась. Сразу стала выкладывать гостинцы. Оказалось, что после трансплантации ей ничего нельзя есть, кроме пропаренных овощей. Пока Аня была жива, а умерла она через два месяца, я регулярно её навещала. Конечно, к её смерти я не была готова. Я тогда много плакала, мне не давал покоя вопрос: почему дети умирают? Теперь я убеждена: ответа на него нет. Возможно, мы все взаимосвязаны и так «аукается» зло, которое делают люди. «Аукается» не тому, кто зло совершил, а другому человеку. Не знаю... Сейчас, когда в месяц уходят семь-восемь наших подопечных, я вообще не думаю об этом, принимаю как данность. Я и мои коллеги – мы люди приземлённые, на философию не хватает ни сил, ни времени. Есть множество реальных проблем, их решать – для нас важнее.

А тогда, и после Аниной смерти, я не перестала ходить в больницу. В те годы в Москве ещё не было организованной волонтерской структуры, а мне одной не по силам было подружиться сразу со всеми детьми в отделении. И тогда я сама собрала команду из сорока человек. К этому времени я училась, работала в газете «Вечерняя Москва», поэтому вместе со мной были и мои бывшие однокурсники, и сокурсники, и коллеги. Сначала мы просто общались с детьми – чтобы им не было скучно, одиноко. Это, кстати, тоже не всегда легко. Дети, которые переносят болезненные процедуры, соблюдают жёсткую диету, не всегда готовы к общению, тем более с незнакомым человеком. Они могут просто с тобой не разговаривать. Так я месяц приходила в палату к девочке лет пяти из Чечни, звали её Мадина. И за весь месяц она мне не сказала ни слова. Мы просто вместе рисовали,

и я ей что-то рассказывала. Я была уверена, что она не понимает по-русски. Потом оказалось, что она стеснялась говорить...

Вообще, если говорить о волонтерстве, то долго быть волонтером почти невозможно. Год, два, три – и человек выхолащивается. И возвращается в свою привычную среду. Или это становится его профессией, работой – как сложилось у меня и почти у всех сотрудников хосписа. Люди идут в волонтеры, разумеется, по разным причинам, наверное, кто-то таким способом решает свои внутренние проблемы. Но я считаю, не важно, какая у человека мотивация, главное, чтобы он делал полезное дело. Когда мы были, например, в английском детском хосписе и интересовались, как там отбирают волонтеров, нам сказали: «Есть у нас отдельная категория – люди с депрессиями. Мы их специально приглашаем в хоспис. В результате они и детям помогают, и сами избавляются от депрессии». Вообще, волонтеры бывают разные. Есть такие, которые привозят ребёнка свою собаку, чтобы он с ней поиграл, есть волонтеры-парикмахеры, волонтеры-кулинары, которые приходят какое-то блюдо приготовить для ребёнка. Есть волонтеры, которые вообще с детьми не соприкасаются, они помогают в офисе или как курьеры отвозят посылки из хосписа семьям. Люди самые разные: и пенсионеры, и работающие, которые приходят помогать по выходным, и студенты. Даже дети, школьники помогают.

... В газете у меня всё складывалось неплохо. Мне интересно было писать на разные социальные темы. Но ты пишешь – и непонятно, кто прочитает, ты рассказываешь о проблемах – и ничего не меняется. Поэтому интерес потихоньку угас. И вообще, я больше времени проводила в больнице, чем на работе. Но зарплату-то мне платили! В итоге я поняла: это нечестно. И уволилась. Стала работать в фонде «Подари жизнь» помощником его директора Гали Чаликовой... Сегодня я продолжаю дело двух удивительных женщин – Гали и Веры Васильевны Миллионщиковой, основательницы Первого московского хосписа. Галя была невероятно доброй. Круглые сутки у неё звонил телефон. Её фонд помогал детям с онкологией, но ей звонили со всей страны с самыми невообразимыми просьбами: у кого-то дом сгорел, у кого-то мужа незаконно в тюрьму посадили... И Галя всех выслушивала и тут же начинала действовать – находила людей, которые этому конкретному человеку были бы рады помочь. Никогда никому не отказывала. А Вера Васильевна для меня единственный человек в России, который знал, что такое хоспис и паллиативная помощь. Она всех учила, рассказывала, что нужно делать для умирающих пациентов. В её хосписе была такая традиция: раз в неделю проводилась конференция для сотрудников. И я всегда на эти конференции

ходила. Обычно перед обсуждением состояния пациентов Вера Васильевна пять – десять минут что-то говорила на отвлечённые темы. Про общество любила рассуждать. Помню её слова о том, что у каждого пациента есть дома записная книжка и надо её взять, вместе с пациентом просматривать и спросить про каждого, кто там записан. Может, пациент с кем-то хотел бы пообщаться. И что вообще надо как можно больше людей привлекать для помощи пациенту, например его соседей. Сохранились записи этих конференций, и мы периодически их просматриваем, продолжаем учиться, хотя самой Веры Васильевны уже нет. И Гали нет.

Кстати, это именно Галя придумала название хосписа – «Дом с маяком». Она же была инициатором создания такого хосписа, потому что не все дети, больные раком, которым помогал фонд «Подари жизнь», поправлялись. Было много тех, кого выписывали домой как безнадежных, и важно было продолжать оказывать им помощь. Значит, был нужен детский хоспис. А идея этого образа – маяка – в том, что это такой сигнал... Понимаете, когда родителям сообщают, что их ребёнок неизлечимо болен, это похоже на конец света, на катастрофу, на шторм, когда земли нет под ногами, когда вокруг темнота и ты не понимаешь, куда двигаться. А маяк даёт знать, что есть место, где могут помочь, что дальше тоже возможна жизнь, что ты со своей бедой не один. Да, хоспис не спасает от страха, что твой ребёнок умрёт. Но спасает от другого страха – что твой ребёнок будет умирать в муках или за закрытой дверью реанимации и что ты в этот момент окажешься один, без помощи.

Вера в чудо? Был лишь один случай, лет шесть, кажется, назад. Мальчик Цолак, армянин, у которого была опухоль мозга, впал в кому, и его определили в Первый московский хоспис. Он в нём прожил целый год вместе с мамой, папой и братом. Первые полгода – как безнадежный больной, а вторые полгода – как чудесным образом выздоравливающий. Одним утром он вдруг проснулся и начал восстанавливаться, речь к нему вернулась, потом он начал заново учиться ходить. Сейчас Цолак живёт во Франции, учится в университете. Уже никто не скажет, что он когда-то серьёзно болел. Но мы думаем, что это была просто ошибка диагностики. Но в каком-то смысле да – чудо.

Когда Галя Чаликова умерла, я перешла в фонд «Вера», где стала менеджером детской программы. А три года назад мы создали нашу выездную службу детского хосписа. Тогда, в самом начале, мы не знали, что конкретно будем делать, как всё это будет выглядеть. Но появлялись дети, у каждого свои проблемы, вопросы, сложности. С каждым ребёнком мы проходили какую-то историю, набираясь, таким образом, опыта, выстраивая модель, как нужно работать. Сначала мы брали лишь детей с онкологией. Но оказалось, что таких не так

уж много и что есть огромное количество детей с другими диагнозами – с генетическими синдромами, с мышечной дистрофией, после полученных травм. Их родители тоже стали обращаться в хоспис. Встал вопрос: что делать? Кого нам всё-таки брать в хоспис и кого не брать? Решили: будем брать только лежачих. Тогда у нас было около ста таких под опекой. А потом к нам пришла физический терапевт Илона Абсандзе, которая сказала: эти дети лежат, потому что их никто не посадил. Она объездила всех наших подопечных, всем подобрала инвалидные кресла, вертикализаторы. Теперь лежачих детей у нас нет. Все могут сидеть, стоять. Просто мы не представляли, что такое возможно. И так с каждым новым сотрудником: приходит человек и что-то новое с собой привносит.

Раньше мы думали, что если ребёнку необходим аппарат ИВЛ (искусственная вентиляция лёгких), то он с ним лежит в реанимации, в лучшем случае его забирают домой. Потом к нам пришла реаниматолог Саша Левонтина и показала, что с ИВЛ можно гулять, посещать загородные лагеря, даже купаться! Недавно мы ездили с хосписом в бассейн, и как же замечательно плавала в нём наша подопечная на ИВЛ Виталина! Те самые трубки, которые в реанимации не разрешают трогать, болтались на плече у плывущей рядом Виталининой няни. А Коля, ещё один наш пациент на этом аппарате, ездил с другими ребятами в Московский зоопарк, смотрел на танцующих слонов, видел белых медведей, обезьян и ещё много кого. В зоопарке был выходной день, и экскурсию устроили только для детей хосписа. Впечатлений у всех – море!

Нам очень хочется, чтобы каждый свой день эти дети проживали в радости, сколько бы им этих дней ни было отпущено.

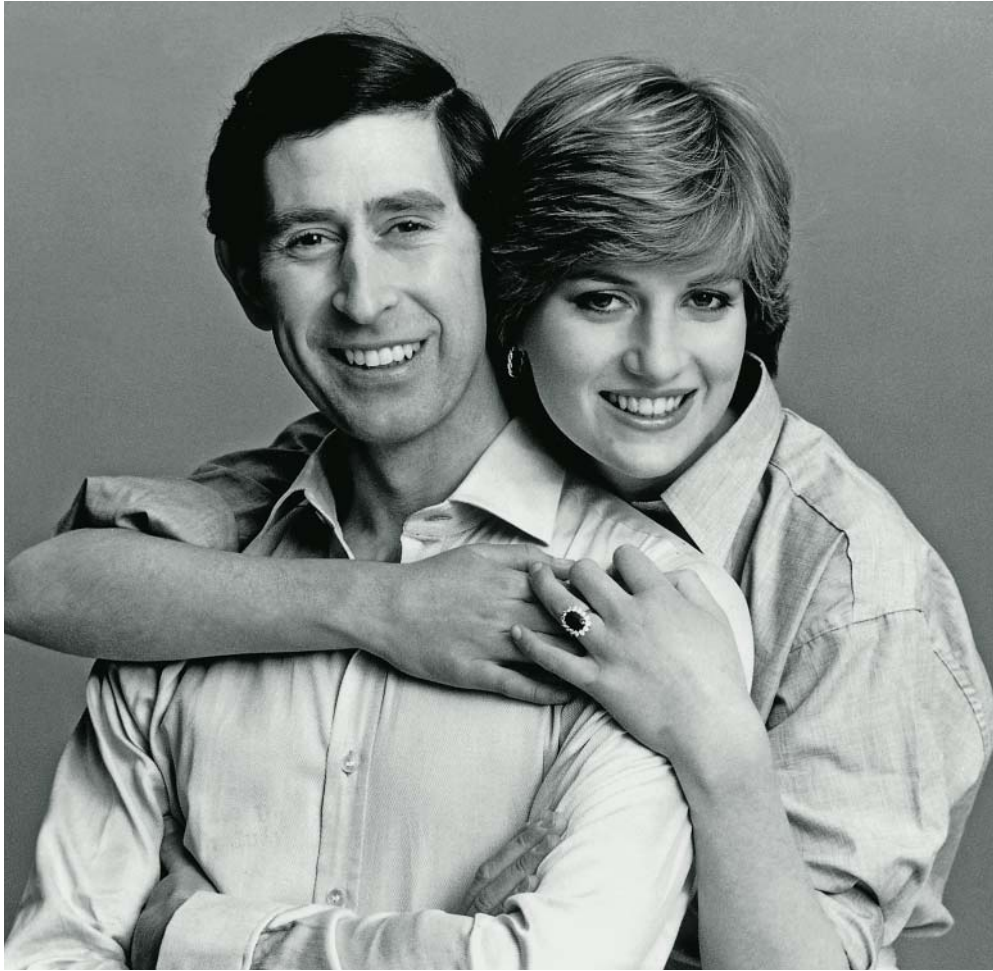
Вообще, мы берём в хоспис тех, у кого, по прогнозу врачей, смерть может наступить до восемнадцати лет. Бывает, что они и десять, и пятнадцать лет остаются под нашей опекой. Сейчас у нас есть пациент, которому уже двадцать восемь лет. Заболевания разные! И продолжительность жизни зависит от того, какую медицинскую поддержку получал ребёнок с самого начала болезни и в какой атмосфере находился. И тут наши праздники, выезды на природу, экскурсии, я думаю, тоже играют роль. Мы ещё стараемся выполнить все желания наших подопечных. Часто они материальные: дети хотят айпады, крутые фотоаппараты. А у родителей денег нет. Тогда я открываю «Фейсбук», описываю ситуацию – и непременно находитесь добрый волшебник. Мы, работающие в хосписе, вообще считаем себя счастливыми, потому что имеем дело только с хорошими людьми, готовыми помочь. Каждый день нам звонят и предлагают помощь: кто-то хочет подарить мебель для офиса, кто-то приглашает детей в своё кафе, кто-то готов перевести деньги. На свете много прекрасных людей!

А ещё бывает, что ребёнок мечтает встретиться с каким-нибудь известным человеком. Мы тоже об этом пишем в «Фейсбуке», и, как правило, сразу на нас выходят знакомые люди, которые помогают организовать встречу. Известный футболист Кержаков специально приехал в Москву из Петербурга, чтобы пообщаться с мальчиком из хосписа. А если встреча по каким-то причинам невозможна, тоже находится выход. У нас, например, один ребёнок полчаса говорил по скайпу с Розенбаумом. Звёзды и видеоприветы записывают, и футболки с автографом присылают. Никто ни разу не отказал. Мы даже помогаем в организации свадеб, когда кто-то из наших старших подопечных хочет поскорее жениться или выйти замуж. Мы вообще не отделяем пациентов хосписа от обычных людей. У них в жизни происходят те же радости и печали, что и у всех.

И, конечно, мы не забываем тех, кто ушёл. Раз в год проводим день памяти, на который приходят родители умерших детей. У нас в офисе есть стенд с фотографиями тех, кого уже нет. Висят фотографии и Маржаны Садыковой, удивительной девочки, которая умерла от саркомы три года назад. Когда мы познакомились, ей было тринадцать лет. Она тогда уже могла только лежать. Но попросила фотоаппарат. Мы принесли. И Маржана стала снимать портреты. Каждый день к ней приходили новые люди для съёмки, она придумывала им образы. Когда в кинотеатре «Пионер» открывалась выставка её работ, Маржана мучилась от сильных болей. При этом всех подбадривала, не унывала. Она всегда говорила, что нельзя ни на что обижаться, не надо искать несправедливость в том, что выпадает на нашу долю. Важно просто принимать с благодарностью всё, что происходит. Эти её слова я запомнила навсегда.

Конечно, мы следим за всем, что происходит в области медицины. Каждый год появляются новые лекарства. В 90-е годы, когда стали строиться хосписы для детей с онкологическими заболеваниями, от рака умирало 80% маленьких пациентов. Потом произошла какая-то революция в онкогематологии. Теперь 80% детей с раком крови поправляются. Всё время идут разработки новых лекарств для лечения генетических заболеваний. Надеюсь, это только начало. Знаете, о чём я мечтаю? Конкретно в эту минуту... Вот год назад один пожелавший остаться неизвестным человек подарил детскому хоспису большое плавание на теплоходе. Я долго пыталась разузнать имя этого человека, но мне так и не сказали. А подарок получился грандиозный. Мы всем хосписом сели на теплоход и уплыли за город, жарили шашлыки, лежали на траве, а потом снова долго плыли мимо лесов, домов, людей... Это был день какого-то невероятного счастья. И как же я мечтаю, чтобы он повторился! ☺

— ❖ — ОТПЕЧАТКИ — ❖ —

Леди Диана

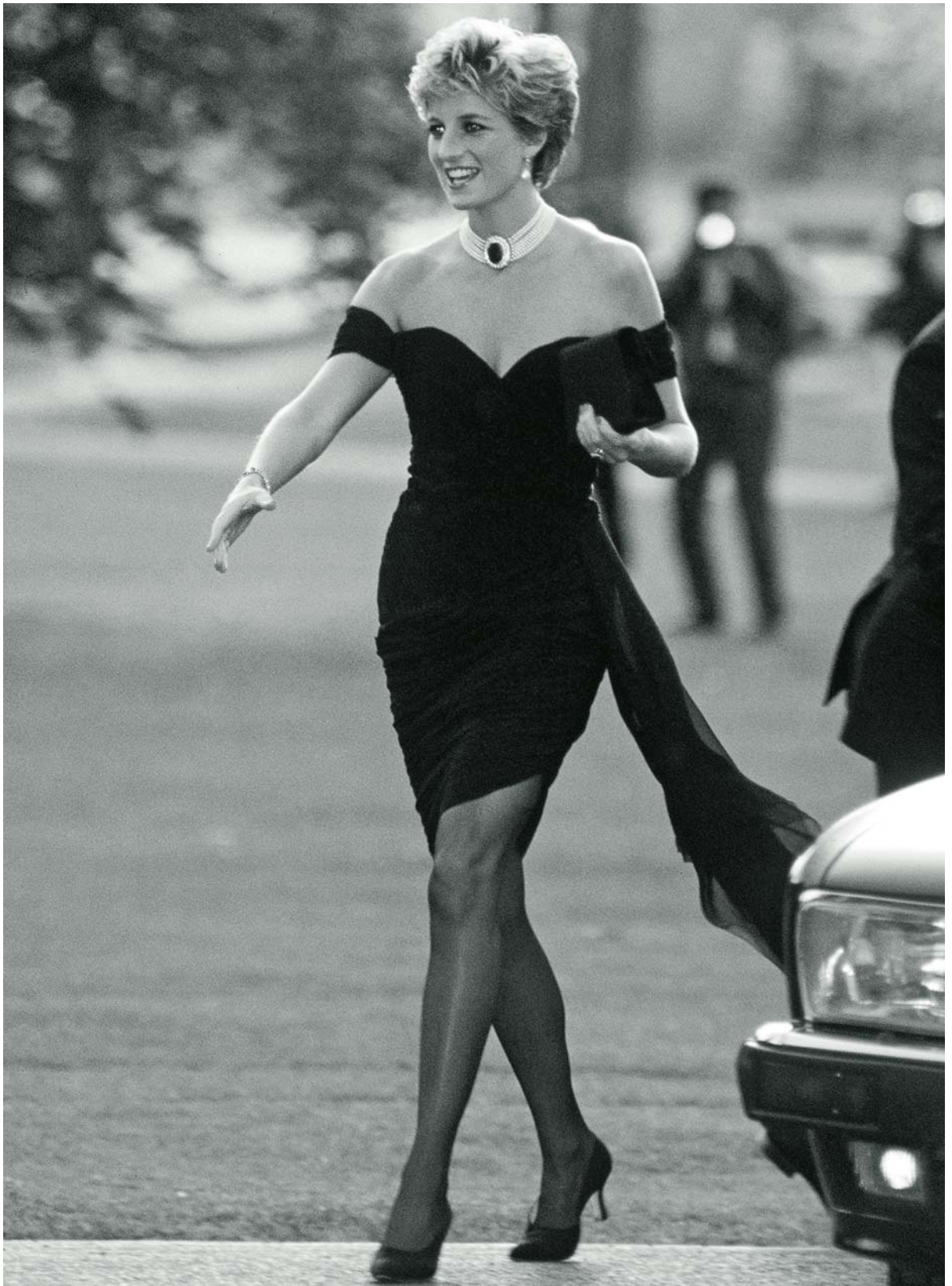

► Маленькие принцессы: Диана и Маргарет, младшая сестра королевы Великобритании **(справа)**. Что объединяет этих девочек? Когда вырастут, обе получают негласный титул «принцесса-бунтарка»

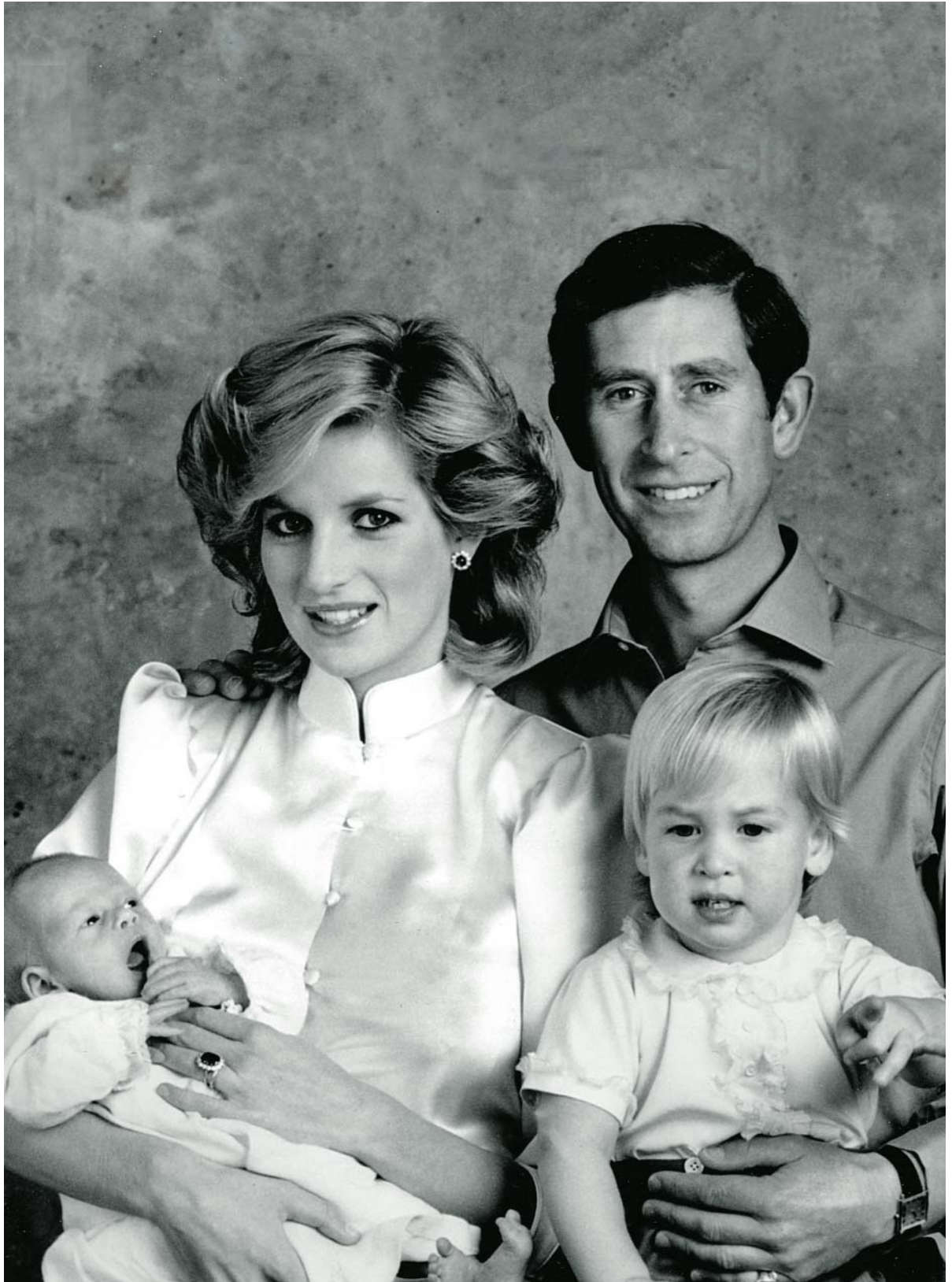

► «Люди называют меня Мэрилин Монро 80-х годов. Не думайте, что быть иконой – счастье». (Диана)
«Больше всего я боялась стать случайным пассажиром в поезде под названием «Жизнь». (Маргарет)

► «Всё, что я хочу, – чтобы был кто-то для меня, чтобы я чувствовала себя в безопасности». (Диана)
«Да, я всю жизнь делала только то, что хотела! И нисколько об этом не жалею». (Маргарет)

► «Уильям и Гарри – единственные мужчины в моей жизни, которые не подвели меня». (Диана)
«Мои дети – обычные англичане. Так уж вышло, что их тётя – королева Великобритании». (Маргарет)

Кожа принцессы

Во все времена существовали дамы, вызывающие народную любовь и подражание вопреки тому, что сама их жизнь вовсе не эталон добродетели. За что же таких любить?

ОЛЬГА ФИЛАТОВА

Женщины любят повторять друг за дружкой. Ещё с детского садика, когда хочется такие же, как у подружки, бантики и туфельки, потом в школе они обязательно будут копировать наряды, причёски, канцелярские принадлежности, а дальше – больше, лав-стори на подружьи манер. Подражание у женщин в крови. Есть в этом что-то от стайных животных, рыбок каких-нибудь, птичек – все побежали, и я побежала. Интересен вопрос – почему за одной копируют, какие бы глупости она ни предпринимала в жизни, а над другой смеются, даже когда та одета в «шанель»? Этот вопрос всегда остаётся открытым. Удивительное дело: одна дама закурила, а все вокруг попадали в обморок – позор! позор! как она могла? Тогда как другая взяла в руки мундштук, и все замерли, восхищённые. Назавтра не курила только девяностолетняя бабушка. Снять корсет, закурить сигарету – все эти вещи кто-то из дам сделал впервые, а все остальные только повторили, набравшись храбрости. Или взять хотя бы развод, пусть даже в благородном семействе. Ещё в прошлом веке развод между супругами был явлением отчаянной смелости, вызовом обществу. Но не прошло и пятидесяти лет, как не развёлся только убогий. Оказалось, что развод вовсе не позорное мероприятие, а дело практически респектабельное.

Начиналось по-домашнему. Помните Золушку? Одна простушка вышла замуж за одного там аристократа. Королева-мать в восхищении. Потому что простушка эта была не абы кто, а принцесса Диана. Впоследствии икона стиля и женщина, потрясшая основы цивилизации. Королева людских грёз. Хотя истории про Диану-Золушку можно сразу забыть, поскольку миф о её низком происхождении растаял, как утренний туман, и сегодня любой дурак в курсе, что Диана-уборщица и Диана – воспитательница детей – всё это просто андеграундные молодёжные выходки. Диана не

Золушка ни в какой части своего родословного дуба. Она подлинная аристократка, прекрасная партия для Чарльза, поскольку была выбрана его родной матерью совершенно не из народа. Но покорила людские сердца вовсе не победительной красотой и даже не аристократическими древесными кольцами. Оказалось, что сердца покоряются не тенями предков, а поступками. Диана же наделала множество таких вещей, которых до неё не решались предпринимать даже королевские конюшие. Расквиталась за всех сразу – за несчастного Эдика с его Уоллис Симпсон и за дедушку Георга с его привязанностями. Да что там, Диана, что называется, отождела за весь королевский род, раскачав семейную лодку и королевский трон. Народу всё это дико понравилось. С кого же британцам брать пример, как не с Дианы?

Начать с того, что она всё перепутала во время своей свадебной церемонии. Имя жениха назвала шиворот-навыворот, потом замылила ту часть церемонии, где говорится о повиновении мужу. То есть под венцом ничего не обещала в плане послушания. Хотя всё время скромно опускала ресницы. До неё всё было наоборот – прежние как раз обещали, но не выполняли. Вспомнить хоть ту же Аню Болейн. Вообще, люди помнят и любят других людей совсем не за добродетель, лезущую изо всех пор, а как раз наоборот, за всякие милые и забавные слабости, которым хочется и может подражать. Вы курите? Нет? Зря. Как вам после этого подражать? Может, тогда хоть пьёте?

Если бы семья принца и принцессы была простой и счастливой, кого бы занимала персона Леди Ди? Но покуда народная молва постоянно полнилась слухами обо всяких похождениях супружеской пары, всяких неприличных с точки зрения королевской морали культурно-бытовых подробностях, то интерес горел пожаром. Усядет, бывало, принцесса погрузить на ступеньках Тадж-Махала, у народной молвы радость: прин-

цесса подаёт знак! Я-то здесь, а вот где мой милый Чарльз? Потом взяла с лестницы свалилась. Молва в отчаянии: что за тень страдания у неё на челе? Несчастливая любовь дурно сказывается на внешности и характере. Поползли слухи, что Диана истеричка, у неё склонность к суициду, у неё психические расстройства и булимия, у нашей красавицы. Но налогоплательщики полюбили её не за то, что была хороша – мало ли на свете красавиц? – а за то, что она дала им пощупать саму свою жизнь, вывернула для них самые тайные кармашки. Последней бабке в королевстве удалось сунуть палец в замочную скважину дворцовой спальни. Когда Диана наконец разбилась на машине, британская нация рыдала, как дитя, у которого отобрали игрушку. До Дианы королевский дворец был закрыт на большой амбарный замок и происходящее в нём открывалось только в официальной части или же во времена исторических катастроф, когда люди являлись во дворец, чтобы отрубить там кому-нибудь голову. Диана раскрывала этот ларчик. Оказалось, что даже у принцев и принцесс есть несчастная любовь и бытовая распушенность. Развод принца Чарльза и принцессы Дианы сделал из Ди икону. Вот где начался истинный праздник! Ну невозможно не полюбить женщину, чья женственность и человечность выступают в каждом её слове и жесте! Стали подражать. Хотя в подражании принцессе Диане требуется мастерство. Образ её тонок и потому трудно передаваем. Но если вы обладаете внешностью ожившей римской статуи, у вас может получиться. Причесаться в стиле АВВА, надеть шляпку с достаточно широкими полями и опустить очи в пол, стыдливо ими постреливая, как будто в день собственной свадьбы стянула с торта самую верхнюю вишенку.

Справедливости ради стоит отметить, что, конечно, не одна лишь Диана так вышивала по королевским гобеленам. Были, были и до неё сокрушительницы устоев, народные любимицы. Дело в том, что у принца Чарльза имелась родная тётушка принцессы Маргарет, ныне покойная, – младшая сестра здравствующей королевы Елизаветы II. Тётушка эта была чрезвычайно красива. Её обожали подданные. За что? О, это стоит отдельной повести.

Как было не любить эту жемчужину Виндзорского замка? Как было не подражать ей в нарядах или в её манерах и поступках? Маргарет была очень, очень праздничная женщина. Рядом с нею сразу же хотелось выпить, чтобы усугубить настроение. Для сравнения: в руках её старшей сестрицы выдыхалось даже шампанское. Поразительно, насколько разными оказались сёстры. Пока старшая примерялась к королевским манерам и этикету, репетировала изящные жесты и выигрышные позы в интерьерах, младшая училась курить, танцевать, модно одеваться. И она

научилась! Достаточно хорошо, чтобы потом вся нация пустилась ей подражать. А начиналось обыденно. Сёстры выглядели как близняшки, одинаково нарядные, в пальтишках и беретиках. И лишь после того, как корона опустилась на голову Елизаветы, её сестра Маргарет приобрела особый статус – сестра королевы. По сути, её тень. Но если для королевы сестра оказалась лишь тенью, с которой долгие годы можно не видеться, то для самой сестры королева оказалась самой большой в жизни проблемой. Ибо теперь именно королева-сестра распоряжалась её жизнью по своему усмотрению.

В 1955 году Маргарет Роуз принцесса Йоркская собралась замуж. Увы, её возлюбленный оказался недостаточно знатным для того, чтобы стать мужем. Разведённый, старше невесты на шестнадцать лет... Сестра-королева, парламент и церковь во главе с архиепископом Кентерберийским сочли Питера Таунсенда никуда не годным. Эту мысль они донесли до несчастной принцессы. Поэтому осенью того же года Маргарет выступила по «Би-би-си» с сообщением, что отказывается от отношений с капитаном Таунсендом и вообще расстанется с ним. Вот так королева наступила на горло песне принцессы. Спрашивается, оно того стоило? Разве обязательно было ломать жизнь молоденькой женщине и британская нация бы не перенесла позора, выйди принцесса замуж своевременно и по любви?

Отказаться-то от любви она отказалась. Однако же такие номера ни для кого не проходят бесследно. И вся её последующая жизнь тому подтверждение. Принцесса повела себя совершенно в духе Ларисы Огудаловой из нашей «Бесприданницы», как если бы Ларису не застрелил Мягков, она бы увернулась от пули и уехала в Париж со своим купчишкой, что бы она там делала? Она бы понеслась по кочкам – вот что. Принцесса Маргарет взялась тратить жизнь со всей силой отпущенного ей темперамента.

Темперамента у Маргариты было. Редкое гламурное издание за последующий год не опубликовало снимков принцессы во всех видах. В тот год она успела появиться в списке самых красивых и стильных людей мира, она там стояла сразу же за Грейс Келли. Именно она, а вовсе не сестра стала самой заметной фигурой в королевстве – первая по красоте. Именно она стала иконой стиля «ню-лук», вошедшего тогда в моду. На ней безупречно сидели эти модели. Они вообще-то сидят только на очень фигуристых девчонках, а всех, чья талия шире 60 см, превращают в веник с толстой ручкой. «Луки» принцессы то и дело публиковались в модных журналах и тут же копировались домохозяйками. Сестра королевы оказалась ослепительной. В некотором смысле она стала более королевой, чем сама королева, поскольку с некоторых пор не

появлялась нигде без огромной свиты поклонников и папарацци и делала это в десятки раз чаще, чем сестра показывалась на людях. Она вообще переехала в Кенсингтонский дворец, чтобышний раз там не встречаться с сестрой и матерью, где окружила себя альтернативным двором, состоящим отнюдь не из аристократов. Жизнь этого отдельного дворца напоминала праздник каждый день и официозом не страдала. За это её полюбили гвардейцы, домохозяйки и даже булочники. Принцессу Маргарет так полюбили соотечественники, что её именем уже назвали всё, что только можно, начиная с булочек, особых пироженок до коктейлей, моделей туфель, сумочек, зонтиков и заканчивая духами и сортами роз. Ну подумайте, будут твоим именем называть розы, если правда не любят? А коктейль «Маргарита»? Вам какая больше нравится: клубничная или лимонная?

Вообще-то про Маргариту можно отчасти сказать, что народ её за муки полюбил. За те страдания, которые эта милая девочка, а потом и дама пережила на почве ущемления своей страсти. Сестра сломала ей жизнь – это слишком многим было знакомо, кому, повинувшись традиции, мама или даже бабушка могли указывать, куда и с кем ей идти – в клуб, в театр или даже замуж. И слишком многие простые британцы прошли через тиски морали, в начале прошлого века еще работавшие как часы. Вот почему линия её судьбы оказалась столь причудливо изогнутой, будто это не жизнь, а королевский лук. Принцесса страдала от любви всей своей жизни, но не подавала виду из крайней гордости. Она стала самой весёлой, самой безбашенной представительницей королевского семейства – из всех в этом роду. Действительно ли ей было так весело, что она никогда не возвращалась домой раньше пяти утра? И ни разу трезвой. Поначалу это было лишь бравадой. Она открыто закурила, сделав это, пожалуй, первой. И на следующий день все девушки её возраста достали в клубах папиросы – это же стиль принцессы! Оказывается, дамское курение очень изящно.

Весной 1960 года принцесса Маргарет всё-таки вышла замуж. В жемчужных бусах, в фате, увенчанной бриллиантовой полтиморской тиарой из коллекции королевы Виктории, она отметила свой брак. Восемь подружек и маленький принц Чарльз в шотландском килте сопровождали её. Медовый месяц принцесса и её избранник провели в тропических морях на яхте «Британия». Кстати, на свадьбу принцесса получила часть острова Мюстик, купленного её другом, простым лордом. В Лондоне принцессе и её супругу для проживания был предоставлен Кенсингтонский дворец. В мае 1961 года было официально объявлено о беременности Маргарет, а через полгода после этого её актуальный супруг удостоился

титула графа Сноудона. До того он мог похвастаться какими-то бледными тенями предков по аристократической линии. Супруги навсегда поселились в отдельном дворце, который принцесса занимала до свадьбы. Говорят, что графа Сноудона в этом дворце обижали даже слуги и доги. При первом же удобном случае ему давали понять, кто он и откуда сюда попал. В общем, за обеденным столом его постоянно обносили пудингом. И это нервировало. Мужа принцессы звали Энтони Армстронг-Джонс, он был фотографом. До встречи с принцессой он считал себя пупом мира. Но за те десять лет, что эти двое прожили в браке, слово «мезальянс» стало для этого мужчины самым часто попадающимся на глаза. Оно так и лезло к нему со страниц газет, даже когда он читал статью про коневодство. Счастливая часть этого брака продлилась всего пять лет, за ним началась несчастная. Уже в начале 70-х принцесса как-то выпала из обоймы лучших людей мира, разонравилась собственной тусовке и незаметно перешла из икон стиля в карикатуры на него. Газетчики начали обзывать, прикладывая её «проклятьем мировой моды», уличать в пьянстве. Договаривались до того, что отсутствие в Лондоне туманов – недостаток, ибо вид Маргарет претит. Потом написали, что она завтракает виски и весь день не расстаётся с бокалом Famous Grouse. И курит. Когда выпьет. Да и всё остальное время тоже. И хотя изначально подобные привычки принцессы вроде бы располагали к ней её простых, как три пенса, друзей, тоже весьма охочих до пьянства и разврата, то позже те же самые манеры стали раздражать даже их. Она ведь окружила себя самой настоящей богемой, вроде танцовщиков Рудольфа Нуреева и Марго Фонтейн, музыкантов «Битлз», «Роллинг стоунз». Хорошей компанией они праздновали жизнь. Но за десятилетие празднования у многих поисскали душевные силы. И если в молодости очень приятно, проснувшись во дворце, позавтракать, отправиться на вечеринку, уснуть в машине, а проснуться в другой стране, то после сорока такой образ жизни не каждому пойдёт. Многие хотят просыпаться на собственной подушке.

Принцесса зачастила на остров Мюстик, где у неё в начале 70-х появилось новое бунгало. И, кажется, этот остров стал для принцессы настоящим домом. Хотя бы уже потому, что журналистам и фотографам не так просто было достать её там. Впрочем, фестивальным образом жизни, кажется, самой принцессе ещё не приелся и после сорока. И она частенько приглашала на свой остров кучу гостей, организуя домашние концерты Элтона Джона и Мика Джаггера. Сама она после неофициального расставания с мужем предпочитала молодых мужчин, всяких странных личностей, художников, хиппи. Когда в 1976 году

в «Санди таймс» появились фотографии принцессы в купальнике и объятиях юного хиппи, это открытие настолько взбесило её мужа Энтони Армстронг-Джонса, лорда Сноудона, что он наконец окончательно хлопнул дворцовой дверью. Супруги развелись, и это был первый за сорок лет развод в королевском дворце. Подали нехороший пример нации. Иногда стоит сказать «прощай!».

Конечно, во дворце не одобрили. Королева вообще перестала её приглашать в гости, отказывалась выплачивать принцессе содержание – те ежегодные 200 тысяч фунтов, положенные принцессе как члену королевской семьи. Принцесса в итоге сидела в своём бунгало в вечном ожидании паршивых новостей, которые всегда являлись вовремя. Когда ей исполнилось пятьдесят, пришло сообщение о том, что тот паршивый хиппи женится на молоденькой. И вот тут она, кажется, поняла, что её песенка спета. Увы, она не сумела расстаться с плохими привычками и продолжала курить и употреблять спиртное, пока не умерла, забытая всеми теми, кто ещё недавно превозносил её до небес: ах, Маргарет, ах! Но бедной и больной принцессе уже никто не хотел подражать. Любовь сограждан эфемерна. Заполучивший её напрасно думает, что эта страсть навеки. Любовь народа подобна гормональной влюблённости. Она достигается за одно мгновение и так же быстро остывает, легко поворачивается спиной. Особенно это бывает заметно на людях знатных, ну, или на всяких царях поневоле – народных избранниках. Вот, к примеру, царицей поневоле была в России Раиса Горбачёва. За те шесть лет, что первая леди страны вместе с мужем управляла государством, соотечественницы успели без памяти полюбить её – за красоту, простоту и парижский шарм, которым была окутана её стройная фигура. Но с той же силой её вскоре и возненавидели те же самые люди, что совсем недавно превозносили до небес. А ведь как любили! Подражали ей, в парикмахерской требовали себе причёску «под Раиску». Любовь не имеет повода. За что? Да за то, что обладала качествами, которых они не могли найти в самих себе. Захотелось быть как она. Женщины иной раз любят других женщин, практически влюбляясь в них, потому что хотят быть «как она». Потому что искать собственный неповторимый стиль – лишние траты, лишние хлопоты и слёзы. Зато можно одеться под любимую актрису. Потому что это как улыбка. Если есть улыбка, так и настроение улучшится. Если ты выглядишь как Мэрилин Монро, как Джина Лоллобриджида или как принцесса Диана, так, может, и жизнь твоя станет не хуже, чем у неё? Любая школьница втайне мечтает примерить кожу принцессы. Жаль только, что кожа эта почти никому не бывает впору. И даже самой принцессе она иной раз безбожно жмёт. ☉

Жизнь на продажу

АНДРЕЙ АБОЛЕНКИН:

– Вот представьте, что вы положили кусок стилтона в чемодан. В плохой упаковке. Уже и поездка закончена, разобраны вещи, сыр съеден, а память о нём жива – запах не спутать ни с чем. Так должно происходить и с иконами стиля: их образ и приёмы легко отделяются от хозяйки и переносятся на что угодно, сохраняя узнаваемость. Ничего похожего о Диане сказать нельзя, хотя иконой её зовут чаще всего. В её честь не назвали предмет одежды, цвет или манеру одеваться. Всё, что её объединяет со стилтоном, – происхождение и любовь англичан.

В начале 80-х этот титул давали куда осторожнее, чем теперь. Последние лет десять только и нужно, что удачный рекламный контракт, а раньше для получения почётного звания даже вхождения в королевскую семью было мало. Для звания «икона» были основания, потому как стиль у молодой принцессы Уэльской присутствовал, пусть не свой и ужасный. «Лора Эшли» во всей красе: банты, оборки, рюши, мелкий цветок и кружево-«ришелье». Сумка, обувь и украшения в одном тоне, объёмные рукава и высокая стойка. Всё – со ссылкой на моду столетней давности, как с репинских портретов или нынешней обложки STORY. Апофеоз этого стиля – её свадебное платье, которое очень сильно подогрело интерес ко всему перечисленному под маркой «новая романтика».

Сомнительно, чтобы это было собственным посланием Дианы миру моды. Конечно, она прошла через большую примерку в английском «Воге», но выбор стиля был скорее словесный – так одевались приличные девушки «из графств», будто моды и вовсе нет никакой. Со временем в гардероб приходили кашемировые сеты и твид, но детали не так важны – аристократической позицией считалось признавать существование моды, но не больше. По этому признаку отличали своих, а «запускать фасоны» казалось не барским делом. Последний раз в аристократической среде такое случалось, вероятно, в 20-х годах. Потом социалистические правительства и налоги на наследство подтолкнули к новой позиции: неброская недоговорённость, некоторая нарочитая неуклюжесть или старомодность.

В те времена, да и сейчас, от истории про жеманную принцессу ждали черт голливудской сказки, так со времён замужества Грейс Келли повелось. Хотя Диана пришла в семью вовсе не от кухонных котлов, клише про Золушку и «народную принцессу» были с ней всю жизнь. Оборки очень хорошо к нему подходили, но не только они. Безусловным козырем принцессы Дианы было то,

что она производила очень хорошее впечатление на людей, от неё шла, без сомнения, очень позитивная и светлая эманация, и ей было не лень представлять, что для человека её статуса, бесспорно, является огромным достоинством.

Другое дело, что в одежде в 80-е годы она эти козыри не использовала: тяжёлые бархаты, драпировки, цвета, будто с картин про овощной базар, превращали её в очень милый предмет мебели с неожиданным клювом. Официальная мода середины 80-х очень этому способствовала. Когда она после рождения наследников начала работать с собственным стилем, позиция всё равно была «догоняющая», очень конформистская – подражательный стиль «династии» с «летающими тарелками» на голове. По статусу ей было положено носить отечественных дизайнеров, а английская мода того времени была довольно провинциальной. Пожалуй, после Осси Кларка из по-настоящему значимых имён можно вспомнить только Вествуд.

Было определённое количество дизайнеров, которые обслуживали официальное направление, как Дом моды на Кузнецком Мосту. У них Диана в основном и заказывала вещи. Пытался вспомнить хотя бы одно имя, вспомнил три: Кэтрин Уокер, Элизабет Эммануэль (автор её свадебного платья), Брюс Олдфилд, – называешь фамилии и думаешь, кто эти люди? Актёры? Певцы? На моду они не повлияли, выткнутого отпечатка не оставили. А к карьерам художников, которые сделали английскую моду самым обсуждаемым явлением – Кэтрин Хэмнетт, Бетси Джонсон, Рифат Озбек, Джон Гальяно, – она никакого отношения не имела. После учреждения в 84-м году Лондонской недели моды их путь к славе произошёл без участия иконы.

А вот что точно вошло в историю с её участием, так это способ существования в качестве медиазвезды. Публика любит тех, кто не закрывается, кто с удовольствием готов себя отдать за несколько пенсов, уплаченных за газету или журнал. История публичного тяжкого страдания в жанре «девочку обидела злая королева» привлекала зрителей невероятно. «Народная принцесса» в тот период продала огромное количество вещей – это чуть не первый раз, когда с утра писали, что на ком, на ней в данном случае, надето, а к вечеру эти вещи были полностью распроданы, и это при том, что вещи не вполне укладывались в традиционное русло моды. Продавал их тот самый особый стиль взаимодействия с публикой, которым сейчас пользуется огромное количество звёзд.

Мне нравятся люди, у которых есть смелость полностью отказаться от частной жизни, стереть границу между личным и соответствующей моменту маской. В случае Дианы мы не знаем, что на самом деле её связывало с египтянами, дей-

ствительно ли она испытывала страдания в связи с Камиллой Паркер-Боулз, была ли она влюблена в кого-то из тех мужчин, о которых писала пресса. При этом огромное количество людей помнят, в каком платье она появилась, когда Чарльз рассказал о своей связи с Камиллой, – что оно было очень короткое, чёрное, открытое, с бантом сзади, и до сих пор на аукционах его называют revenge dress – «платье мести». Запоминается не правда, а её красивое преподнесение.

Её золотой период наступил в начале 90-х, после расставания и развода, которые она очень удачно, на мой взгляд, провела. Диана научилась по-настоящему хорошо выглядеть: это другой нос, это другая фигура, другой способ преподнесения себя. Появились простые, не драпированные вещи, которые вытягивают силуэт, наконец-то правильно подобранные горловины, она отказалась от объёмных причёсок, которые ей совершенно не шли, и официальной длины «в колено». Ей очень подошло мини, и появилось огромное количество таких платьев, особенно с началом дружбы с Версаче.

В этом русле её последователями стали все дамы европейской аристократии: новая испанская королева, норвежская кронпринцесса, датские, бельгийские, голландские государыни, супруга князя Альбера, – они идут по такому же пути, мы их воспринимаем как картинку, нам часто неведом род их общественных занятий, но их удобно фотографировать. Это можно делать ежедневно и потом обсуждать то, как они выглядят, удачно ли одеты. Граница между королевскими семьями и зрителями сделана Дианой почти незаметной.

Современная мода во многом строится по такому же принципу: из довольно банальных фраз мы пытаемся составить заявление. Стиль принцессы Дианы так же состоял из общего приятного впечатления и тривиальных приёмов, которые были очень доходчиво оформлены. Оказалось, что для современной моды этого довольно, правильная непротиворечивая подача способна чудеса творить. Представьте, что по пути на работу вас фотографируют десятки людей, а потом миллионы обсуждают ваш костюм. И так каждый день. Это адский труд, но после принцессы Дианы его готовы имитировать сотни молодых девочек и околomodных дам. Диану часто изображают мученицей преследования со стороны СМИ, но эти отношения были ею инициированы. Диана не открыла знаменитую организацию, носящую её имя, не построила больницу, не придумала новую школьную систему, не переиздала толковый словарь – не сделала ничего такого, с чем она могла бы войти в историю. Но она придумала то, что оказалось ей близко и сделало её популярной – новый способ полностью отдать себя публике. До самой смерти. ☉

Записала Мария Богданова

Чарльз Крукшонк, профессор политологии, Оксфорд:

– Диану любили потому, что протест против королевской семьи (который англичане так или иначе пытаются сформулировать уже пять веков подряд, и всё неудачно) исходил не извне – не от Наполеона, не от Кромвеля, не от вульгарного мятежника Джека Кэда и даже не от Троцкого с Гитлером, но изнутри самой королевской семьи. Это был бунт, но мягкий, гламурный, неопасный – и сугубо английский. Диана выразила невыразимое: была принцессой и восстала против Виндзоров – о таком можно только мечтать. И восстала не ради социализма, а ради свободной любви. Англичане приняли её потому, что никакую серьёзную перемену они принципиально не способны поддержать, а это было не серьёзно, но всё-таки перемена. И когда Диана погибла, смерть закрепила за ней звание бунтовщицы, восставшей как бы от имени народа.

Помимо прочего, тип красоты Дианы, несколько угловатой, высокой, женственной, но одновременно и порывистой, несколько непредсказуемой, корреспондируется в английском восприятии с любимой героиней детских книжек Мэри Поппинс.

Не последнюю роль играет и булимия, отторжение пищи, производимое организмом принцессы в период её моральных потрясений. Для кастовой страны Англии, где низшие слои населения отнюдь не роскошествуют и не объедаются, этот акт булимии является своего рода выражением солидарности с народом.

Есть и ещё одна проблема, весьма деликатного свойства. Это проблема «гласности». Люди любят знать всё (или, во всяком случае, скандальные подробности) о себе подобных. Люди хотят знать, сколько мужчин было у Карлы Бруни до брака с Саркози, как Олланд изменяет своей жене, чем занималась Тереза Мэй в юности и какая сексуальная ориентация у министра иностранных дел Германии. И этот интерес оправданный. Демократия предполагает открытость лидера. Делать тайну из своей личной жизни демократический лидер права не имеет. Но вот английский королевский дом под это правило не подпадал. Мы, смертные, знали о королевской семье только то, что они сами хотели нам рассказать. А Диана вывалила всю подноготную, всю альковную засекреченную информацию. И история королевской семьи превратилась в телевизионный сериал. А народ ведь любит сериалы. ☉

Перевод с английского Алёны Лотоцкой

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*Из которой узнаем, какое тайное
оружие использовала Агата Кристи,
чтобы заманить читателей **с.52***

.....
*и в чём всегда так обидно
просчитываются господа
графоманы **с.72***

АГАТА КРИСТИ

Татьяна Устинова рассказывает о том, как чтение Агаты Кристи помогло ей понять, почему в кипарисовом поле заключено большое счастье

ИРИНА КРАВЧЕНКО

⊙ **Почему именно в Англии так расцвёл жанр детектива?**

– Всякая криминальная история замешена на преступлении против здоровья и даже жизни или против частной собственности. В Англии со времён Средневековья собственность так или иначе, но охранялась. Это был закон. Как можно посягнуть на твою лужайку, на твою домашнюю библиотеку, на твоего приходского священника? Англичанину казалось чем-то сногшибательным, что в отеле «Гранд Метрополитен» у миссис Опалсен украли ожерелье. Как это так?!

⊙ **Наверное, читать о вещах из ряда вон выходящих, особенно страшноватых, естественнее всего в достаточно благополучных условиях. Тому, у кого жизнь тяжела, не до будоражающих нервы историй.**

– Человеку свойствен интерес к тайне и к её разгадке, то есть к занимательной истории. Детективный роман есть баллада, которую менестрель под лютью поёт во время пира. Или былина, которую гусляр исполняет, играя на гуслях. В балладе или былине рыцарь либо богатырь отправляется воевать дракона либо Соловья-разбойника, по дороге преодолевает множество опасностей, добирается до цели и возвращается победителем. Это, по сути, детектив, который был, есть и будет всегда. Но кроме сочинения захватывающей истории хороший автор может запихнуть в детективную ли-

тературу и философские идеи, в первую очередь о добре и зле, и сделать их восприятие лёгким.

Мой старший сын, которому сейчас двадцать пять лет, в двадцать прочитал «Визит к Минотавру» и сказал мне: «Мама, это же «Преступление и наказание», только братьев Вайнеров можно читать, а Достоевского нет». Как мы с ним поругались! Я сказала, что эти книги нельзя сравнивать, на что Мишка мне: «А давно ты их открывала?» Призналась, что давно. «Перечитай». Я перечитала и поняла, что сын хотел сказать: и там и там заложена одна и та же мысль. Детективный роман может нести сверхсмысл. Но! Поскольку детектив – занимательный и не скучный жанр, а я позволю себе утверждать, что любая настоящая литература должна быть нескудной, детектив сложные мысли доносит просто. Мысли о недопустимости преступления, о неотвратимости наказания, о победе логики над хаосом и так далее.

⊙ **Упомянутое вами «Преступление и наказание», как и «Братья Карамазовы», как «Драма на охоте» Чехова, – тоже своего рода детективы, хотя сама детективная линия в них не главная. В нашей классической литературе вообще не был развит данный жанр. Наверное, потому, что в произведение старались вложить как можно больше смыслов.**

– Не только поэтому. Вспомните чеховского «Злоумышленника». Ну совершил человек не-

► Агата с мужем Максом Маллоуэном в их доме «Дикий ручей» в Уоллингфорде. 1946 год
Вверху слева: 34-летняя Агата Кристи, уже подарившая миру Эркюля Пуаро. До мисс Марпл ещё 5 лет
Вверху справа: В отеле «Савой» на приёме в честь легендарного спектакля «Мышеловка». 1962 год

кое преступление, и что? Смешно, но не страшно и не ужасно. У нас такого полно было. И что до преступлений против личности... Иван Грозный или Сталин казнили и миловали, не опираясь ни на какие законы, и мало кому приходило в голову спросить их об этом. У нас исторически не укоренилось уважение к человеку и уж тем более к его собственности. Поэтому исконные темы русской литературы – странничество, поиск Бога, попытки ответить себе, зачем я здесь, кто я, но уж никак не вопрос, почему у того господина украли галоши.

Честно говоря, оттого и современный российский детектив не имеет никакого отношения к классическому детективу. Можно взять любой современный английский роман, написанный в этом жанре, и наш отечественный и прочитать их параллельно. Моментально станет понятно, что это абсолютно разные вещи, как лекции по физике Фейнмана и «Евгений Онегин». Наш автор пишет глубоко нравственную историю – о том, как жулик может обвести вокруг пальца честного человека, что во власти бывают негодяи и недоумки, что простой человек способен хоть на минуту изменить ход истории, о семейных узлах, о любви, которая, может, и не побеждает всё на свете, но за которой имеет смысл следовать. Современный британский детектив, как правило, таков: в некоем баре кого-то убивают и далее на протяжении трёхсот двадцати шести страниц полицейский – он может быть косой, хромой, принимать амфетамины, сейчас модно описывать человека с пороками, – опрашивает свидетелей преступления. В конце книги он находит убийцу. Точка. А если взять тех же Вайнеров, какие у них высоты и бездны! К тому же они, когда писали, не спешили, мы-то все сейчас спешим...

☉ *Значит, западный детектив больше о человеке, а у нас – об идеях?*

– Наш – о торжестве правды над ложью, а западный – закона над беззаконием. Даже мой любимый Пуаро озабочен вопросами законности, вспомнить хоть «Убийство в «Восточном экспрессе». Двенадцать человек совершили самосуд над одним мерзавцем, и Пуаро страшно переживает, что он скажет об этом полиции. Меня этот вопрос вообще не волнует, потому что я целиком и полностью на стороне «присяжных». Мне важно, чтобы зло было наказано.

☉ *Но Пуаро, как и Шерлок Холмс Конан Дойла, не чиновники на службе у государства. Они делают своё дело из любви к справедливости, к человеку.*

– Да, они служат не конституции и не Фемиде. У Конан Дойла полицейский показан дурачком, у Агаты Кристи тоже. Выразителем же общечеловеческих законов у неё является именно Пуаро, не зря он каким-то согрешившим красоткам говорит, чтобы они доверились «папаше Пуаро». Он готов

принять их исповедь. Он, в рамках конституции конечно, носитель высшей справедливости, он следует общечеловеческому закону.

☉ *Каждому человеку хочется жить по хорошим и понятным правилам. Потому так притягательна ставшая нарицательной «старая добрая Англия», описанная в классических британских детективах, что в ней эти правила существовали.*

– Да, чего не хватает в сегодняшнем мире, так это простых и понятных правил. Это то, на что можно опереться, что никогда тебя не подведёт. Дом на лужайке, розовые кусты, комната, в которой, как писала Агата Кристи, пахло старыми книгами и старыми собаками. Любой человек, у которого есть старые книги или старые собаки, знает эти запахи. В обустроенном человеческом мире можно жить не впадая в панику от незнания того, что будет завтра. Детективные романы или рассказы Конан Дойла и Агаты Кристи, несмотря

«ВО ВСЕЙ АНГЛИИ
НИ ОДИН СЫЩИК
НЕ СРАВНИТСЯ
С НЕЗАМУЖНЕЙ
ДАМОЙ, У КОТОРОЙ
БЕЗДНА СВОБОДНОГО
ВРЕМЕНИ»

АГАТА КРИСТИ

на всю интригу повествования, дают понимание того, что будет завтра. Завтра утром будут туман или солнце, омлет с грудинкой, сигара и чашка кофе. Это очень много для того, чтобы продолжать жить. На эти простые вещи можно рассчитывать, они всегда такие, какие есть.

☉ *Может, английский и русский авторы просто подходят к одним и тем же вопросам с разных сторон? Русский смотрит с точки зрения своего космизма и хочет сразу как можно больше сказать и как можно больше проблем решить, а англичанин рассматривает проблему с житейской точки зрения. Но и тот и другой пишут о торжестве гуманизма.*

– У англичан точки опоры гораздо более приземлённые, более бытовые. Нам, русским читателям, они нравятся. Но, может, в силу своего, как вы выразились, космизма мы не можем воспринимать этот мир всерьёз. Нам он нравится как кукольный домик. В нашей с сестрой детской

был отгорожен уголок, где мы играли в кукольную семью. Начали мы играть в неё лет в пять, закончили лет в тринадцать. Жизнь кукольного семейства была далека от нашей: куклы ездили в каретах, заказывали балльные платья, устраивали званые ужины... И эта придуманная, до мельчайших подробностей красивая жизнь нам очень нравилась. Так же нам нравится и жизнь, до мельчайших подробностей описанная в классических английских детективах, где есть камин, чашка кофе, вересковые пустоши, резиновые боты. Нам, по большому счёту, нет дела до несчастного, найденного убитым на ковре в гостиной, это же не Раскольников со старушкой-процентщицей. Нам просто нравится уют английской частной жизни, эти кофейные чашки, запах торфа, старые машины, старые дамы в траченных молью манто...

☉ **Но этот мир видится игрушечным нам, не самим англичанам?**

– Им, думаю, тоже, и давно. Викторианская Англия стала воспоминанием уже в те годы, когда писала Агата Кристи. У неё Пуаро, например, не любил дровяные камины, а любил электрические. В её романе все яйца на завтрак, как в старые добрые времена, должны быть одного размера. Какое предпочтение электрических каминов или одинаковые яйца могли быть в послевоенной Англии, только что пережившей бомбёжки и нехватку еды! Но так приятно было читать о том времени, когда усадьбы ещё не передали военному министерству и в них не квартировали американцы, которые устраивали на месте каштановых аллей бейсбольные площадки! Или о том, что люди из квартиры, в которой отказало центральное отопление, поехали в усадьбу в Глостершире, в тепло и уют. Это всё чудесная, жизнеутверждающая и ободряющая сказка. Кукольный домик.

Мир британского детектива мне дорог, я с ним живу. И гораздо больше узнала я об Англии, хотя знание моё может быть сомнительным, из английских детективных романов, чем из книг Джона Голсуорси или Сомерсета Моэма. Может, потому, что я больше читала детективов.

☉ **А что вас привлекало в детективах Кристи тогда, когда вы стали их читать впервые?**

– Я открыла их для себя лет в двенадцать. Мне, конечно, было важно узнать, кто же убийца. Но ещё меня завораживала романтическая недосказанность, которая свойственна прозе Агаты Кристи. Когда мисс Мэри устремляет свой взор на майора, а майор устремляет взор куда-то в сторону Тимбукту. У Кристи нет описания любовных историй, но мне так нравилась та недоговорённость, я сама додумывала, что следовало за тем, как героиня смотрела на героя, а он в сторону Тимбукту...

☉ **Вы учились писать у Агаты Кристи?**

– Думаю, все, кто сочиняет детективы, учились у неё одному и тому же: пугать следы. Она делает

это виртуозно и виртуозно же создаёт миры. Мир, созданный ею, – выпуклый, осязаемый, вплоть до запахов. Вообще, любому автору хорошо бы уметь так, несколькими словами, не описывая глубоких психологических переживаний, показать целый мир, это не всем под силу.

☉ **А в свою жизнь вы пытались привести что-то из английского быта, в силу возможностей?**

– Конечно! Я всегда своей сестре говорю, что я хотела бы быть Пуаро. Не как Пуаро, а Пуаро. Этим маленьким бельгийским человеком в Англии, который нафабривает свои шикарные усы, надевает на них специальные чехольчики, который собирает саквояж и едет отдыхать в Биарриц или Дувр, носит костюмы и котелки, а приехав на курорт и сидя с тростью, в шляпе и в полотняных брюках в полосатом шезлонге, наблюдает за другими отдыхающими. Мне невероятно нравится его образ жизни!

А что до быта, то я вношу в него какие-то английские детали. Гобеленовые подушки на диване, камин... Я люблю сидеть у этого камина, вытянув к нему ноги, – всё как у Агаты Кристи – и читать английский детектив. У нас английские собаки. Вокруг дома – стриженные лужайки, на которые надо потратить шут знает сколько времени, чтобы они в наших условиях, под соснами напоминали пресловутый английский газон. Художественно обустроенный быт – одна из точек опоры в человеческой жизни. Я плохо смыслю в красоте и, когда читаю глянцевого журнала, расстраиваюсь, что о каких-нибудь ведущих мировых мебельных фирмах ничего не знаю. Да и знать не желаю, и не по карману мне их продукция. Обустройством мира вокруг себя не стоит больших денег, а стоит прежде всего усилий, которые надо приложить, чтобы достичь какой-то гармонии. Когда ты выходишь в сад и видишь у крыльца гортензию... Или выпускаешь утром собак и смотришь, как они мчатся через лужайку. Это очень добавляет если не оптимизма – глупое слово, – то гармонии с миром. В такие минуты ты понимаешь, что мир огромен и чудесен, что его красота – не выдумка писателя или художника: он таким создан. Жизнь прекрасна, и, чтобы её не портить, надо прикладывать усилия. Мы стараемся. Нам нужно, чтобы был свежий хлеб, омлет с грудинкой, запах кофе, запах наших мокрых собак, которые пришли с улицы из-под дождя. Мокрые собаки пахнут ужасно, но если их запах добавляется к запаху полироли, воска и кофе, то он становится лучшим запахом на свете.

В прошлом году мы припёрли из Крыма кипарисовое полено, потому что, согласно романам английских авторов, в камин надо обязательно положить кипарисовое полено – и в доме запахнет волшебством. ☉

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА.

BAJI & THAI-SPA "7 КРАСОК" - обладатель титула Гиннесс Мировые Рекорды

107 балийских и тайских SPA-программ · Восточный хаммам
Романтические встречи · SPA-курсы · Коррекция фигуры

Гранд-Мастер Сатиявати

«Меня зовут Сатиявати. Я из семьи потомственных балийских Мастеров, работаю в компании «7 КРАСОК» уже 10 лет. Мы помогаем нашим Гостям обрести гармоничное тело, снять стресс, нормализовать сон, создать новую фигуру и получить приятные эмоции».

Сатиявати, Гранд-Мастер «7 КРАСОК».

107 премиальных подарочных карт на все случаи жизни

(495) 925-51-77 (24) (812) 333-50-77 www.7KRASOK.ru или СПА.рф

Патриаршие пруды **NEW!** | Арбат (24) | Полянка | Остоженка | Рублевка | Знаменка | Красные Ворота
Пушкинская пл. (24) | Минская | пр. Мира (24) | Ленинградский пр. | Ленинский пр. | Новая Рига
Санкт-Петербург | Королев | Химки | Мытищи.

► Франс Халс. «Встреча офицеров роты святого Адриана в Гарлеме». 1633 год

Групповой портрет Европы

Художники-портретисты во все времена нарасхват. Их, умеющих с уважением выписать любую физиономию, не так уж много, а желающих жить в веках – с избытком. Вопрос в том, что ты можешь предложить векам

МАКСИМ КАНТОР

Было время, только короли заказывали портреты, и понятно, что именно они являли времени – твёрдую власть, широкие границы, военную мощь. Портреты сильных мира сего изобилуют аксессуарами: географическая карта, латы, подзорная труба, меч, герб, корона. Но в условиях республики даже продавец из бакалеи желает, чтобы его увековечили. Простые смертные тоже желают, чтобы их черты (не всегда значительные) хранили наряду с изображениями вальяжных императоров: разве не затем затевали революции, чтобы вчерашний приказчик стирал царства на карте, как выразился пролетарский поэт? Портретов приказчиков, стёрших империю Габсбургов с карты, появилось много, едва Нидерланды освободились от католической испанской империи. Плоская страна с бедными домами, низким серым небом и блёклым пейзажем расцвела столь ярко, словно картины создавали не для низких комнат, освещённых тремя свечами, а для высоких зал, искрящихся иллюминацией. Портреты заказывали все. У вельмож Фонтенбло и Версаля, у графов двора Эскориала не было такого количества портретных галерей, как у купцов Гарлема и Амстердама. Портретируемый далеко не всегда выглядел героем, но отныне его портрет пребудет в музее между изображением императора и ликами отцов церкви. Почти ни у кого из богатых купцов не хватило вкуса отказаться от такой сомнительной привилегии – сравнить свой румяный образ с лицом Сократа или святого Себастьяна. Напротив того, заказчики-купцы торопились заявить о себе – именно о себе, таком неповторимом; они хотели рассказать окружающим о своём доме, о своей кухне, своих застольях. То было своего рода хвастовство (или кокетство) свободных горожан, обязательный ритуал для зажиточного бюргера – публично явить себя, свою жену, продемонстрировать свои владения. Ни мечей, ни лат, ни географических карт – аксессуары вечности

здесь иные: трубка и стакан. С одной стороны, предьявляя свою незатейливую жизнь как монументальную, горожанин давал другим пример открытой демократии (если использовать современный термин): у героя картин нет семейных секретов и альковных тайн – всё выставлено напоказ. Что ещё важнее для искусства, такое портретирование – это акция сугубо религиозного свойства. В претензии на жизнь вечную горожане равны святым и царям, а их пьяный хохот (вспомните, скольких повес написали Брувер, Остаде, Тенирс и Халс) доходит до небес так же споро, как ханжеская молитва иноного святоши. Протестантское общество, свободное в восприятии искусства от обязательной небесной иерархии (в лютеранских, кальвинистских, евангелических церквях исчезла обязательная для католической эстетики последовательность в восхождении чинов святых, то есть иерархия иконостаса), поспешило рассыпать частные заказы на портреты персонажей отнюдь не благостных. Культура стала децентрализованной – отныне нет такой обязательной точки отсчёта, как религиозная мораль. Человек интересен уже тем, что он есть – как таковой, как неповторимое явление. Прежде светский персонаж мог появиться на картине в роли донатора, представляющего зрителю образ святого. В федерализованной Европе донатор заявил, что отныне он не святых представляет на полотне, но себя самого.

Поглядите на Вильгельма ван Хейтхаузена кисти Халса – написанный не просто легко, но нахально-размашисто, почти вульгарно, этот портрет являет ту же свободу художника, какая была, вероятно, в облике самого Хейтхаузена. Персонаж раскачивается на стуле, поигрывает хлыстиком, он даже не старается произвести на нас впечатление, как то непременно делают модели ренессансных мастеров. Вильгельм ван Хейтхаузен исключительно равнодушен к любым эффектам: его заботит собственное существование, и только. Эта особенность – интересоваться лишь своим сегодняшним бытием, приравнивая его значение к небесным мистериам и государственным событиям, – отражена и колоритом Халса – гарлемский мастер был совершенно равнодушен к тому, что составляло предмет забот современных ему живописцев южных католических стран. Он не интересовался контрастами, цветовыми акцентами, лессировками, оттеняющими основной цвет. Свои вещи Халс выполнял, как правило, в один приём, не усложняя красочную массу, доверяясь первому мазку, не беспокоясь о том, что серый фон может смотреться бедновато и надо бы цвет обогатить, насытить контрастом или усложнить лессировкой. Халс в этом отношении непривередлив: стена серая – ну, стало быть, и будет серой, он

«ОН ПИСАЛ ПОРТРЕТЫ... НО ЭТО ВПОЛНЕ СТОИТ «РАЯ» ДАНТЕ, ВСЕХ МИКЕЛАНДЖЕЛО И РАФАЭЛЕЙ И ДАЖЕ ГРЕКОВ»

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

пишет её серой краской, не помышляя о гротесках и преувеличениях. Зачем притворяться, что цвет сложнее, чем он есть?

Это страннейшее сочетание небрежности и пуризма, лёгкости мазка и суховатой скромности в выборе красочного замеса передаёт важное свойство горожанина тех краёв. Перед нами человек, сознавший свою свободу и чувствующий полную раскрепощённость; но это скупой и экономный на страсти человек: его пьяное веселье лишено пафоса и декларативности. Можно сказать, что у типичного героя Халса (и шире – героя «малых голландцев», среди коих Халс был первым живописцем) общественный энтузиазм или желание казаться отсутствуют. Это непоказная вольность, не нуждающаяся в громких речах свобода.

Художники Нидерландов ещё вчера именовались «бургундскими мастерами» и писали святых. Прошло всего лишь полвека – и они стали «малыми голландцами», федерализация культуры рассыпала централизованный имперский вкус на конфетти городских заказов, художников наняли рисовать портреты купцов, менял, а часто и просто бражников. Но главное в той эпохе свободного гражданина – даже не портрет; главное – это групповой портрет.

Портрет вольного горожанина – это ещё не последнее слово в эволюции католической эстетики, в ревизии ренессансной нормы. Высшей точкой развития новой эстетики персоналистской культуры Европы, крещендо протестантского сознания горожанина стал групповой портрет. Групповой портрет – это совсем не то, что просто портрет одного бюргера, это особый жанр искусства. Групповой портрет существовал в Европе совсем недолго, ровно столько, сколько существовала зыбкая свобода протестантских городов. Ни до того, ни после группового портрета западное искусство, строго говоря, не знало. Можем ли мы назвать, допустим, репинских «Бурлаков на Волге» или «Запорожцев, пишущих письмо турецкому султану» групповым портретом? Или, скажем, знаменитую композицию Жерико «Плот «Медузы»? В этих картинах есть лица, написанные с конкретных персонажей. Так, для умирающего на плоту «Медузы» своему другу позировал Эжен Делакруа, а Репин в одном из запорожцев написал писателя Гиляровского. Случаев, когда конкретный персонаж вплавлен в жанровую картину и личная характеристика субъекта стала внутри картины имперсональной, искусство знает достаточно. Но жанровая символическая картина – это не групповой портрет. В групповом портрете герои не символизируют никого и ничего, помимо самих себя, – интересна лишь их личная судьба, и только она. Именно по этой причине трудно отнести к жанру

«У ФРАНСА ХАЛСА ЕСТЬ НЕ МЕНЬШЕ ДВАДЦАТИ СЕМИ РАЗЛИЧНЫХ ОТТЕНКОВ ЧЁРНОГО»

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

группового портрета изображение членов Политбюро ЦК КПСС кисти Налбандяна, равно как и безусловный шедевр репортёрского искусства «Торжественное заседание Государственного совета» Репина не является групповым портретом – здесь решается идеологическая задача: увитые орденскими лентами персонажи олицетворяют идеологию страны, славу партии, но никак не личную судьбу.

Групповой портрет возник в свободных от империи протестантских городах, там, где не было ни небесной иерархии храма, ни диктата имперского долга, – групповой портрет возник как свидетельство о городской коммуне. Коллектив осознаёт себя единым целым не в силу идеологии и не по приказу начальства; союз горожан считает себя союзом потому, что им самим, и только им, так хочется. Люди постулируют единство не потому, что принадлежат начальству и им велело шагать в общем строю; нет, напротив, они вместе потому, что над ними нет хозяина. Группа лиц заявила о себе как о едином целом – отличном от государства, от религиозного собрания, от чиновной табели о рангах. Они – едины друг с другом по причине профессиональной чести; то есть, в понимании городских коммун, в основе единства людей – честь горожанина. То, чем эти люди объединены, относится к сугубо ремесленной деятельности: данную группу сплотило ремесло. Сюда же относится и бремя налогов, и участие в общем торговом процессе, и равная ответственность по защите городских стен.

Собственно, групповой портрет XVII века – это гимн европейского равенства и принципа федерализма. Изображено общество свободных и равных, где каждый равен в правах и ответственности своему соседу. Как выразился по сходному поводу Сартр: «Каждый стоит всех, его стоит любой», – то есть нет ни одного члена общества, чьё достоинство было бы ущемлено

мнением большинства, и нет ни одного, кто мог бы унижить другого. Они все равны; именно это их свойство удостоверяет групповой портрет.

Кто бы мог прежде, за век, за два до времени Халса, заявить о себе как о стоящей отдельно группе людей, у которой есть собственное дело, независимое от короля и двора? Кто мог бы сказать: в нашем кругу все равны и нет привилегий? Даже Ренессанс не знает феномена группового портрета, то есть мы видим всё семейство Медичи, нарисованное Беноццо Гоццоли в шестивии «Поклонения волхвов», но это не групповой

союз профессионалов, выработавших критерии своего труда, становится в Европе XVI и XVII веков самодостаточной, почти неуязвимой социальной стратой. Жизнь городских коммун (и ремесленников в гильдиях) никогда не была в Европе лёгкой. Ещё в XII веке Людовик VII даровал жителям Реймса хартию, подтверждающую их права, но ничто не определяло границ, где прекращалась власть императора и архиепископа. Восстания пресекали жестоко, трагична судьба городских коммун Лиона, Сен-Кантена, Бове, Нуайона, одними из первых сформули-

► «Весельчак». 1627 год

портрет – это религиозная картина, в которую художник поселил семью банкиров Флоренции. Это не групповой портрет.

Групповые портреты возникли в Европе XVI века, когда обособились ремесленные гильдии, делавшие заказ живописцу, а в XVIII веке этого жанра уже не существовало, поскольку время абсолютизма уничтожило роль гильдий в Европе, свело независимость городов на нет. Гильдия, то есть независимая городская артель,

► «Шут с лютней». 1630 год

ровавших свои притязания. «Члены городской коммуны совершенно свободно распоряжаться собой и своим имуществом; ни мы, ни кто-либо другой не может требовать от членов коммуны чего бы то ни было, если это не поддержано решением их эшевеннов (старейшин. – Прим. М.К.); ни мы, ни кто-нибудь другой не вправе обратить их в крепостное состояние». Этот документ датирован 1119 годом, и то, что городские коммуны проделали длинный путь, прежде чем

этот документ обрёл подлинную силу, не отменяет его значения, напротив – утверждает. Честь города и честь гильдии была Европой выстрадана, и когда Нидерланды явили первый пример федерализации, то прежде всего это коснулось эстетики – члены гильдии осознавали всё словно впервые, в том числе и понятие прекрасного.

Профессиональная гильдия стрелков заказывала свой портрет Рембрандту или Халсу на том же основании и на тех же условиях, как это делал бы заказчик королевского двора, – разница состояла в том, что заказчик двора желал в своём

стрелков оказались в тени, хотя платили все за портретирование поровну. Условием группового портрета является именно равенство прав. Австрийский историк искусств Отто Бенеш датирует возникновение жанра группового портрета 1527 годом, то есть собственно временем создания Гольбейном группового портрета семьи гуманиста Томаса Мора. С этим утверждением трудно спорить: Мор и его семья в данном произведении представлены коллективом, равным в своём независимом величии королям; их объединяет не богатство, не власть, но равенство,

► «Портрет Вердонка». 1627 год

портрете подчеркнуть своё превосходство над миром, члены гильдии заказывали портрет, удостоверяющий их равенство друг другу. Самосознание гильдии подразумевало, что партнёры платят строго поровну за общий портрет, в котором ни у кого нет преимуществ, никто на холсте не главный, никто не второстепенный. Общеизвестен скандал, случившийся в связи с вольной трактовкой композиции в «Ночном дозоре» Рембрандта, где некоторые из членов гильдии

► «Два поющих мальчика». 1625 год

столь понятная для гуманиста категория и столь не типичная для семейных отношений того времени, когда иерархия была задана везде.

Групповой портрет членов гильдии – вершина европейского республиканского сознания; для искусства такое сознание не только не типично (искусство всегда существовало или благодаря, или вопреки абсолютизму, или благодаря, или вопреки рынку и патронажу), но и не вполне продуктивно. Споры Рембрандта и его заказчиков понятны:

принцип равенства не тождествен принципам искусства, прекрасное не знает равенства.

В самом раннем групповом портрете кисти Халса («Портрет стрелковой роты имени св. Георгия», музей Халса в Гарлеме) задача решена с наивной простотой, как её и решало большинство живописцев того времени: художник строит незамысловатую горизонтальную композицию фризового характера, в которой каждому персонажу отведено равное место; это небогатое по пластике, крайне нединамичное полотно – и лишь особенный характер живописца Франса Халса, находившего особую прелесть в том, чтобы из скудного материала сделать удалую картину, превращает полотно в шедевр. В дальнейшем Халс усложнит композицию, напишет «Пирушку стрелков роты св. Георгия» и «Пирушку офицеров роты св. Адриана» – вещи более подвижные, со смещёнными осями композиции, с преувеличенно живой жестикуляцией персонажей, со взглядами, за пересечением которых зритель невольно следит. Но эта, первая его вещь обладает особой магией простоты: главные вещи ведь говорят простыми словами. Кстати будь сказано, именно «Портрет роты св. Георгия» стал предметом восхищения молодого Ван Гога. В письме Тео молодой Винсент отмечает, что мог бы неделю провести в зале, питаясь только хлебом и водой, чтобы рассмотреть фигуру знаменосца, – Ван Гога поразило сочетание небрежности и скупости в работе кисти Халса, но он нашёл иные слова: «как можно быть столь неистовым и одновременно так владеть собой». Особенно же поразило Ван Гога то, что вся фигура знаменосца выполнена фактически всего тремя цветами – Халс действительно ограничивал свою палитру и лишал себя преимуществ, кои так любят начинающие живописцы; свободу он понимал не как изобилие – заранее отсекал возможности богатого колорита.

Возможно, умеренность казалась художнику необходимой для того, чтобы оттенить гротескные характеры трактирных завсегдатаев – пестрота не всегда помогает в изображении веселья. Луврская «Цыганка», или «Малле Баббе» – трактирщица с совой на плече и пивной кружкой в руке из берлинской Гемельдегалери, или «Весёлый пьянчужка» из амстердамского Рейксмузеума – все они не нуждаются в пёстрой палитре, они шумны и веселы тем более, что бурлеск передан скупыми средствами.

Бурный темперамент Халса (отмеченный всеми) и его скупость на средства выражения (отмеченная немногими, но очевидная) в сочетании друг с другом образовали тот специфический пластический язык, какой мы наблюдаем в известняковой скульптуре соборов. Эта простонародная, наивная и такая простая, что слово

«вульгарность» возникает само собой, пластика соборной скульптуры не исключает страсти и истовости. Фигуры на тимпанах соборных дверей выполнены аляповато и топорно, крайне скупыми средствами – и выполнить скульптуру тоньше не позволяет материал, известняк не допускает мелкой работы. Однако данной скульптурой характеристики хватает, чтобы неразумные девы и драконы, святые и мученики нас поразили и заставляли трепетать сердце; мы быстро

► «Смеющийся мальчик». 1625 год

► Слева: «Трое детей с козлом...». 1620 год

забываем, что они сперва казались вульгарными. Нечто подобное можно сказать и про живопись Халса, которая производит впечатление небрежности. Да, форма трактована слишком бегло, а колорит, рисунок, композиция – всё это словно рабочие инструменты для передачи незатейли-

ФОТО: FRANS HALS MUSEUM, HAARLEM, NETHERLANDS

► Франс Халс.
«Регенты госпиталя святой Елизаветы
в Гарлеме». 1641 год

вой эмоции: и вот пьяницы подмигивают, трактирщица смеётся, гротескные персонажи веселят зрителя. Стоило ли большому художнику работать до глубокой старости, чтобы передать кабацкий хохот? И только ли хохот изображён на картине? Инстинктивно мы понимаем, что нечто осталось недосказанным – или неуслышанным нами. Всякое полотно Халса оставляет

► «Цыганка». 1628–1630 годы

то же чувство неколебимого величия, которое мы переживаем в соборах. Как это может быть, спрашиваем мы себя, что изображён паяц, кабацкий ярыжка, вульгарный смех, но нам передано чувство гордости за человеческую натуру? Это ведь непоследовательно, нелепо! Но так именно и происходит. Так происходит оттого, что героев Халса объединяет нечто такое, что не описывается в терминах застолья и кабацкой

пирушки, объединяет их нечто серьёзное – что, собственно, художник раз от разу и пытается нарисовать. Это общее – жизнь в коммуне, коллективное хозяйство, совместный быт, общая судьба. Жизнь городской коммуны голландских городов и незатейливый быт коммун действительно напоминают нам о ремесленниках средневековых соборов. У ремесленников в Средние века тоже имелось цеховое сознание и общее дело – строительство соборов. В Голландии XVII века у бюргеров городских коммун уже не было потребности строить соборы, но имелось общее дело – строительство городских отношений, создание общества равных. Это именно Халс и писал. Халс часто смеялся, поскольку его персонажами были люди простые, ценящие грубый юмор, но смысл картин отнюдь не шутив. Он всю жизнь пытался найти основание для объединения людей. И порой находил. Но чаще нет. И от этого грустил. Не все те, кто смеётся на его картинах, искренне веселятся.

Последние картины Франса Халса, впрочем, даже не притворяются весёлыми. Писал их умирающий старик (художнику было уже восемьдесят четыре года), и тему для картин старик выбрал соответствующую возрасту – то два огромных портрета регентов приюта для престарелых. Перед нами старые мужчины – регенты приюта для стариков и старые женщины – регентши приюта для старух.

Весёлого в этих картинах нет. Тёмные холсты лишены обычной халсовской игривости. В пустых мрачных комнатах сидят старые куклы, пародии на людей. Жизнь их подошла к концу, но они всё ещё изображают лёгкость и живость. Шляпы стариков сдвинуты набекрень, чепчики старух сидят косо, хотя это происходит не от знакомой нам халсовской удали, но оттого, что кукольный механизм сломался. Эти персонажи отыграли своё и теперь умирают, и всё вокруг них приходит в негодность. Тот факт, что поломанные куклы напоминают ранний удамой портрет Хейтхаузена (тот же фасон шляпы, лихо заломленной на затылок), делает холст ещё более безнадёжным. Групповые портреты завершились братской могилой – достоинство гильдий не вечно, всё пришло к своему концу. Если знать историю жизни Халса, читать картины и вовсе просто: к старости художник впал в нужду, это картина смерти и отчаяния. За чёрной стеной небытия ничего нет – ни бессмертия, ни ада, ни рая. Халс, судя по всему, был агностиком – он верил в свободное собрание ремесленников, но не в начальственную волю, в том числе и не в божественное провидение. От развесёлых групповых портретов Халса эти полотна отделяют двадцать три года, а за это время заказов художник почти не получал; стал нищим. Время изменило вкусы городских коммун, упразднило

коммуны – от первичной городской демократии не осталось и следа, и это сделало искусство Халса ненужным. Лоска в произведениях Франса Халса оказалось недостаточно, а бюргеры постепенно переходили от пуританской честности к манерному быту. Расслоение городской коммуны на бедных и супербогачей неминуемо поставило вопрос об общем деле – так группового портрета не стало.

на наших глазах они рассыпаются в прах, и с ними вместе рассыпается идея коммуны. Стрелков роты св. Георгия объединяла профессия, а этих стариков объединяет смерть. Долгой жизни Халса хватило, чтобы стать свидетелем всей истории голландской демократической утопии – от первых фантазий о равенстве до жестоких мануфактур и диктата рынка. Впереди были капитализм, ко-

► «Регентши гарлемского приюта для престарелых». 1664 год

В натюрмортах уже полюбили завитые кружева лимонных корок, в портретах – жеманные взгляды и белые кружевные воротники. Простота веселья была уже не в чести, да и достоинство гильдий отныне состояло не столько в ремесле, сколько в умении торговать.

Халс написал закат городских коммун столь же непосредственно, как он писал их рассвет, – перед нами группа регентов приюта для престарелых,

лонизм, банки. Его простое искусство в этом мире было уже ни к чему.

Вероятно, последним групповым портретом в европейском искусстве следует считать групповой портрет импрессионистов «Художники на улице Батиньоль», автор Базиль (находится в музее Орсе) – после этого даже художники своих групповых портретов не писали и про утопию города уже никто не вспоминал. ☉

Сон красавицы

Валькирия Брюнхильд – воинственная дева, рискнувшая бросить вызов даже своему всеильному отцу, богу Одину. Против него выступили воители из рода Вольсунгов, Зигмунд и Зиглинда. В те времена женщины не сидели в башнях над пьядцами, и даже глубокая беременность не помешала Зиглинде сражаться наравне с мужем. Зигмунд погиб, а раненая Зиглинда стала умолять Брюнхильд о помощи. Валькирия спасла её. То, что она действовала из сострадания, лишь усугубило вину – древние боги не ведали жалости. Отец усыпил ослушницу и поместил её в кольцо огня, преодолеть которое мог лишь герой, не ведающий страха. Будить красавицу в этом квесте следовало не оригинально – поцелуем. Заметим, что сострадание к беременной всё-таки вышло Брюнхильд боком. Зиглинда, способная на сносях сражаться с богами, не могла родить хлюпика. Сын родился – классический герой и красавец. Мальчика назвали Зигфрид. Именно он стал тем самым «без страха и упрека», кто разбудил валькирию, правда лав-стори закончилась трагически.

Истории о спящих красавицах есть в эпосе многих европейских стран. Считается, что в этом сюжете отразилась смена времён года и пробуждение женщины символизирует приход весны. Так это или нет, но во все времена крепкий сон шёл красавицам только на пользу. Особенно сон на удобном ложе.

Компания «Орматек», ведущий российский производитель товаров для сна, хорошо представляет себе, насколько значим полноценный отдых для превосходного самочувствия и настроения. Желая подарить своим клиентам сон на принципиально новом уровне, дизайнеры и технологи компании разработали премиальную коллекцию спальных систем Verda. В этом решении им удалось совместить представления о роскошных интерьерах и комфортном отдыхе.

Каждая спальная система Verda – это своего рода конструктор, который включает в себя:

Высокотехнологичный многослойный матрас

Матрасы Verda представлены в четырёх вариантах жёсткости: высокой, средней, низкой и сверхмягкой с эффектом

«памяти» формы. Это позволяет выбрать матрас в соответствии с индивидуальными представлениями о комфорте. Поддержку позвоночника обеспечивают блоки независимых пружин, число которых достигает 5000!

Основание

Усиленная конструкция оснований разработана специально для матрасов коллекции Verda, чтобы улучшать их анатомические свойства, стойко справляясь с повышенными нагрузками.

Изголовье

Их семь вариантов: Chocolate, Classic, Luxe, Style, Cloud, Smart и Modern. Каждое имеет свой неповторимый дизайн, который и задаёт стиль интерьера спальни в целом.

Аксессуары

Чтобы спальная система приобрела завершённый вид, её рекомендуется дополнить тумбами из коллекции Verda, которые выполнены в тех же обивках и цветовых решениях, что и кровати. А чтобы было легко лечь на высокую постель, можно использовать прикроватную ступеньку, которая станет изюминкой интерьера.

Вариативность исполнения спальных систем Verda максимальна. Для обивки используются мебельные ткани велсофт и софтнесс, а также экокожа. На выбор покупателя – 26 цветовых решений. Все элементы спальной системы могут быть выполнены в одном цвете, образуя единый интерьерный ансамбль, или же в разных оттенках, что позволит сделать акценты на изголовье или основании.

Стильные декоративные элементы подчёркивают статусность комплекта, а именная вышивка на матрасе – его эксклюзивность.

ОСОБЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ ВАШЕЙ СПАЛЬНИ

КОЛЛЕКЦИЯ СПАЛЬНЫХ СИСТЕМ VERDA

Москва • Санкт-Петербург • Ангарск • Астрахань • Воронеж • Екатеринбург • Казань • Кемерово • Краснодар • Красноярск
Набережные Челны • Нижнекамск • Нижний Новгород • Новосибирск • Омск • Пермь • Ростов-на-Дону • Самара • Саранск
Ставрополь • Сургут • Тула • Тюмень • Уфа • Челябинск • Энгельс

verda-mattress.com

— ❖ ПРИТЧА ❖ —

Графы и графоманы

*Во все времена люди читают одних авторов,
а в истории остаются совершенно другие. Почему книги
заурядных писателей находят отклик в наших душах?*

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

Кого из писателей начала XX века читали и любили в России больше всех? Толстого? Чехова? Горького? Нет, Вербицкую. «А кто это?» – спросит современный читатель. Так уж вышло, что книги Вербицкой, которые сто лет назад переходили из рук в руки и с одинаковым пылом обсуждались нежными барышнями, суровыми революционерами и высоколобыми критиками, не пережили своё время. Рядом с великой литературой всегда есть другая – громкая, модная и с виду порой даже более значительная, чем её сестра. Но одни книги остаются с нами, а другие, некогда прославленные, навсегда застревают в прошлом – как замерзают кибитки в степи, как падают, не достигнув орбиты, ракеты. И вряд ли это происходит случайно.

Холера-Морбус

Графомания – привычка к писанине, чистейшая болезнь, и подвержены ей не только чувствительные барышни, но и их герои – графы и князья. Имя графа Дмитрия Хвостова, например, читающая Россия повторяла не реже, чем имя Пушкина. Ведь был граф известен как запредельный, умопомрачительный графоман: его неуклюжие стихи вкупе со страстью к их публичному чтению и изданию за свои деньги тысячными тиражами превратили его в героя множества анекдотов.

В молодости Хвостов был богачом и считался завидным женихом. Тем удивительнее, что барышни, к которым он сватался, все как одна его отвергали. Да, граф был довольно дурён лицом, но разве это препятствие? Всё-таки лейб-гусар, хоть и в прошлом. Но был у графа недостаток, который давал о себе знать уже в первые минуты знакомства, – Хвостов начинал читать девицам вирши, в которых жаловался на одиночество: «Не могут звуки громкой лиры томимый скорбью дух согреть». Отталкивало невест и то, что ни на одном поприще граф не преуспел: то военным служил, то чиновником подвизался, а потом засел в имении на реке Кубре и предался единственной настоящей своей страсти – сочинению стихов. «Кубры излучистой по берегу хариту мыслью я обрести!» – восклицал граф. Его родители часто принимали в своём доме знаменитых родственников – поэтов Василия Майкова и Александра Сумарокова, и Хвостов возрос на строках про «стрекошуща кузнеца в злате зло несуща, ядовита червеца на стебле грызуща». На всю жизнь он сохранит верность тяжеловесному слогу классицизма и будет прославлять менад и харит, когда Пушкин сделает достойным печати слово «панталоны».

Наконец графу повезло – он приглянулся княжне Горчаковой. Злой современник прибавляет: она столь же славилась глупостью, как родной дядя её Суворов победами. Во всяком случае, была она девушкой доброй, а уж ума легендарного полководца, принимавшего живейшее участие в делах

своих близких, хватило бы на всех. Фельдмаршал мигом принялся устраивать судьбу своего ново-приобретённого родственника: попросил у Екатерины Великой пожаловать его камер-юнкером пятого класса. Это звание обычно получали юноши: 35-летний Хвостов в юнкерах был смешон, но императрица разводила руками: «Я ни в чём не могу отказать Суворову: я бы этого человека сделала фрейлиной, если б он этого потребовал». Благодаря Александру Васильевичу карьера Хвостова быстро пошла в гору: вскоре, уже в чине подполковника Черниговского пехотного полка, он сидел в тени гигантских лопухов и, наблюдая манёвры полка, вдохновенно писал, славя судьбу: «Суворов мне родня, и я стихи плегу!» «Полная биография, – отзывался коллега по цеху, – тут в одном стихе всё, чем он гордиться может и стыдиться должен».

Слава к Хвостову пришла быстро. «Хотя граф Хвостов не скоро принялся за поэзию, но зато был постоянен в ней, ибо всю жизнь среди рассеянности, должностей и многих частных дел не оставлял беседовать с музами», – говорил он о себе. Как всякий щедрый графоман, он нашёл своего издателя: петербургский книгопродавец Иван Сленин снабжал каждую книгу хвалебным предисловием и не жалел кожи на переплёт. Впервые взяв в руки сборник своих виршей, граф понял, что он поэт, и поэт истинный: может лгать Аполлон и лукавить муза, но увесистый бумажный кирпич не соврёт никогда. Граф перебрался в Петербург и взял за привычку приглашать в гости знакомых, становившихся жертвами его страсти к декламации. Среди них было немало известных литераторов – например, чаще других страдал близкий друг графа баснописец Иван Крылов. Однажды он даже поставил Хвостову ультиматум: не буду слушать, если ты сей же момент не ссудишь мне двести рублей! Радостный хозяин выдал деньги, и первые десять минут Крылов честно пытался их отработать, но потом тихонько улизнул за дверь. Граф, увлечённый декламацией, читал ещё битый час, а потом воскликнул: «Не правда ли, что это стих гениальный!» И, только сейчас заметив, что комната пуста, пустился бежать по следам Крылова. К счастью, не догнал. Другим жертвам везло меньше. Однажды Хвостов терзал стихами своего племянника Фёдора Кокошкина, модного драматурга. Кокошкин наконец возопил, что ему пора бежать: мне пора, дал слово обедать в другом доме! – и уже схватил было цилиндр, как граф вскричал: «Что же ты мне давно не сказал, любезный! У меня всегда готова карета, я тебя подвезу!» И, усадив гостя в карету, немедля дал кучеру указание идти шагом, а сам снова выхватил тетрадь и продолжил пытку, пока экипаж полз по улице. Подобно коварному эксгибиционисту, подстерегающему людей в парке, Хвостов даже ловил жертв в Летнем саду – подсаживался к присевшим отдохнуть и душил

их своими стихами. Уйти от погони удавалось не всем – например, министр финансов граф Канкрин жил и работал в Летнем дворце и от всевидящего ока графа деться никуда не мог. Наконец Канкрин не выдержал: «Ваши стихи, ваше сиятельство, так превосходны, что заставляют меня подражать вам, пробуя писать собственные, чрез что я уклоняюсь от обязанностей престолу. А потому я вынужден ходатайствовать высочайшее повеление запретить вам читать стихи!» Хвостов намёк понял и перестал отвлекать государственного человека от работы. Когда друзья и посетители Летнего сада научились разбегаться при появлении графа, Хвостову пришлось пойти на крайние меры – он стал нанимать за порядочное жалованье выгнанных со службы чиновников,

► Мастер самопиара граф Хвостов

которые должны были сутками слушать его стихи. Но и тут ему не везло – через несколько месяцев все нанятые слушатели заболели какой-то тяжёлой болезнью с апатией и обмороками, которую Николай Греч удачно назвал «стихофобией».

Суворову за мужа племянницы было стыдно: он ценил доброту и великодушие своего родственника, но стихи его считал ужасными. Полководец пытался воздействовать на Хвостова через его жену, выговаривая ей: «Танюша, ты б убедила мужа отказаться от его порока, из-за которого он уже заслужил от весьма многих в столице прозвище Митюхи Стихоплётова!» Но Хвостов оставался глух и к просьбам жены, и к увещаниям своего

увенчанного лаврами покровителя. Страсть была сильнее и родственных чувств, и карьерных соображений. Да что там – она оказалась сильнее самой смерти. Возвратившись из швейцарского похода, где его войска, выбираясь из французского окружения, совершили легендарный переход через Альпы, Суворов слёг. Дни его были сочтены, и в квартиру графа Хвостова в петербургской Коломне потянулись толпы знакомых и поклонников, спешивших отдать последние почести генералиссимусу. Умиравший Суворов не терял бодрости духа и, как на поле битвы, отдавал близким распоряжения – как жить дальше. Когда к смертному одру подошёл Хвостов, Суворов собрался с силами: «Любезный Митя! Ты добрый и честный человек! Ради всего святого, брось твоё виршеслагательство! Пиши, уже если не можешь превозмочь этой глупой страстишки, стишонки для себя и для своих близких; а только отнюдь не печатайся. Это к добру не поведёт: ты сделаешься посмешищем всех порядочных людей». Хвостов громко зарыдал. Когда он вышел из комнаты, ожидавшие у входа люди кинулись к нему с расспросами: как князь? «Увы! – скорбно ответил Хвостов, отирая слёзы платком, – хотя ещё и говорит, но уже бредит!» Стоит ли говорить, что совету знаменитого дяди он не последовал?

Оставшись без родственного надзора, Хвостов вывел излюбленное занятие на недосягаемый прежде уровень. Рассылки книг теперь превратились у него в целую индустрию: он отправлял их не только знакомым, но и корифеям, в частности Карамзину и Дмитриеву. Мягкий Карамзин, не желая обижать графа, тщательно вуалировал иронию в отзывах: «Пишите! Учите наших авторов, как должно писать!» Дмитриев чурался лести, отвечая графу регулярной формулой: «Ваша ода или басня, ни в чём не уступает старшим сёстрам своим!» И не обидно, и чистейшая правда: действительно, ничем. Если граф Хвостов выдавал среди муз, нимф и анакреонов вдруг приличный стих, поэт Воейков говорил: «Это он так, нечаянно промолвился». Надо сказать, что Хвостов отличался удивительным добродушием – никогда не мстил критикам.

На пропаганду своего творчества граф не жалел ни денег, ни сил – например, забрасывал редактора «Северного архива» Булгарина хвалебными письмами от читателей, написанными одной и той же рукой. Во время поездки по России Хвостов дарил сочинения всем станционным зрителям. Доверчивые старички принимали книги с благодарностью, строго выполняя неременное условие графа – вынимать из книг его портреты и клеить их на станции под портретом государя. Граф обходил различные организации, убеждая их принять в дар его сочинения. Многие из книг ждала удивительная судьба. Однажды графу удалось всу-

чить несколько сотен экземпляров своей поэмы «Потоп Петрополя», посвящённой наводнению в Петербурге, секретарю Российской Американской компании. Изругав себя за мягкотелость, секретарь всё же нашёл способ пристроить книги с пользой: отправил всё на Аляску, где служащие компании не один десяток лет делали из плотных страниц отменные бумажные гильзы для патронов. Стихи графа служили России! Правда, столь остроумными оказывались не все из тех, кого граф благодетельствовал. Столичный генерал-губернатор Пётр Эссен едва не вернул три тысячи рублей, пожертвованных Хвостовым в холерный комитет, когда обнаружил, что граф сопроводил деньги героической поэмой «Холера-Морбус».

Пожалуй, первым из российских литераторов граф Хвостов превратил масштабный пиар в инструмент пропаганды своих произведений. И, надо сказать, добился эффекта – да, цвет русской поэзии над ним смеялся, но люди попроще, из мещан и не сильно образованных дворян, уверовали в то, что настоящая поэзия – именно у графа: седые отцы наставляли детей-офицеров строками из его поэм, юноши читали стихи графа своим возлюбленным. Правда, заказными рецензиями на самого себя, которые Хвостов без устали тискал в журналах, он окончательно разорил себя. В его дом зачастили кредиторы. Одним из них был Крылов, который по-приятельски одолжил графу кругленькую сумму, а теперь сам остро нуждался в деньгах. Не желая обидеть Крылова отказом, Дмитрий Иванович предложил ему взять в качестве оплаты долга книги. Разумеется, свои. Крылов соблазнился возможностью сдать 500 экземпляров пятитомника графских стихов в тиснённых переплётах известному книгопродавцу Смирдину. Погрузив всю библиотеку на извозчика, он повёз её в книжный магазин. Каково же было его удивление, когда Смирдин наотрез отказался их принимать! В глубоком удивлении Иван Андреевич вышел на улицу, где его дождался извозчик с интеллектуальной поклажей. «Куда его милость прикажет таскать книги?» – поинтересовался он. Расстроенный Крылов отвечал: «Никуда не таскай, свали здесь на улицу около тротуара, кто-нибудь да подберёт!» Извозчик свалил роскошные тома прямо на мостовую. Правда, пролежали на улице они недолго: подъехавший полицмейстер полистал книги, быстро установил их авторство – и велел отправить обратно к Хвостову. Граф был изумлён, но обрадован: к своим творениям он относился как к родным детям.

Окончательным ударом стало для графа известие, что верный издатель Сленин все последние годы сбывал нераспроданные книги малярам, которые использовали страницы для оклейки стен. Он слёг – и вскоре отдал богу душу. Сентиментальный Карамзин плакал на похоронах

и вспоминал свои слова: «Я смотрю с умилением на графа Хвостова за его постоянную любовь к стихотворству. Увижу, услышу, что граф ещё пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: «Вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет». Поминая графа добрым словом, а его стихи – самими недобрыми, его приятели вынуждены были признать, что и у Хвостова набралось три строчки, достойных вечности. «Потомства не страшишь – его ты не увидишь!» – воодушевлял граф грядущие поколения рифмоплётов. И побуждал их не останавливаться ради поэзии ни перед чем, даже перед плагиатом:

Граф
Дмитрий Иванович
ХВОСТОВ

СОЧИНЕНИЯ

*Выкрадывать стихи – не важное искусство:
Украдь Корнелев дух, а у Расина чувство!*

Бедная Настя

...Солнце русского феминизма, Анастасия Алексеевна Вербицкая с детства была окружена выдающимися людьми. Её бабка, Анастасия Молчанова, была знаменитой провинциальной артисткой. Жили они в Воронеже, где отец Настеньки был командиром полка. В этой театральной семье он был чужим: властная бабушка поддерживала культ сцены, танца, музыки. Её муж когда-то содержал в Одессе собственный театр, да всё

пустил по ветру. Молчанова охладела к повесе, и он принялся пугать её: не вернёшься – покончу с собой. Но когда и вправду взял да застрелился, Анастасия Никитична не помянула его ни одним добрым словом. Перебравшись в Воронеж и став здесь примой, Молчанова завела совершенно женский дом, где мужчины ходили на цыпочках. Супруга сестры, побивавшего жену, властная Молчанова изгнала из дома – и много лет подряд он виделся с благоверной лишь по ночам, как мальчишка, лазая к ней в окно. С детства Настя жила в мире женских страстей и страстишек: бабушке приходилось гонять то студента, с которым спуталась гувернантка, то приходящих мужей уже седой кормилицы Каги, воспитывавшей с полдюжины незаконных детей. Настя

► Селф-мейд-вумен Вербицкая

привыкала к тому, что у женщин в доме есть сила. Когда однажды денщик отца Никанор, рыжий красавец, принялся за провинность бить плетью кота, девочка прыгнула на него и зубами вцепилась в его руку. Характер пригодился в гимназии: несколько лет Настенька ходила в любимицах у классной начальницы. Пока та не вошла в класс и дрожащими губами не произнесла: «Оказывается, ваша бабушка – актриса! Ломается в театре, как паяц!» Настя закричала: «Неправда! Моя бабушка – человек искусства!» И угодила из фавора в опалу.

В этом женском доме к любви относились как к гриппу – лучше не подхватывать заразу, но раз уж подхватил – болей до выздоровления.

В двенадцать лет Настя влюбилась в гимназиста, написала записку, где назначила свидание, и хотела кинуть ему, когда он гулял под окнами. Бабушка подстерегла девочку и порвала записку. Настя плакала от стыда, но успокоилась, увидев, что бабушка не считает это происшествие преступлением. Молчанова понимала, что от любви не уйти, – просто не следует торопиться: пусть выучится себя контролировать. Впрочем, этой способностью, как вскоре выяснилось, не обладала даже мать Насти: история, которая произойдёт по её вине, разрушит семью.

Судьба Марии Ивановны, матери Насти, была непростой: из семерых детей она потеряла четверых. Дом, который так часто посещала смерть, Марии Ивановне опостылел. Когда на любительском спектакле на неё обратил внимание князь из Рюриковичей, любимец Александра II, она открылась ему всем сердцем. Ей было двадцать шесть, ему – вдвое больше. Их роман превратил жизнь семьи в руины. Узнав об измене, её муж Алексей Зяблов повёл себя благородно – предложил матери развод. Но Мария Ивановна не хотела покидать детей. Договорились, что она отправится в путешествие, где примет взвешенное решение. Проведя два месяца в Финляндии, мать вернулась и сообщила, что решила остаться в семье. А ещё через месяц её наперсница, знакомая князя, сообщила, что негода, в любовь которого она безоговорочно верила, всё это время добивался любви одной недалёкой немочки – и в итоге добился. Сердце матери было разбито: она сообщила князю, что разрывает отношения с ним. Тут произошло неожиданное: князь примчался к ней в дом и... плача, стал умолять Зяблова убедить жену остаться с ним: «Не могу жить без Marie!» Отец взял новую планку благородства, пообещав: «Извольте, я всё передам. Но не надейтесь, Машенька не простит». Так и случилось. Когда Настя чуть подросла, мать часто рассказывала ей о своей «единственной любви», и девочка усвоила: ничего страшного в таких историях нет, ну помучаются все немного, а в итоге всё закончится хорошо. Впрочем, заново разжечь пламя в семейном очаге не вышло. Отец не жаловался на перенесённое унижение, не обвинял супругу, просто пошёл раз на реку с сыном Лёлей, сел на берегу и стал мылить голову – и вдруг лёг на спину и уставился в небо остекленевшими глазами. Его привезли домой. Перед смертью он пришёл в чувство и посмотрел на жену. Та закричала, звала его, но он лишь молчал в ответ. «Последняя их встреча была немая», – скажет потом писательница. Она этого, правда, не видела: приехала из московского пансиона, а отца уже схоронили.

В пансионе весёлого было мало: тяжёлые двери, замазанные извёсткой окна. Начальница пансиона, некогда красотка-фрейлина при императорском

дворе, отыгрывалась за погибшую молодость: среди ночи подымала постель в дортуарах, придираясь к состоянию белья. Девушки спасались в удушливом воздухе пансиона как могли – влюблялись в преподавателей, дерзили, сумасбродничали. Однажды инспектор, нестарый ещё человек, собрал воспитанниц и, горько плача, сказал: «Дети! Вышла в свет книга, ужасная, позорная... Написал её некто Дарвин. По его учению, мы, люди, произошли от обезьяны! От о-безь-я-ны!» – и ушёл, рыдая. Барышни стояли как громом поражённые, а у Насти рождалось в сердце чувство чего-то нового, что скоро придёт и переменит её жизнь. Она раздобыла Дарвина и прочла, записывая цитаты и свои мысли по этому поводу.

После смерти отца семейства Настя даже не смогла завершить образование. Уроки музыки давали копейки, но вскоре девушка открыла новую стезю – знакомые студенты-социалисты заинтересовались набросками из жизни, которые она писала от скуки, и свели её с журналистами «Русского курьера», где она начала публиковаться. Писала на острую тему – о женском вопросе: в России народилась целая армия девушек, не собиравшихся замуж, а желавших – как чеховские три сестры – работать, работать и работать.

Вербицкая решила прославить этих честных, умных барышень в своих повестях, уже первые из которых принесли ей бешеную славу. Ещё бы! Она затрагивала самые запретные, интересовавшие всех темы. Вот барышня, которой родители навязывают замужество с нелюбимым человеком, а она хочет учиться на врача и принести пользу обществу. А вот женщина, которая вынуждена добиваться у постылого мужа-шовиниста развода, чтобы воссоединиться с любимым. А вот просвещённые девушки-дарвинистки, которые смеются над церковью и борются против домостроевских норм семейной морали! Особенно прогремела по России повесть «Ключи счастья». Героиня, талантливая воспитанница пансиона, красавица Маня, выбирала между графом Нелидовым, из Рюриковичей, и бароном Штейнбахом – двумя прекрасными, благородными людьми: один жертвует тысячи рублей в помощь арестантам, другой – просвещённый эконо́м – превращает принадлежащие ему русские деревеньки в образец немецкого изобилия. Будучи влюблена то в одного, то в другого, Маня сохраняет верность себе самой – женщина должна жить не подачками аристократов, а честным, созидательным трудом. Читательницы следили за перипетиями любовного треугольника

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Профилактика и лечение
простуды и **ГРИППА**
даже для
будущих мам и малышей
с первых дней жизни

 **БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРМ** www.firm.ru

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМО ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

ка, читатели жадно ловили реплики героев о том, как нам обустроить Россию. Прогрессивные критики увидели в Мане едва ли не российскую Жанну д'Арк – гляди-ка, на равных общается с мужчинами, сыплет цитатами из Маркса! Интерес к повести достиг апогея с выходом второго тома, когда любовный треугольник превратился в четырёхугольник – Маня забыла графа и барона ради садовника Яна, который оказался скрывавшимся от полиции анархистом. Здесь сюжет обрёл новое измерение – Ян преподавал героине науку правильного отношения к любви. «Есть только одна измена, Маня. Измена самому себе, – объяснил героине Ян. – Если вы нынче разлюбите меня, а завтра полюбите другого, не считайтесь с моими страданиями! Если вы утром целовали мужа, а вечером желание толкнёт вас в объятия другого, повинуйтесь желанию. Ваше тело, ваши чувства, ваша жизнь принадлежат вам одной!»

Призыв к свободной любви, которую проповедовали герои Вербицкой, заставил консервативных критиков скрежетать зубами: «Эта блудливая кошка – это и есть современная женщина? Это она – внучка тургеневских девушек, дочь Анны Карениной? Тогда мы и впрямь идём к одичанию и вот-вот обростём шерстью и, помахивая хвостами, убежим в леса». Но, как это бывает сплошь и рядом, крити-

ка лишь умножила число читателей и почитателей. Вербицкая, купавшаяся в лучах славы, снисходительно напоминала, что она самый читаемый автор в народных библиотеках, а значит, самый народный, самый прогрессивный. «Жажущие Красоты идут за ищущим», – скромно поясняла она причину своего успеха. Её славили и либералы, и социалисты. Прогрессивный публицист Додонов даже выпустил целую книгу, где доказывал, что Вербицкая лучше Толстого – и острее, и честнее, и доступней для рабочего класса.

Был в критике один звучащий диссонансом голос. Он принадлежал Корнею Чуковскому. Детский писатель на новую мораль не нападал – его больше интересовал стиль. «Бешеные прыгающие зрачки», «Ужас затопил её мозг ледяной волной», «Эти буквы обжигают её». Сверкают, пылают, вспыхивают – вот какие герои у г-жи Вербицкой. Не люди, а ракеты какие-то!» От высмеивания штампов, усеивающих книги писательницы, Чуковский переходил к сути: книги Вербицкой – это чистой воды натпинкертоновщина, популярное и глупое чтиво для парикмахеров и лакеев вроде «Трёх любовниц кассира» или «Мертвеца-отмстителя». Но если любовницы и мертвец не притворяются большим, чем есть на самом деле, то Вербицкая ту же бульварщину продаёт под

видом серьёзной литературы. «Какие уж там идеи! Была бы беседка да вздрагивали бы ноздри у героев – и всё тут». Королева оказалась совершенно голый и при этом ни капли не привлекательной!

Но массовый читатель к увещаниям остался глух. Тиражи произведений Вербицкой ставили рекорды: одни «Ключи счастья» были напечатаны тиражом триста тысяч. Идя навстречу пожеланиям поклонников, Анастасия издала увесистую автобиографию «Моему читателю», где рассказывала о событиях, превративших её в гениальную романистку. И вот тут-то она сделала промах. Автор «Нового Сатирикона», сатирик Не-Буква, прочёл книгу – и выдвинул гипотезу: а не сочинила ли писательница и свою жизнь с той же лёгкостью, как сочиняет свои повести? Мир, описанный Вербицкой в автобиографии, столь же небывал, как и мир её книг. Бабушка – культовая провинциальная актриса? Но в Воронеже никто её не помнит. Князь из Рюриковичей? Кто именно? Нет, недаром Вербицкая напустила такого туману вокруг его личности. Удивительные подруги, гениальные преподаватели пансиона – разве всё это бывает в жизни? Вокруг сплошные таланты! Но даже во времена дикой популярности Вербицкой в друзьях у неё не было никаких гени-

ев. Никто из её знакомых не остался в истории. Да и сама она – не вымысел ли? В автобиографии жизнь писательницы состояла из необыкновенных романов: «Когда мне было семнадцать лет, в меня влюбился турок Мустафа». Но в действительности никаких ярких романов у Вербицкой не наблюдалось. Был ничем не выдающийся муж, давший ей свою фамилию. Она, конечно, его быстро покинула (не для того ли и выходила, чтобы покинуть?), бросилась к одному, другому. Жаждала слёз, объяснений, надрывов: «Я люблю вас, но не могу с вами быть, потому что люблю другого! Впрочем, я не люблю и его – мои душа и тело принадлежат России!» Но муж легко оставил её: скучны такие истории здравомыслящему человеку, господа. И князей не было, и баронов не завезли. И даже революционеры были какие-то второстепенные. Эх, кабы Ленин, кабы Троцкий! Но она только в книгах могла позволить то, чего хотела в жизни. Она и вправду была селф-мейд-вунен – выдумала себя от начала до конца.

Революцию Вербицкая приветствовала: наконец-то брошенные ею семена вззошли – борцы со старым бытом провозглашали, что в коммунистическом обществе удовлетворить половое чувство должно стать не сложнее, чем выпить

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ
ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2 и противоаллергические компоненты

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО
ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

стакан воды. Но большевики Вербицкую не приняли. Они-то вполне сознавали правоту Чуковского: «новый человек», которого они собирались создать, не мог воспитываться на мелких страстишках. Наркомпрос постановил изъять книги Вербицкой из библиотек и сжечь с формулировкой: «за порнографию, юдофобство и черносотенство». Ничего из перечисленного в её повестях, разумеется, не было, но как можно было объяснить людям, что даже общество «Долой стыд!» не было и вполнину таким пошлым, как эти книги? Рассказывают, что Луначарский решил лично поехать к Вербицкой и упросить не писать новых книг, – в обмен мы не станем запрещать старых. Но Вербицкая с гневом отвергла предложение наркома: сейчас, когда женщины в двух

► Одоевский – отец мертвецов-отмстителей

шагах от полной свободы, она хочет писать о новом строе, новой жизни! Писательница сделала сильный ход – потребовала гласного суда над собой. Комиссия из писателей-коммунистов в течение трёх месяцев штудировала все тридцать три её повести – и положительно ими зачиталась! В результате суд её полностью оправдал. Правда, после гибели Воровского Госиздат своё решение поменял – книги запретили. Но ведь никто так и не запретил писать ей новых! Почему же она не воспользовалась этим шансом – так и не написала о советской жизни? Видимо, и сама она ощущала себя живым анахронизмом – в мире, где графы и князья стали обычными гражданами, ей стало

не о чем писать. Она ничего не могла придумать героиням, кроме старой как мир мечты о прекрасном принце, – как когда-то Шарлотта Бронте, начавшая протестом против общества, а в итоге выдавшая героиню за графа-садиста. Вербицкая заболела – и умерла. В 90-е годы, среди прочей «возвращённой литературы», в России переиздали и книги Вербицкой. Они сразу принесли издателям убытки: никому не были интересны. Появились современные бедные Насти, Пьеры и Наташи, «про графьёв» – их читали, а Вербицкую нет. И идейная, с направлением, дамская литература тоже появилась. И – о диво! – со знакомыми сюжетами. Автору этих строк несколько лет назад попался в руки рассказ Улицкой «Сын благородных родителей» – о сильной женщине, которая рождает ребёнка от какого-то гениального учёного, а муж, невзрачный человек, принимает дитя как своего. Сверкая очами, автор отбросил эту книгу, словно она жгла ему руки. Открыл повесть того же автора – и там жена рождает от красавца, а плюгавый муж принимает. Открыл повести двух известных писательниц – что за чёрт! И снова тот же сюжет! Потом вспомнил факт, вычитанный у зоологов: у многих самок млекопитающих стратегия – родить ребёнка от доминантного самца и подсунуть его самцу попроще, который рядом, – пусть обеспечивает, доверчивый доходяга. Нет, правы всё-таки эволюционные психологи: многое из того, что люди облачают в высокие слова, – плод глубиннейших, пещернейших инстинктов. Как, вероятно, и наша неутомимая страсть писать книги.

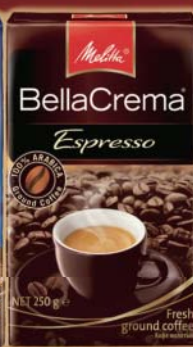
Живые мертвецы против мёртвых душ

Если Вербицкая была пошлой мелодраматичкой, а Хвостов откровенным графоманом, то третий наш герой – птица совершенно иного полёта. Спроси любого русского читателя в 30-е годы XIX века, кто всех сильнее в прозе, он непременно ответил бы: конечно, Владимир Одоевский. Это потом публика распробовала пушкинскую прозу, это потом появился Гоголь со своими «Мёртвыми душами». До этого Россия зачитывалась Одоевским – кстати, настоящим князем из Рюриковичей. Всё как полагается – с тонкими ноздрями и бледным челом. В юности был он «архивным юношей» – сотрудником Московского архива Коллегии иностранных дел. Место службы многое говорило о складе ума: богатые дворяне, которых Павел I лишил возможности записывать своих чад на военную службу младенцами, нашли для них отличную и вовсе не обременительную разгонную ступень карьеры. Архивные юноши, которым в будущем светило дипломатическое поприще, отличались знанием иностранных языков и редкой образованностью. А также абсолютной отвле-

MELITTA® – ЭТО:

- Знаменитое немецкое качество.
- Вкус, проверенный временем.
- Melitta® – 100% арабика.

чённостью от жизни – юный князь зачитывался Гофманом и Шеллингом и его не волновали ни крестьянский, ни женский вопрос, ни даже собственный титул. Его предка, князя Михаила Черниговского, монгольские жрецы некогда попытались заставить прыгать через очистительный костёр перед шатром Батыя – чтобы доказать, что у него нет злых помыслов. Князь, истый христианин, отказался играть в эти языческие классики, за что был замучен, а впоследствии причислен церковью к лику святых. Случись на месте Одоевского любой другой, он кичился бы столь славной родословной, но князь был равнодушен к подобным вещам. В отличие от предка он увлекался мистикой: в его рассказах вереницами ходили все эти мертвецы-отмстители, которые через сто лет превратятся в симптом пошлости.

В отличие от Хвостова князь умел читать свои произведения – его умное лицо и живой слог составили ему славу «русского Фауста». Во время литературных вечеров в его доме дамы падали в обморок и даже выдавшие виды офицеры задумывались: придумает же такое. Вот женщина попадает в волны Невы и едет верхом на гробе своего возлюбленного. Вот турок крадёт голову легкомысленной барышни и выставляет её в магазине безделушек. Вот светский повеса видит во сне, будто умер, – и следит с небес за дурными последствиями дел своей земной жизни. Во всём этом легко узнать подражание Гофману. Это ещё не было русской литературой – и не могло быть великой.

Гостеприимный хозяин, он увлекался наукой и всегда держал посреди стола поднос со стоящими на нём соусами, которые он лично готовил из химических веществ. Надо сказать, эта молекулярная кухня удручала гостей так же, как некогда стихи Хвостова его знакомых. Но Одоевскому прощали всё – он был прекрасным собеседником и интересным мыслителем. В вину ему можно было поставить разве что качество, которое осудил ещё Иоанн Богослов: князь был ни холоден, ни горяч. Его двоюродный брат Александр Одоевский стал декабристом, после восстания на Сенатской площади был сослан на каторгу сперва в Сибирь, потом на Кавказ. Здесь пылкий юноша сдружился с Лермонтовым и умер от малярии за два года до роковой дуэли в Пятигорске. Владимира многие обвиняли в трусости, но он только отвечал: я не вижу смысла в том, чтобы ниспровергать короны. Он был сторонником постепенных реформ – редкое качество в русском человеке. Служа цензором, сделал немало для разрешения запрещённых журналов, где печатались начинающие авторы, чьи книги потом и станут русской литературой. Одним из немногих он вступился за «Горе от ума» Грибоедова, одним из первых приметил Гоголя. Те, кому он помог выйти в люди, кстати, зачитывались его «Русскими ночами» – первым в истории России

философским романом. Главным героем в котором, кстати, был не кто иной, как Фауст.

Это был пик – дальше его литературная и философская популярность быстро пошла на спад. Российская словесность резко поменяла русло: на смену мистике пришел реализм – записки охотника, страдания крестьян и терзания лишних людей. Ожившие мертвецы быстро упокоились в своих могилах, ожидая, пока их снова извлечёт на свет божий автор «Трёх любовниц кассира». Если мерить точной меркой, литературная судьба Одоевского прискорбна: от него вечности досталась всего одна короткая повесть, и та для детей, – «Городок в табакерке». Всё остальное читают разве что специалисты. Но Одоевский не переживал о своём внезапном забвении, не терзался поиском своего места в литературе и жизни. У него и так было всё: титул, богатство, положение в обществе. Он благополучно дожил – страшно подумать – до 1869 года: давно были в могиле Пушкин, Лермонтов, Гоголь, давно уже взойшли над Россией звёзды Достоевского, Тургенева и Льва Толстого. А Одоевский совершенно анахронистическим слогом рассуждал о последствиях отмены крепостничества, размышлял об американской революции с позиций давно забытого мальтузианства. Но это не делало его смешным, как Хвостова. Он был равен самому себе и не претендовал на большее. Его воспринимали как старого чудака, но уважали. Он был тот самый заурядный, с тонкими ноздрями князь из мечтаний Вербицкой. Он даже сыпал цитатами... нет, не из Дарвина и Маркса – они тогда ещё в моду не вошли – из Шеллинга и Гегеля. Он прожил с женой, искренне любившей его, долгую и счастливую жизнь. И стал последним князем Одоевским – детей у пары не было.

Не странно ли, что мы воспринимаем привычку писать как порок, оправдать который можно разве что талантом (правда, и самому гениальному автору достанется даже после смерти)? Мы несправедливы к тем, кого Бог обделил способностями: ведь графоманы помогают нам самим ощущать бег времени, проводить границу между актуальным и устаревшим, умным и смешным. Когда то, что ещё недавно было модным, превращается в анекдот, мы чувствуем рубеж эпох. Многие вирши Хвостова ничуть не хуже стихотворений Сумарокова или Кантемира. Беда лишь в том, что в XIX веке так уже нельзя было писать. У Одоевского, не заслужившего репутации графомана, хватило сил примириться со своей старомодностью, у Хвостова – нет. И точно так же помогают нам лишённые больших талантов писатели чувствовать грань между оригинальной мыслью и пошлостью – когда уходящее время забирает модные идеи, которые давало в аренду, от многих книг остаются разве что тонкие ноздри, мистические рожки да чьи-то прелестные ножки. ☉

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*Из которой станет ясно, какими
песнями режиссёр Хотиненко
пленил будущую жену **с.92***

.....
*и из-за кого влюблённый
Ираклий Квирикадзе упал в обморок,
как гимназистка **с.84***

Литчтения в зоопарке

Ираклий Квирикадзе хотел написать о добрых, безобидных зверюшках, а получился рассказ про воров, кровавых убийц, похитителей бриллиантов

Весной вышла книга «Мальчик, идущий за дикой уткой». В книжных магазинах Москвы прошла серия встреч меня, автора, с читателями. В ресторане «Жан-Жак», занеся бочонок вина, присланного из Грузии, мы с друзьями весело справили выход книги.

На «Мальчике, идущем за дикой уткой» стоит метка «18+». В ней много эротики. Когда я подарил книгу Светлане Юрьевне, учительнице моего сына Германа, его одноклассники, увидев метку «18+», смекнули, что в книге скрывается что-то недозволенное для десятиклассников, и украли её с учительского стола. Через неделю книга вернулась на место вся изрисованная восклицательными и вопросительными знаками на полях. Светлана Юрьевна показала мне «Дикую утку» со смехом: «Как вас восторженно читают! Смотрите, три восклицательных знака! В их возрасте я так читала Мопассана и Ленина». Про Ленина я не понял. Мопассана, как и «Декамерон» Боккаччо, читал втайне от родителей, переполненный жгучим любопытством, это я хорошо помню.

«Дикая утка» попала в длинный список конкурса «Большая книга». Первой моей реакцией было позвонить Михаилу Б., председателю жюри конкурса, и напомнить о себе: «Миша, помнишь такого Квирикадзе Ираклия? Лет десять назад ты и я (а может, надо сказать: вы и я?) были членами жюри не помню какого литературного конкурса». Тогда мы замечательно прожили неделю, хорошо работали, справедливо (как нам казалось) раздали призы и даже сдружились. В старой записной книжке я нашёл Михаила Б., но почему-то без номера телефона. Это выглядело странно – сотни фамилий с номерами, а тут – пустота.

Я не стал разыскивать Михаила Б. С конкурсами, фестивалями, премиями у меня какие-то особые отношения. Я неудачник. Часто пролетаю

(со свистом) мимо... Однажды со сцены лос-анджелесского театра «Кодак», где разыгрывают «Оскары», объявили название фильма «1001 рецепт влюблённого кулинара». Этот фильм (я был автором сценария) получил так желанную всеми кинематографистами мира золотую статуэтку. А четыре секунды спустя сказали, что нет, не «Влюблённый кулинар», а другой фильм получил «Оскара». За эти четыре секунды я, счастливый, успел совершить воображаемое путешествие из Лос-Анджелеса в Тбилиси. Увидел толпы соотечественников, которые в аэропорту подкидывают в воздух Пьера Ришара – исполнителя главной роли, продюсера Темура Баблуани, увидел президента Шеварднадзе, прижимающего нас к груди (он сделал много хорошего для фильма). Эти четыре секунды длились в моём воображении вечность. Но и вечность имеет конец – золотая статуэтка оказалась в чужих руках. Энди Уорхол желал каждому творцу хоть раз в жизни иметь пятнадцать минут славы, я имел её четыре секунды...

В том самом «Жан-Жак», где волшебная фея (а как её назвать иначе?) издательница Лена Ш. сказала: «Иракий, готовьте вторую книгу», я (не очень трезвый) стал кричать, хотя никто меня не слышал: «Вторая книга будет первой, главной!!!» – с тремя восклицательными знаками. Лена Ш. протянула мне тряпичную куклу-оберег. Вино, присланное из Тбилиси, было невероятно вкусным...

Придя домой, я услышал на автоответчике: «Приглашаем вас на литературные чтения в Московском зоопарке». Я скинул ботинки, они полетели в разные стороны. Я повторял: «Приглашаем вас на литературные чтения в зоопарке». Уже было заснул, как увидел Екатерину Григорьевну Бухарову-Миндадзе, свою русскую бабушку, которая меня ещё в пятилетнем возрасте учила: «Иракий, ботинки не разбрасывай, они должны стоять рядом – они любят друг друга». Сквозь прозрачную бабушку я видел свои многоношенные «тимберленды». Я просил Екатерину Григорьевну: «Мне семьдесят семь, пожалей меня, я пьяный, уставший, не заставляй меня вставать, а?» Не слышит. Вот так всю жизнь – является прозрачная, неумолимая... В молодости сколько раз приходил с любимой женщиной, а чаще с нелюбимой, мы скидывали с себя всё лишнее, и тут же появлялась прозрачная Екатерина Григорьевна: «Ботинки плачут один в одном углу, другой в другом... Поставь их рядом!» Я нехотя отрывался от драгоценного, послушно шёл ставить их рядом. Увы, я не стал благодарить урокам бабушки ни аккуратным, ни дисциплинированным, ни организованным, вот только обувь не дай бог оставить разбросанной – не засну!

Утром я позвонил в зоопарк. Чистый девичий голос объяснил, что уже третий год в зоопарке проводятся литературные чтения, где известные писатели, сценаристы, актёры читают свои рас-

сказы о животных. Как пример таких рассказов девушка назвала «Маугли» Киплинга и «Каштанку» Чехова. Назвала и имена читающих в четверг. Я оценил творческий состав: «Круто!» С одним из авторов, сценаристом, художником Александром А., я дружил когда-то, мы писали вместе сценарий «Убийство Мэри Пикфорд». Но работа не пошла, чёрная кошка пробежала между нами, авторами. «Хорошо бы рассказать историю этой чёрной кошки», – мелькнула в голове мысль. Я спросил: «А о кошках можно?» Чистоголосая девушка ответила: «О кошках пишет Александр А.». Я согласился принять участие в зоопарковских чтениях.

До четверга оставалось совсем немного. Я не знал, о чём писать. Вино мутило мою голову. Я перебрал всех животных, с кем встречался в жизни. Негусто. Ручная ворона была у моего друга Сандро Церетели. Она улетала на прогулки и возвращалась с разными блестящими предметами. Однажды принесла серебряные часы на цепочке с гравировкой «Капитану Владимиру Конксу в 15-летие ОГПУ». В нашем классе училась Таисия Конкс, в которую все мы, десятиклассники, были влюблены. Сандро писал ей: «Я помню чудное мгновение, передо мной явилась Конкс». Мы хотели вернуть Таисии отцовские часы, но старший брат Сандро Арсен продал их антиквару на сабурталинском базаре. Старший брат тренировал ворону на подобные разбойные полёты. История кончилась печально – антиквар вернул часы капитану Владимиру Конксу, тот с пистолетом гонялся за Сандро Церетели, от которого Таисия забеременела... Нет, это не сюжет для литературных чтений в Московском зоопарке.

В час ночи я тупо смотрел в потолок, где летали зайцы, ежи, кабаны, тигры, и тут я вспомнил Филиппа Ильича Маяковского, который жил в селе Багдати, недалеко от Кутаиси, где по сей день живут несколько семей Маяковских. Они поселились здесь ещё в девятнадцатом веке, занимались лесничеством, в семье одного из них родился мальчик Володя, в детстве он говорил по-грузински, повзрослев, стал великим советским поэтом. Но я хочу рассказать не о великом Владимире Владимировиче, а о его скромном родственнике Филиппе Ильиче, который был учителем математики, охотником и заместителем председателя общества ОСОАВИАХИМ (кутаисское отделение). Из своего села Багдати Филипп Ильич Маяковский изредка приезжал в Тбилиси, останавливался у своих городских родственников, но обязательно заходил в наш дом, будучи старым другом моей русской бабушки Екатерины Григорьевны, той самой. Я был бездарен в математике, бабушка, которая основательно занималась моим воспитанием, усаживала меня с ним рядом, и он громким голосом часа четыре что-то внушал мне невнушаемое. Абсолютно отупевший, я предлагал:

«Дядя Филипп, может, сходим в этнографический музей, посмотрим на нашего тигра?» Дядя Филипп мгновенно соглашался, оживлённый, вскакивал со стула, кричал бабушке: «Екатерина, мы с Ираклием пройдемся по проспекту Руставели! Мальчику нужен свежий воздух!» Этнографический музей находился от нашего дома в трёх шагах. Освободив себя от ненавистного математического плена, я радостно предвкушал спектакль, который сейчас разыграется с участием Филиппа Ильича, меня и посетителей этнографического музея имени кого уже, увы, не помню.

На первом этаже был выставлен скелет кита, который в 1913 году из Атлантического океана вплыл в Гибралтарский пролив, долго плыл по Средиземному морю, не соображая, куда и зачем, доплыл до батумского городского пляжа и выбросился там на мелкую гальку. Причина этого самоубийства по сей день непонятна. Батумцы пытались столкнуть кита в воду, но не смогли. Шестнадцать тонн! Его скелет мы с Филиппом Ильичом осматривали мельком, взбираясь по крутой лестнице на третий этаж. Там нас ждал тигр. Вот он! В полутёмном душном коридоре – стеклянная витрина. Заглянув в неё, можно было увидеть заросли камыша. Из-за камышей выглядывал бенгальский тигр. За камышами плескалось бутафорское озеро из фольги. Ничего, кроме камышей, озера и полосатого оранжевого гиганта, в комнате не было, но, заглядывая в неё, рождался мистический страх. Этот тигр был убит в окрестностях Тбилиси, в камышах озера Лиси. Не подумайте, что он сбежал из клетки заезжего передвижного зоопарка. Этот тигр-отшельник, так же как и кит с первого этажа, совершил необъяснимое путешествие, бежав из бенгальских джунглей на север (сны о России?). Он пересёк всю Индию, Пакистан, далее Иран, Афганистан, Азербайджан, Армению, вошёл в Грузию и наткнулся на Кавказский хребет. Зачем он шёл, к кому? Снежные вершины Эльбруса, Казбека, Ушбы его испугали, он повернул назад, ночью вошёл в Тбилиси, и здесь ему понравилось. Неделю он бродил по ночному городу, днём отсыпался в пригородных садах, в подвалах сабурталинского базара. Сторонился людей. Но кто-то всё же видел ночами призрак гигантской кошки то в сквере имени комсомольского вожака Бориса Дзеналидзе, то на набережной Куры, то на склоне горы Святого Давида. Моя мама уверяла, что видела тигра. Он зашёл ночью во двор нашего дома, она не спала, стояла на балконе, ждала загулявшего мужа. Тигр вскарабкался на бочку, стоящую под дождевой трубой, стал пить воду. Потом долго тёрся о ствол пальмы, растущей под окнами лауреата Сталинской премии певца Петра Анагуладзе. «Я онемела от ужаса, думала только, чтобы Миша (мой будущий папа) не вошёл во двор...» Мама часто вспоминала посещение

тигром нашего двора, то благодарила Бога, что Миша не встретился с тигром, то желала, чтобы её муж, кутила, изменник... Хотя о чём я, это отдельная тема. Мама часто посылала на голову папы всевозможные проклятия, в том числе и «почему тебя этот тигр не дождался?!».

Трагический случай произошёл ночью на пароме через Куру. Пустой паром тихо стал отплывать от берега, как гигантская кошка прыгнула на плечи сонного паромщика, обняла его и застыла. Паромщик закричал. Тигр отгрыз ему ухо, потом отхватил большой кусок ягодицы и бросился в воду. С крика паромщика всё и началось! Весть, что по городу Тбилиси ночами бродит кошмарный убийца, вызвала всеобщую панику. Говорили, как в трамвай, который под утро ехал с бригадой ремонтников к Вакинскому кладбищу, запрыгнул тигр. Ремонтники оцепенели. Один из них стал бить тигра лопатой. Тигр выдержал ударов пять, потом отнял лопату вместе с рукой ремонтника, спрыгнул и пошёл к воротам кладбища спокойной походкой, держа в пасти лопату и руку.

Все стали вооружаться. Первый секретарь Коммунистической партии Грузии товарищ Кандид Чарквиани выступил по радио, призывая тбилисцев не паниковать. Созвали всех стрелков республики, охотников. Из Багдати приехал Филипп Ильич Маяковский со своими четырьмя друзьями-осоавиахимовцами. Тбилиси тех дней напоминал вымерший, пустой город. Ходили только трамваи, в которых сидели не ремонтники, а стрелки, грузовики со стрелками, кони с вооружёнными всадниками. Все они прочёсывали колючие заросли шиповника, росшего на склоне горы Святого Давида. Группа Филиппа Маяковского дежурила на озере Лиси. С ними был священник отец Пармен. Он шёл один, когда из прибрежных зарослей камыша выскочила полосатая кошка, прыгнула священнику на грудь и сорвала крест. Отец Пармен сумел поднять ружьё и выстрелить в упор. Тигр взревел, сделал кульбит и закатился в камыши. На выстрел прибежал Филипп Ильич, багдатские осоавиахимовцы были на противоположной стороне озера. Филипп Ильич ринулся в заросли, в глубине их тигр, тихо рыча, лежал в красной воде и грустными глазами смотрел на Филиппа Ильича Маяковского. Тот поднял ружьё. Стрелять не хотелось. Пауза была длинной, мелодраматичной. Подошёл отец Пармен. «Стреляй, Маяковский!» – сказал священник. Тот выстрелил один раз. Этого было достаточно, чтобы голова тигра дёрнулась и ушла под воду.

В этнографическом музее на третьем этаже мы стояли у чучела тигра. Рядом стояли зрители, их было немного. Они читали табличку, где говорилось, что бенгальский тигр был убит в окрестностях Тбилиси. Висела также фотография: в траве лежит мёртвый тигр и пятеро охотников

с ружьями позируют. И вот тут начинался спектакль, который повторялся не раз и не два, когда мы с Филиппом Ильичом Маяковским оказывались в этнографическом музее. Когда у стеклянной витрины с тигром собирались посетители музея, я вглядывался в фотографию и громко произносил: «Дядя Филипп, это же вы стоите у мёртвого тигра!» Филипп Ильич так же громко отвечал: «Да, Ираклий, это я!» Посетители смотрели на Маяковского, потом на фотографию, узнавали в охотнике, стоящем вторым слева, того, кто сейчас стоит рядом с ними, и восторженно спрашивали: «Вы его убили?» Маяковский скромно кивал головой, начинались расспросы, Филипп Ильич увлечённо рассказывал о времени, когда жуткий зверь терроризировал город и пятеро осоавиахимовцев из Багдаты спасли тбилисцев от убийцы... Я участвовал в этом спектакле раз восемь. Филипп Ильич так красочно рассказывал историю беспощадного тигра, пришедшего из бенгальских джунглей в Тбилиси только для того, чтобы отгрызть ухо и ягодицу речного паромщика, а у рабочего оторвать руку с лопатой, что не только у случайных слушателей, но и у меня выступали на глазах слёзы...

Весь вечер просидев за письменным столом, я отверг и этот тигровый хоррор. Вспомнил об удаве моего пионерского детства. На Чёрном море, недалеко от Киндги, есть крошечный остров. Там находился пионерский лагерь. В одном деревянном бараке жили мы, мальчики, в другом – девочки. У директора лагеря Папандопуло был свой зоопарк. В нём не было тигров, пантер, жирафов, тюленей, панд, слонов. Но были лебеди, зайцы, осёл, крашенный под зебру, и двухметровый удав, единственное экзотическое животное, не считая впавшую в летаргическое сон старую макаку с пышным красным задом. Не к месту скажу, что в то лето я влюбился в пионерку Тамару С. Влюбился до беспамятства. Однажды к нам на остров приплыл мороженщик. Тамара С. захотела мороженого, а мороженщик уже все холодные брикеты продал. Пионер из третьего отряда Дито дал Тамаре свой брикет, она его поцеловала. Увидев этот поцелуй, я упал в кусты рододендрона. Потерял сознание, как гимназистка в плохих рассказах плохих подражателей Антона Павловича Чехова.

Однажды из клетки зоопарка сбежал двухметровый удав. Нас, пионеров, заперли в бараках (отдельно мальчиков, отдельно девочек), а взрослые (директор, завхоз, пионервожатые) прочёсывали территорию лагеря в поисках удава. Удав исчез. Уплыть он не мог. Папандопуло уверял, что удавы не плавают. Интернета тогда не было, чтобы узнать, плавают удавы или нет. Поверили директору. От этого страх усиливался с каждым часом. Запертые в бараках, мы, пионеры, изнывали. Любовь к Тамаре С. заставила меня ночью сбежать из мальчицкого барака. Сбежала и Тамара. В ночных зарослях

нам на каждом шагу мерещился душитель, но мы неистово целовались в атмосфере Альфреда Хичкока... Не продумав до конца историю удава, я посмотрел на часы. Четыре утра. Рассветает. Почему все мои истории с животными или чёрная комедия, или хоррор, или криминальная драма? Ворона-воровка похищает часы работника ОГПУ. Бенгальский тигр жаждет крови, блуждая по ночному городу. Похожая история с удавом. Каждую секунду ждёшь, что удав обовьёт собой, холодным, целующихся пионеров. Почему мне не приходят в голову добрые истории про безобидных пони, кошечек, барашков, пингвинов, жар-птиц, что-то вроде «Каникул Бонифация» или «Жизни Пи», голливудского фильма, собравшего миллионы зрителей во всём мире? Это фильм, где по океану плывёт маленькая лодка с мальчиком-индусом, а в лодке звери во главе с тигром. Экранизация романа, получившего Букеровскую премию. Я хотел бы написать такой роман, мудрый, философский, но, увы, такие сюжеты не приходят в голову после замечательной пьяной ночи, проведённой в «Жан-Жак» с бочонком вина от Пааты М. В шесть утра я закричал что-то вроде «Эврика!», ведь у меня есть история про слона в Московском зоопарке. Не самая добрая, но с юмором. Особым юмором. И вот название: «Московский зоопарк: бриллианты и изумруды»

70-е годы... Приехав на неделю в Москву сдавать свой дипломный фильм «Кувшин», снятый на Тбилисском телевидении, я пожинал неожиданно свалившийся на меня успех. История человека, волею судеб попавшего в гигантский глиняный кувшин (в Грузии такие кувшины закапывают в землю, заливают в них виноградный сок – он бродит и превращается в вино) и не способного оттуда выбраться, веселила всю страну СССР. Мне, начинающему режиссёру, предложили работу на «Мосфильме». Я читал множество сценариев, увлекался одним, потом другим, забывая о первом... Я превратился в буриданова осла, который не мог решить: есть сено с правого стога или с левого? Я проедал мосфильмовский аванс. Жил я не где-нибудь, а в знаменитом «Интуристе» на улице Горького. Это благодаря администраторше гостиницы Анфисе Никаноровне Тушиной, которая была возлюбленной моего дяди, профессора-микробиолога Василия Валерьяновича Квирикадзе. На седьмом этаже «Интуриста» у неё была своя дежурная комнатка, и, поселив меня в неё на неделю, она стеснялась выгнать племянника своего эротического божества.

Вскоре случилась странная, почти сюрреалистическая история. Из Кутаиси в Москву приехал дальний родственник, муж двоюродной сестры Кирилл Цициашвили. По крови – грузинский еврей. Он приехал в столицу с тем, чтобы отбыть на постоянное жительство. Я благодарю Анфисе

Новый уровень чувств

РУССКИЙ
РОМАН HD

Реклама

12+

Лучшие российские фильмы о любви в HD-качестве

ЦИФРОВОЕ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Спрашивайте у вашего оператора платного телевидения

www.rusroman.ru

kinofrussia

ruskyrom

Никаноровне Тушиной смог достать ему номер в «Интуристе». Цициашвили, сорокалетний провинциал, пышнотельный, с римским профилем, ходил по Москве, разглядывал её, улыбался, не замечая, что за ним по пятам шагают два высоких бритоголовых парня. Кирилл три года боролся за право уехать на Землю обетованную, победил, расслабился и потерял бдительность. Увидев на Красной Пресне вывеску «Московский зоопарк», он зашёл в него, и там...

Часа два спустя Цициашвили в баре на двенадцатом этаже «Интуриста», нервно кусая губы, мигая быстро-быстро длинными ресницами, шептал мне в ухо: «Иракий, деньги, вырученные за всё, что я продал – квартиру, машину, две картины Мартироса Сарьяна, – ты же знаешь, мой папа дружил с Сарьяном... дом в Боржоми – всё это я превратил в четыре бриллианта по пять карат. К ним ещё два изумруда. Обернул их конфетной бумажкой «Раковая шейка» и держал в брюках... Эти типы останавливают меня возле слона, показывают красные книжки, мол, КГБ. Я срейфил, говорю с ними, а сам незаметно кидаю «Раковую шейку» с бриллиантами в траву... Они говорят: «Отойдём». Я узнаю одного, кутаисский такой полубандит, второй такой же... Прощупывает подкладку, ничего не находит... Я радуюсь: правильно, что выкинул конфету, вернусь – подберу. И вдруг – о ужас! Вижу – хобот, перекинутый через барьер, слоновий хобот. Он дотянулся до травы, нащупал конфету и в рот...»

Кирилл Цициашвили носил фамилию Цицишвили без буквы «а» в середине и считался отпрыском грузинского старинного княжеского рода. Сейчас, в связи с переселением в Израиль, он вернул своей фамилии букву «а», которую когда-то вымарал, и вновь стал грузинским евреем. Кирилл плакал в баре «Интуриста». Надо же было так глупо попасться! Чего он пошёл в этот чёртов зоопарк! Час назад, когда он ворвался в мою комнату, я лежал на диване и читал сценарий Виктора Мережко про басмачей в Средней Азии. Мы пошли в бар на двенадцатом, и там, наливаясь чешским пивом, он раскрыл мне свою жуткую историю. Что делать?! Четыре бриллианта каждый в пять карат и два больших, чистой воды изумруда в животе слона из Московского зоопарка! Через неделю Кириллу уезжать в Израиль. Я одним глазом дочитывал сценарий Мережко, и хотелось узнать, кто же предатель в бригаде летучих красных кавалеристов. Кирилл вырвал у меня сценарий и выкинул его в окно: «Пошли в зоопарк! Надо что-то придумать! Может, сейчас этот слон выплёскивает из себя мои бриллианты! Они плывут, стекают в водосток!» Я понял, что родственнику надо помочь в беде, неизвестно как, но помочь.

В зоопарке мы нашли парня Рахима, он ухаживал за слоновьим вольером. Кирилл, Рахим

и я занялись очень странными делами. Напоили слона слабительным, влив в него литровую банку, внимательно выслушали ветеринара, который рассказал, как циркулирует слоновий желудок.

Цициашвили на ходу сочинил, что часы – память об отце-фронтовике – случайно расстегнулись на руке около слоновьего вольера и упали в траву, а хобот слона втянул их в себя. Принесли большой алюминиевый таз, и Рахим подставлял его под слоновий зад, когда тот опорожнялся.

Четыре дня Кирилл и я сменяли друг друга в слоновьем вольере, скрываясь от подозрительных глаз работников зоопарка, прятались за стогами сена и молили слона: «Милый, выкакай бриллианты и изумруды». Слабительное срабатывало. Рахим таскал нам полный алюминиевый таз вглубь вольера, и под зорким глазом Цициашвили, а также моим Рахим в голубых резиновых перчатках тщательно перетирал слоновье дерьмо. Что скрывать, иногда перетирали мы сами. Рахим не делал эту важную работу так тщательно, как мы. Обследовав досконально каждый грамм того многопудья, что выплёскивал из своих глубин за четыре дня и ночи наш милый слон, увы, мы не обнаружили ни одного бриллианта, ни одного изумруда.

Я тогда был влюблён в свою вгиковскую сокурсницу Зосю Пивоварову. Она в дни слоновьего кризиса предложила мне делить с ней двухкомнатную квартиру в Газетном переулке. Я с радостью освободил номер в «Интуристе». Пивоварова спрашивала меня: «Иракий, что за дикая вонь?» Я сознался, чем занимаюсь. На четвёртый день зоопарковской эпопеи я не мог сменить Кирилла, продежурившего всю ночь в загоне. Послал Зосю. Кирилл остался с ней на вторую смену, и что-то между ними произошло. Слон ничем не порадовал, как мне кажется, но они очень понравились друг другу. На пятый день Цициашвили уезжал в Израиль с мрачным лицом. Зося сказала мне: «Он хочет прислать приглашение». И он прислал, и она поехала. И они поженились, сотворив шестерых детей. Четыре бриллианта по пять карат и два изумруда.

Финал мой как в сказке. Скажу, что я не стал работать на «Мосфильме». Уехал в Тбилиси, и начались дикие истории с моим фильмом «Пловец», получившим много призов на международных кинофестивалях, но в советском прокате он был сперва запрещён, а потом проплыл никем не замеченный. Но это другая история.

В Израиле бывал, видел Цициашвили, который почему-то выбросил из своей фамилии букву «а» и стал князем Цицишвили, но шестеро его детей – все бриллианты...

Я прочёл этот рассказ. Было много слушателей, были аплодисменты. Получил в подарок постоянный пропуск в зоопарк. Хожу со своим четырёхлетним сыном Чанчуром. Он счастлив. ☺

100,5 FM

BEST

**ЛУЧШЕЕ
РАДИО**

НОВЫЙ ЗВУК!

НОВЫЙ ФОРМАТ!

НОВЫЕ АРТИСТЫ!

12+

www.bestfm.ru

Реклама.

**«Услышь меня,
хорошая...»**

Режиссёр Владимир Хотиненко полагает, что Шекспир не случайно убил Ромео и Джульетту на пороге брака. И все сказки заканчиваются подозрительно одинаково – свадебным пиром. А что будет с влюблёнными завтра, когда начнутся проблемы, искусство таинственно умалчивает. И приходится думать самим: а в чём смысл совместного жития мужчины и женщины?

ТАТЬЯНА ЗАЙЦЕВА

Владимир Хотиненко: – Человек патологически одинок. Когда я осознал это, то стал с этим ощущением бороться. Мне, молодому и дерзкому, это казалось неправильным, я старался своей жизнью доказать обратное. А сейчас точно знаю – я ошибался. Мир так и устроен – мы рождаемся в одиночестве и заканчиваем жизнь в одиночестве. Тут нет трагедии, просто к этому надо быть готовым. Другой вопрос – что делать с этим глобальным одиночеством? Отчаиваться? Уходить в творчество? Не ради того, чтобы что-то доказать, кого-то научить. Дай Бог, если твои творения станут ещё и полезны, но это вторично. Главное, ты ищешь ответ на те же мучающие тебя вопросы «как жить?» и «что делать?». Трагедия многих людей состоит в том, что им некому рассказать, что творится на душе, и нет никого, кто смог бы их поддержать. Наверное, мужчина и женщина отчасти созданы для того, чтобы, соединившись, решить эти проблемы. Конечно, в основе любого союза – продолжение рода, дети, внуки, правнуки... Но главный смысл соединения двоих, мне кажется, в надежде спастись. Поэтому мы и ищем свою половинку. Правда, нам кажется, что мы всё делаем сами, но на самом деле ноты нашей жизни написаны ТАМ, а мы лишь исполнители. Ноты одни и те же, а вариаций можно сыграть множество...

Татьяна Яковлева, жена: – Не думаю, что прямо все ноты написаны, не всё так фатально. И всё же... Во всём, что связано с Володей, я чувствую некую силу. Нас друг к другу неуклонно вело, это абсолютно точно. Допустим, мы что-то обсуждаем – сценарий, книгу, фильм, – и вот тут-то и возникает ощущение, что мы видим одинаки и те же ноты... Иногда бывает, я только хочу сказать что-то, а Володя это произносит. Или я достаю телефон, чтобы ему позвонить, и раздаётся его звонок. Мы будто существуем на одной волне. Хотя как могли наши волны совпасть – непонятно. Ничего, казалось, этого не предвещало. Я училась в лондонском колледже, воспитывалась в строгих британских традициях, поскольку с четырёх лет жила с родителями в Лондоне – отец был представителем «Совэкспорт-

фильма», а мама работала в корпункте АПН. Жили мы в старинном особняке рядом с Гайд-парком, по соседству – дворец принцессы Маргарет Роуз, младшей сестры королевы Елизаветы. На поле между нашим домом и парком приземлялся вертолёт, на котором принцесса отбывала в сопровождении охраны. А однажды она почтила своим присутствием наш дом – был просмотр новых советских фильмов, организованный моими родителями. В этот день смотрели «Гамлета» Григория Козинцева. Со знаменитостями родители общались довольно часто: Софи Лорен, Чаплин, Марлон Брандо... Папа в смокинге, мама в длинном вечернем платье, перчатки до локтя, аромат французских духов... Они были молоды и счастливы.

В.Х.: – Моё детство прошло на Алтае, в крошечном степном городке Славгород на границе с Казахстаном – там я родился, там же вырос. Уличный пацан, драчун, заводила. Ключевое отличие от приятелей – круглый отличник. Прямо патология какая-то: четвёрка была невыносима, унижала моё достоинство. Что, правда, не мешало дважды быть изгнанным из школы. В первом случае – со смешной формулировкой: исключён на две недели с запретом ходить в кино. А поскольку кинотеатр в городе был один, проконтролировать было несложно. Однажды подбил класс на «забастовку» – в протест против какой-то учительской несправедливости – и, испугавшись, дал дёру, написав родителям что-то идиотское, типа ушёл, больше не вернусь, не ищите... Но, прошлявшись до ночи, продрогнув до костей, едва не обмороженный, в родительский дом всё-таки вернулся. Отец в это время метался по округе – искал меня. Мать, увидев блудного сына, только охнула и велела согреться под одеялом. Я лёг и замер в ожидании ремня. Вообще-то батя мой был человеком мягким, но крайне вспыльчивым. Но на этот раз, когда пришёл, сел на табурет возле моей кровати и тихо сказал: «Как же ты мог, сынок?» И такая боль была в его интонации... Домик наш деревянный – отец сам его построил – был маленьким, половики на крашеных полах, на комодах – салфетки, в улу –

моя гордость, коллекция машинок. Два окошка на огород, а там огурцы, морковь... Сорвёшь, похрустишь и дальше несёшься по мальчишеским делам. Нашими соседями с одной стороны была еврейская семья, с другой – семейство татар. Все – мои близкие друзья, не разлей вода. Когда ссорились, конечно цепляли друг друга. Они орали: «Хохол!» (я же Хотиненко), я в ответ огрызался: «Татарва!», «Жиды!». Что, однако, дружить нам совершенно не мешало... На огородах пьющие мужики между грядками зарывали трёхлитровые банки с самогоном – от жён прятали. Я потом это использовал в «Мусульманине» – герой Ивана Бортника осторожно, под стать минёру, тыкал в землю вилами – искал нычку... Батя мой тоже выпивал, мать, как все русские женщины, его гоняла, хотя до чёртиков он не напивался. А вообще, жили они душа в душу. Батя – токарь высшей категории, мастер-уникум, всё, за что ни брался, делал безупречно. И рисовал прекрасно, меня научил. Это удивительно, если учесть, что у него было всего один глаз. Вместо другого – стеклянный протез. В молодости потерял, металлической стружкой ему выбило, когда они с мамой только «хороводились». Отец пытался даже бросаться под поезд, но в последний момент мать удержала – еле успела. Мама тоже заводская – и у станка работала, и в бухгалтерии, и в администрации. Пела великолепно, все песни из кинофильмов знала... Однажды бате сильно свезло – он выиграл по лотерейному билету мотоцикл с люлькой. Сбылась мечта его жизни. Он возился с ним, как с живым существом. Втихаря ездил охотиться, на рыбалку, хотя из-за отсутствующего глаза прав не имел. И тут моя старшая сестра Татьяна поступает в музыкальное училище. А дома фортепьяно нет, и денег на него тоже. Что делает отец? Продаёт своё сокровище и покупает пианино. Жертва невероятная. И ни разу потом не попрекнул этим, только в тот день напился – с горя... «Зеркало для героя» я для них, родителей, снимал. Про их невероятно тяжёлую и прекрасную жизнь. Про время, когда они были молодыми и счастливыми, невзирая ни на что...

Почему-то из многообразия событий, хранимых памятью, некоторые вспоминаются особенно ярко, словно случилось вчера. Вот одна из картинок детства. Мне лет восемь-девять. Осенний день, моросящий дождь – из тех, что на весь день. Дружки мои сидят по домам. А мне неохота. Послonyaлся между деревянными домиками с огородами, пристроился на бревно под чьим-то забором, скрутил самокрутку, задымил. Папирос не было, так мальчишки насыпали в обрывок газеты перетёртые листья клёна и сворачивали маленькие сигарки. Сижу, размышляю о жизни, а состояние какое-то незнакомое: то ли грусть, то ли скука, то ли тоска, а одновременно почему-то и хорошо – словно радостное предвкушение чего-то

судьбоносного. Я тогда и слов-то таких не знал, но мечты о чём-то волшебном-прекрасном бередили. И вдруг в голове молоточком застучала мысль: «В Москву! В Москву!..» При том что чеховские «Сёстры» мне, разумеется, были неведомы. Потом уже я из буддийского книги узнал, что, когда человек в детстве произносит какие-то слова, вроде бы неосознанно, он начинает тем самым исполнять предназначенную ему судьбу. Со мной это произошло буквально. Что это было? Просто интуитивный порыв. При том что, кроме картинки с изображением Кремля в букваре, представления о столице у меня не было... Или: почему я ни с того ни с сего сорвался в армию? Это вообще что-то непостижимое. В руках – диплом Свердловского архитектурного института, в голове – авангардистские идеи, из предложений по части карьеры – аспирантура и должность архитектора в одном из подмосковных городов. С квартирой причём. Казалось бы, куда лучше? Но в одну из бессонных ночей меня вдруг пронзило: «Нет!» Наутро иду

«ПЕРЕЖИВАТЬ
ОДИНОЧЕСТВО
ВДВОЁМ
ВСЁ-ТАКИ
ЛЕГЧЕ И ПРА-
ВИЛЬНЕЙ»

ВЛАДИМИР ХОТИНЕНКО

в военкомат и прошусь в армию. У военкома глаза полезли на лоб... Помню потом взгляд мамы, приехавшей меня провожать, – она смотрела на меня как на сумасшедшего. Что меня толкнуло? Я просто попал под гипноз своей судьбы. Точно знаю: только благодаря тогдашней импульсивной выходке я зашёл в тот коридор, по которому иду до сих пор. И когда представляю, что было бы, не сделай я этого, прихожу в ужас. А тогда рассудил так: после вуза положено отработать три года, а рядовым (офицером я быть не мог, военной кафедры в институте не было) – всего год. Работать в 76-м году, воплощая свои новаторские архитектурные проекты, мне никто не позволит. Будущее очевидно – тоскливая работа в конторе. Чутьё зашеле-стело: это не для тебя. Тут же придумался способ вырваться на свободу – пойти в солдаты. С единственной целью – обдумать, как жить дальше.

Назначение я получил во внутренние войска – конвойным. В отличие от Сергея Довлатова, тоже конвойного, но стоявшего в зоне на вышке, я сопровождал заключённых в столыпинских вагонах. В этой реальности всё было другое. В ней я та-а-акие качества в себе обнаружил, мама не горюй. Как же меняет психику ношение боевого оружия! Однажды я был свидетелем бунта зеков – они сожгли зону. Я не должен был участвовать в подавлении, но упробил начальство – как такое пропустить! Автомат мне выдали без патронов, в оцепление поставили. Март, холод дикий, ноги отмерзают. А вокруг вакханалия: стрельба, всё пылет, мелькают озверевшие лица, оскаленные рты. И мне вдруг дико, истово, больше всего на свете захотелось... патронов. Прямо осязал их, ощущал, как набиваю ими полный магазин и... стреляю, изрешетив всё и всех. Жуткое состояние звериности обнаружил в себе. Потом долго размышлял, откуда во мне такое.

Другой эпизод, где я очень себя не одобрил. Состав везёт заключённых. Размеренный стук колёс. Купе с решётками вместо дверей переполнены зеками. Уголовники, «экономисты», были и смертники. А по другую сторону решётки я – выпускник вуза, свободный человек, выполняющий воинский долг. Я читал их дела, я всё знаю о каждом. И у меня на боку заряженный «макаров». Тяжёлый, надёжный. Я медленно прохаживаюсь по вагону – туда-сюда, поглядываю на них и чувствую, как переполняюсь ощущением собственной значимости. Я здесь главный! Я могу сделать с ними всё, что захочу... Страшные мысли стали роиться в голове! К счастью, удалось укротить это чувство вседозволенности. И когда это получилось, я по-настоящему испугался – мог бы и не совладать с собой, как это происходило с очень многими людьми. Не выдержав «проверку на прочность», они попадали под власть оружия над безоружными... Вот откуда растут корни картины «Макаров», где обладание пистолетом переворачивает всю жизнь героя... Я знал случаи, когда затюканный «дедами» солдатик, получив перед выходом в конвой автомат, укладывал из него своих «прессовальщиков». Меня лично в армии сильно не доставали, особенно после того, как стал рисовать портреты в дембельские альбомы, – с этого момента я вообще был неприкосновенен. Тем более что к живописному мастерству добавлялось просветительское. Вместо пустого трéпа о «порнухе» я вслух читал «Золотого осла» Апулея, благодаря чему наше воинское подразделение узнало о существовании этого древнеримского писателя и философа. Абсолютный был сюр: Апулей в казарме конвойных войск!.. Ночью! После

► Когда они встретились, у каждого была семья, были дети

отбоя... Где бы я ещё нашёл такие фантазмагорические сюжеты и получил такой опыт?! Нигде.

Всё поразительным образом взаимосвязано. Не окажись я в армии, не попал бы в кинематограф. На этот раз providение явилось в образе приятеля, затачившего меня во время отпуска на встречу творческой молодёжи с Никитой Михалковым, приехавшим в Свердловск. Там, в гостиничном номере, всё и началось. Сидели компанией, выпивали, разговаривали о разном, он много расспрашивал, я много о себе рассказывал, и напоследок режиссёр сказал: «Может, тебе есть смысл попробовать приобщиться к кино?» Оставил телефон и предложил после окончания службы приехать в Москву со своими работами. С этого момента я ни о чём другом даже думать не мог...

«Кавалер барышню хочет украсть...»

Т. Я.: – Едва поступив на киноведческий факультет ВГИКа, я влюбилась в Себастьяна Аларкона, приехавшего учиться из Чили на режиссёра. Мама меня замуж за чилийца не пускала категорически. Боялась, что из-за связи с иностранцем у меня будут проблемы в институте, а у неё – на работе, вплоть до увольнения (с отцом они тогда уже расстались). Я этого даже слышать не хотела, настаивала на своём. В итоге сбежала из дома. Под предлогом студенческой практики отправилась с Себастьяном на съёмки его первого полнометражного фильма «Ночь над Чили» в Баку, а вернувшись, собрала вещи и ушла из дома. Напутствуемая словами: «Ты сама выбрала такую жизнь, сама и живи. Помогать не будем...» Начались наши с Себастьяном скитания по съёмным комнатухам.

Потом его фильм получил приз Московского международного кинофестиваля, и мама смиловилась, правда не окончательно. Только рождение сына Дениса и нежное отношение к нему Себастьяна примирили её с моим выбором. А у меня начался период самоутверждения. Я защитила диссертацию и начала преподавать историю зарубежного кино во ВГИКе, стала вице-президентом компании, занимавшейся прокатом зарубежных фильмов, много ездила по фестивалям и кинорынкам. Появилась финансовая независимость, интересные знакомства, проекты, дома я бывала крайне редко, с сыном и мужем общалась в основном по телефону. А у Себастьяна дела, наоборот, не ладились – наше кино переживало не лучший период, а снимать коммерческие фильмы он не хотел. Мы всё больше отдалялись, любой пустяк становился поводом для скандала. И это было концом наших семнадцати лет брака. Многие считают, что, когда люди и на работе, и дома неразлучны, они устают друг от друга. И даже отдыхать им лучше отдельно. Мой опыт показал, что в семье своё, «личное» пространство всё-таки должно быть связано с домом

и общим делом. По-настоящему близкие люди должны быть вместе как можно больше, разделяя всё, что в их жизни происходит... С Володей мы вместе круглосуточно, а если оказываемся ненадолго в разных местах, постоянно звоним друг другу. По сути, мы ни разу не расставались больше чем на два дня. Когда двадцать лет назад мы встретились, я сознательно отказалась от карьеры, сосредоточилась на преподавании и общей работе, стала редактором его фильмов...

В.Х.: – Я всю жизнь был завоевателем. Завоевывал во всех смыслах, по всем направлениям. И к женщинам относился с позиции завоевателя, и к жизни подход был варварский. У варвара всё просто: вот цель, а вот овладение ею, будь это женщина или профессия, не важно. Юлий Цезарь такой – «пришёл, увидел, победил». Только так и было. В юности мог добиться кого угодно, вообще никаких препятствий не видел. Это теперь мне такая позиция представляется дикой, но... как говорится, всему своё время. Первую свою жену – красавицу, с которой мы вместе учились в архитектурном институте, – я буквально атаковал и быстро добился согласия на брак. Вопреки, кстати, воле её родителей, считавших меня лоботрясом. Тем не менее жили мы после свадьбы у них, своим жильём в Свердловске я обзавестись не мог. Сына родили, Ильюху. А семь лет спустя разошлись... Второй брак, по сути, повторил историю первого. Дилором Камбарову я тоже взял приступом. Хотя она в то время была настоящая звезда, а я никто – ассистент художника. Дочка у нас появилась, Полина. А дальше опять то же самое – постепенное рассоединение. Жена с дочерью уехали в Узбекистан, хотя жилось им в Ташкенте непросто. А через некоторое время – я тогда снимал «Мусульманина» – Дилором выиграла грин-карту США и попросила у меня согласия на эмиграцию вместе с Полиной. Я возражать не стал... Третий брак тоже не увенчался успехом и отличался от предыдущих двух только отсутствием общих детей...

Я пытался разобраться, в чём причина моего краха. И пришёл к выводу: ни одна из моих жён не была виновата, обижаться не на кого. Каждый раз причиной разлада становилась моя увлечённость профессией. По большому счёту, кроме кино, для меня ничего не существовало. Нет, безусловно, я любил своих детей, чем мог, помогал, но самым важным для меня был кинематограф. Не семейные ценности. И я легко мог получить расплату в виде негатива со стороны детей, но Бог милował, мы прекрасно ладим. Илья – режиссёр, сценарист и продюсер, Полина – дизайнер, Танечкин сын Денис – кинооператор, очень талантливый. Дети общаются, переписываются, и все мы так или иначе варимся в одном котле. Я много ошибок совершил, много глупостей наделал. Есть поступки, которых стыжусь до сих пор. Стыдно бывает так,

словно это произошло только что, а не тридцать лет назад. Это не значит, что теперь я хороший, а тогда был плохим. Всё сложнее. Я же человек воцерковлённый и много размышляю над всем этим. Думаю: да, мне стыдно, и тут же ловлю себя на том, что чувство стыда доставляет мне удовольствие, подсознание говорит: «Ах, какой же ты хороший – совестишься спустя десятки лет! Глядишь, и зачтётся». Тут же начинаешь гнать эти мысли. Ведь, по высшим меркам, если сделал добро, ты не должен восхищаться собой, дескать, каков молодец! А ты это испытываешь. И тут же начинаешь себя сдерживать... Я упрощаю, конечно, но в целом цепочка выглядит именно так. И это процесс бесконечный. Это всё слабости человеческие, думаю, без них жизнь невозможна.

Удар током

В.Х.: – Завоевывал ли я Татьяну? Конечно, завоевывал. «Запал» на неё сразу. Сначала, конечно, на красоту, но дальше привлекло то, что эта женщина – совершенно другая, исключительная. Словно она жила в неведомых мирах. И ещё я был поражён каким-то её невероятным... мужеством при абсолютной женственности и восхитительном стиле английской леди. В 96-м году на фестивале «Киношок» в Анапе она со сцены представляла картину своего мужа «Шрам», поскольку была соавтором сценария. И мне показалось, что эта женщина, свободная, непокорная, блистательная в своём элегантно белом костюме, способна противостоять всему миру. Я был восхищён. Но тут моя завоевательская психология встретила отпор. Попытался подкатиться к барышне в своей привычной манере – наткнулся на... стену. Держалась она холодно, смотрела с презрением. При том что я к тому времени уже снял «Зеркало для героя», «Патриотическую комедию», «Макарова»... И хотя раньше мои приёмчики соблазнения всем нравились, тут стало очевидно – шансов нет. Но я уже увлёкся всерьёз.

Т.Я.: – Володя казался мне самоуверенным, выскомерным, развязным, нагловатым, загульным – совершенно не мой тип мужчины. Но вот... судьба! Буквально через неделю после первой встречи меня уговорили поехать вместо президента нашей фирмы в Таллин – подписывать соглашение о развитии кино. Я совсем не хотела ехать: во ВГИКе уже начались занятия. Но отказаться не удалось. Едва подошла к поезду, увидела Хотиненко.

В.Х.: – А я ехал в Эстонию с удовольствием – хотел убежать от московской жизни, от кучи проблем. Смотрю в окно, размышляю, что надо в жизни что-то радикально менять. Вдруг вижу – Она. Идёт по перрону. И меня будто пронзило. Кто-то верно заметил: любовь – как удар током: вроде бы ничего не видно, а человека трясёт. Меня затрясло, и я тут же выскочил на перрон покурить, лишь бы с ней пересечься. Приветливо заулыбался, но в ответ –

«холодный душ»: «И вы здесь...», с интонацией «только этого не хватало». Но я уже приготовился к штурму. И начал использовать все способы.

Т.Я.: – Да уж... Даже пел! В автобусе, в Тарту, они с Гарри Бардиным на два голоса затягивали песни из старых кинофильмов: «Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая, заря моя вечерняя...», «Русая девушка в кофточке белой, где ж ты, ромашка моя...». Красиво получалось, душевно. Вечером, мы, уже вдвоём, гуляли по городу. А потом Володя взял мою руку, и я поймала себя на мысли, что больше всего мне хочется, чтобы он её не отпустил. И он не отпустил. А я вдруг почувствовала себя очень защищённой. И влюблённой... С этого момента мы были неразлучны. А потом он сказал загадочную фразу: «Если мне повезло, то ты ко мне относись». Я перебирала её на все лады, пытаюсь понять, что же он имел в виду...

В.Х.: – Я тогда попал в ловушку жуткого психологического кризиса. Хотел даже эмигрировать. Во всех смыслах меня крутило: в личной жизни кавардак, в профессии тоже какая-то лажа. Я начал терять смысл жизни и остро переживал. И тут – Татьяна. В этом чувстве я усмотрел соломинку, что ли. Больше того, я понял, что драматургически история моей любви выстроилась очень правильно: сначала я получил хороший отлуп и вполне мог впасть в отчаяние, но вышло наоборот – обрёл надежду. И с этой ноты можно было начинать сначала... Я нутром почувствовал – вот поворотное событие моей жизни. В Москву мы с Танечкой возвращались в одном купе... Дальше шифровались, встречались тайком. А через месяц меня пригласили во Францию. В городе Бон Клод Лелуш проводил семинар режиссёров и продюсеров, и я написал организаторам письмо, попросив разрешения приехать вдвоём. Мне очень хотелось хотя бы неделю пожить вместе, понять: сможем ли мы, как у нас получится? Будут ли пресловутые зубные щётки и носки действовать на нервы? По мистическому совпадению уютная домашняя гостиница, где мы поселились, называлась Номе, в переводе – «дом». Через неделю стало понятно: мы можем! Ни единая мелочь друг в друге не раздражала. А дальше – объяснение в любви. Казалось бы, зачем? И так всё прекрасно: Франция, романтика, мы вместе. Но, видимо, потребно мне было как-то выразить своё чувство. Тут и выяснилось – не могу. Слова «я тебя люблю» я говорил уже много раз в разных контекстах, и Тане эту заезженную фразу произнести язык не поворачивается. И так встраивался, и сяк, в итоге произнёс: «А ты согласна не на роман, а на жизнь?»

Т.Я.: – Если бы мы встретились в возрасте Ромео и Джульетты, никакого романа, а тем более брака, скорее всего, и быть не могло. Настолько мы были разными, настолько разные жизни прожили. Когда рассматриваю старые Володиные фото-

графии, не могу его узнать. Он даже обижается. Сейчас и взгляд у него более спокойный и нежный, а тогда... Вот он точно говорит – завоеватель, абсолютный варвар. Длинные волосы, бородатый и безбашенный, готовый спяну, да, впрочем, и на трезвую голову, куролесить до одури: драться, на спор ходить по карнизу десятого этажа, ножом полоснуть себя по руке, находясь в растрёпанных чувствах... Мы встретились именно тогда, когда должны были. Мне было тридцать восемь, Володе – сорок три, оба с жизненным опытом, что-то про эту жизнь уже понимающие, способные отличить важное от второстепенного. Мужчин, подобных Володе, наделённому не только редким талантом, но и необычайным благородством и силой, я не встречала. Поразительно, для начала нашего романа, изменившего всю жизнь, нам хватило трёх дней...

Казнить нельзя помиловать

В.Х.: – Жизнь складывается из мелочей, поводом к конфликту может стать самый пустяковый вопрос: каким поездом проехать из пункта А в пункт Б? По моей логике, удобней поздним рейсом, а по Танечкиной – утренним, или наоборот. Понятно, что повод пустячный, но в этот момент так не кажется. По сути, причина размолвок у нас единственная – когда я понимаю, что рушится моя логика. То есть я никак не могу Танечке чего-то объяснить и никак не могу понять её объяснения. При всём нашем совпадении мы всё равно остаёмся разными. Она упряма, а я самолюбив. И в общем-то, если дойду до точки кипения, то на взрыве эмоций и сейчас могу пробить шкаф кулаком. Это натура, свойство характера.

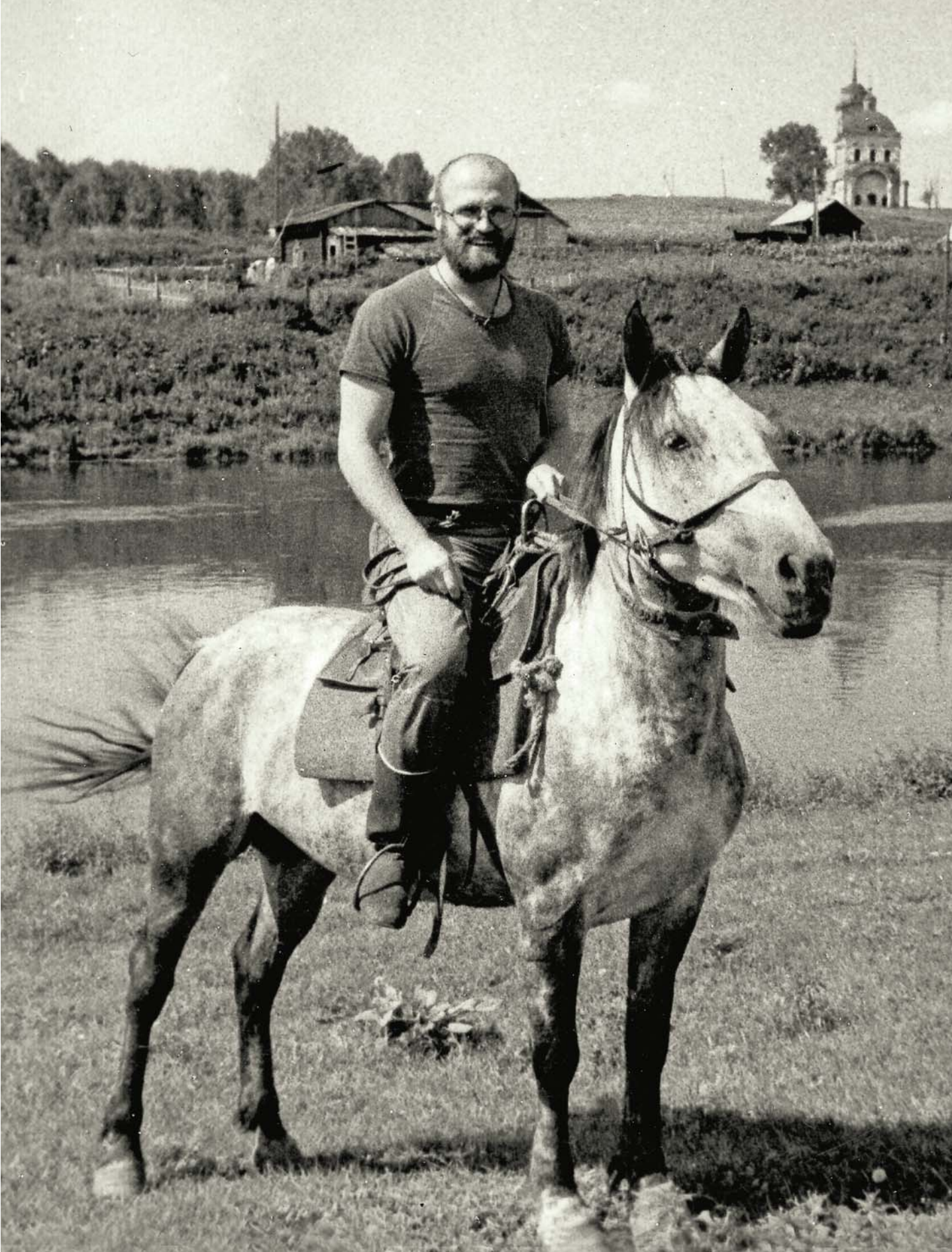
Т.Я.: – С годами я и к этому стала относиться философски, поняла: во-первых, с Володей не надо спорить до иступления, лучше переждать. Кроме того, ему необходима разрядка – не в конкретной ситуации, а вообще, и, значит, полезнее выплеснуть накопившие чувства. Но, честно говоря, сейчас вспышки гнева у него бывают редко, а если и случаются, то по вопросам творческим.

В.Х.: – Танечка в своих мнениях непоколебима совершенно. Я-то готов пойти на компромисс, отмотать назад, договариваться. Но она гнёт свою линию до конца. Я уже давно переключился, а Таня продолжает дожимать. На съёмках картины «Поп» так и было. Я никак не видел в главной роли Маковецкого, но от неё только и слышал: «Попробуй его!» У меня в голове – творческий процесс, я что-то придумываю, перебираю варианты эпизодов, артистов. А она всё пилит, пилит. Я называю это «деревянная пила». Мучеников так пилили. В итоге Танечка оказалась права. В этом конкретном случае. Но так бывает не всегда. Но, в отличие от меня, она считает, что правота всегда на её стороне.

Т.Я.: – Когда я чувствую свою правоту, мне кажется, это должно быть очевидно и для Володи. Потом я понимаю: он выходит из себя, потому что я захожу на его личную территорию. Иногда режиссёр пробует на роль разных артистов, заведомо зная, что не утвердит, но ему этот процесс необходим, чтобы размять для себя материал, разобраться в деталях. И у него в голове сразу тысяча идей. Конечно, разумнее уступить, чтобы не распалить человека. Увы, у меня не всегда это получается... В браке ты не можешь изменить человека, но, когда любишь, ты подстраиваешь под него своё пространство: то он тебе в чём-то уступает, то ты ему. При своём сильном характере Володя мне часто уступает, я же говорила о его благородстве...

В.Х.: – Ещё как! Когда мы познакомились, я был загульный – выпить любил, курил безостановочно. Таня вступила в борьбу с моими пагубными пристрастиями. Когда мы ездили в Танечкиных «жигулях», я курил в салоне. Сейчас даже вообразить не могу, как такое возможно. Кошмарный сон. Когда поселились вместе, я принялся курить в комнате. Всякий раз, как только закуривал, Танечка задавала вопрос: «Ты куришь?» Легко так, без нажима. Я переместился на кухню, поближе к открытому окошку. Только пристроюсь, она заходит с тем же вопросом: «Куришь?» И в голосе – мягкий намёк на укор. Зажмёт рот, нос, не глядя на меня, включит плиту. Я спрашиваю: «Мешаю тебе?» – «Нет-нет, ничего». То есть запретов не ставилось... Долго это продолжалось, не месяц, не два. Мягкое, но бесперебойное выдавливание. С каждым её заходом сигарета доставляла всё меньше удовольствия. Я переместился на пожарную лестницу. Зимой масса неудобств – одеваться, обуваться. Домой вернёшься: «Ой, накурился...» Так потихоньку синдром был снят. С помощью мягкой дипломатии. С выпивкой сложнее. Я понимаю, почему пьёт русский человек. Очень о многом думает он, практически обо всём. Рвётся голова, рвётся душа. Выпивка снимает напряжение, примиряет, отодвигает проблемы. Правда, они потом возвращаются в умноженном виде. Но всё равно надеешься: может, обойдётся? У многих не обходится... Я пить умею. Помню, с Валерой Залотухой, когда «Макарова» писали, осушили на двоих сундук водки – у него в доме стоял, он ею в деревне с мужиками расплачивался. Мы были молодые, здоровые, в пылу споров и вдохновения хорошо пились... Но в стельку я не напивался, ниоткуда меня не выносили. Тем не менее с этим Танечка тоже начала бороться. Эта тема по-прежнему остаётся эмоционально обсуждаемой. Стоит пригубить вина, тут же начинается капание на мозги: «Опять?! Зачем ты пьёшь?..»

Т.Я.: – Раньше мы вообще не могли договориться. Я не выношу даже, что называется, поддатых. Мы часто бываем в Италии. Там не выпивать

невозможно – традиция, хорошие вина, атмосфера. Выпить за обедом по бокалу вина, пусть даже бутылку на двоих, – это нормально. Но бутылка на одного – мне кажется, это чересчур. А по мнению Володи – в самый раз. Что такое бутылка сухого для человека, родившегося и выросшего в Славгороде? Родственники бы засмеяли.

В.Х.: – У Танечки есть... Хотел сказать недостаток, но вовремя поправлюсь и скажу – достоинство. Гениальное. Она всё примеряет на себя, и, если ей что-то не годится, это не должно годиться никому. Зablуждение? Стопроцентно. Но иначе она не может.

Русская хандра

Т.Я.: – За всё, что произошло, я благодарю судьбу. В жёстком, рациональном мире встретить такого человека, как Володя, ставшего и опорой, и смыслом, и по духу самым близким, очень дорогого стоит. Да что там, это бесценно! Ведь мой муж на самом деле уникальный человек. Я живу в ощущении абсолютной защищённости. Невозможно представить, чтобы Володя предал, повёл себя недостойно. При всей занятости, куче дел, идей, учеников с их сценариями и проблемами его хватает на то, чтобы окутать любовью, вниманием, заботой не только меня, но и всех родных и близких. Он очень щедр во всех смыслах. Невозможно описать, как он относится ко мне, к моему сыну, к моей маме – она его буквально боготворит...

В.Х.: – Удивительно, двадцать лет мы живём вместе практически не разлучаясь, а я до сих пор во власти обожания. Чувствую себя сентиментальным идиотом, но ничего не могу поделать – обожаю всю её и всё в ней: как она говорит, стоит, оборачивается, жесты её, взгляды... И, любуясь, я абсолютно счастлив.

Но это не исключает того, что через полчаса заору: «Ты как со мной разговариваешь?! Что я, не могу выпить бокал вина?!» Парадокс. Недавно просто открытие сделал. Вот есть у меня родственники – дети, внуки, сестра, и я всех их люблю. Но! Для себя я совершенно определённо понимаю: важнее Танечки, ближе её у меня никого нет. Порой, словно током, пробивает мысль: «Господи, как такое возможно!» А иногда бывает, погружаюсь в такую мерихлюндию, прямо классическую, когда всё в куче: грусть-печаль-тоска, подавленность. Начинаешь разбираться – я должен понять, докопаться до сути. Ан нет. Несусветная меланхолия. И нет ей объяснения.

Т.Я.: – А по-моему, всё объяснимо. Володе, при его чувстве собственного достоинства, честности, благородстве, трудно вписаться в современные реалии. Как человеку верующему ему чрезвычайно важно только то, как он выглядит перед самим собой. Вот с совестью своей он и разбирается, это принципиально...

В.Х.: – А может, всё проще: вроде как понимаешь, что движешься потихоньку под горку и уже маячит на горизонте старуха с косою, вот и наваливается депрессуха. Хотя, думаю, и не это главное. Это часть. В такие моменты безысходности и тоски ощущаешь, что отсоединяешься от мира – розетка выдернулась и связь потеряна. Забавное ощущение. Не я единственный, кто его испытывает. Кто-то на этом шедевры создаёт, кто-то сводит счёты с жизнью. Вот был потрясающий режиссёр Борис Барнет, снявший, в частности, «Подвиг разведчика». Красавец, умница, любимец женщин... Мне рассказали про него одну историю.

Барнету предложили преподавать во ВГИКе. Он пришёл, провёл одно занятие, другое, а потом пропал. Пару недель его разыскивали, когда нашли, спросили: «Как вы могли уйти? У вас же студенты!» – «А я всё, что знал, уже рассказал». Но это так, штрих к портрету... А вообще, этот уникальный, ни на кого не похожий режиссёр после конфликта на «Мосфильме», потеряв работу, а с ней – смысл существования, уехал в Ригу и там, в рижской гостинице, повесился... А Геннадий Шпаликов? Это результат того же самого – чудовищной тоски. А для человека в тоске главный смысл в том, чтобы из неё выбраться. Раньше такие состояния мне были не очень свойственны. Всё бежал, бежал куда-то... В религию пришёл по причинам того же разряда. Сам пошёл в церковь, никто не агитировал. Это я-то, в школе рисовавший богохульные карикатуры, прости Господи! Но вдруг изнутри словно разряд молнии: «Надо креститься, иначе пропаду!» Мучился, чувствовал, что загульно-беспутный образ жизни тянет меня в омут. Взрослым уже был, учился на Высших режиссёрских курсах. А там женщина одна работала верующая, потом она в монастырь ушла, она и помогла организовать моё крещение. Но предупредила, что придётся преодолеть то, что церковные люди называют «искушениями».

И я это испытал! Без всяких «белочек», на трезвую голову, не во сне, а наяву я видел... Бесов? Чертей? Не знаю, как назвать, но я ощущал Не-что – некую неведомую силу. Описать невозможно. Жуткая, кошмарная, она обрушивалась на меня, придавливала, обездвживала. Я шевельнуться не мог. Один раз от ужаса заорал дурным голосом: «Господи, помилуй меня грешного!!!» Делал попытки осенить себя крестным знаменем, но не мог – руки были практически парализованы... Понимая, что близок к безумию, рассказал о своих мучениях приятелю, Алику Лоевскому, и попросился у него переночевать. «У евреев, – думал, – всё как-то иначе, может, там мне полегче станет...» Так и вышло – впервые я нормально выпался. Несколько дней пожил у них дома, и меня отпустило. Когда вернулся к себе, вся эта дьявольщина исчезла...

С той поры я уверовал в Бога окончательно и бесповоротно, раз и навсегда принял на веру то, что раньше считал аллегориями. Что произошло тогда со мной? Не знаю. Но мне как раз нравится то, что я этого не знаю. Это та сфера, где лучше не знать... Есть бытовые прибаутки: «На Бога надейся, но сам не плошай», «Делай что должно, и будь что будет». Только ни разу рецепты эти никого не спасали.

А в чём спасение? Очевидно, в том, чтобы жить и каждый день пытаться что-то про эту жизнь понять. И терпеть, как бы банально это ни звучало. У людей, поставивших на своей жизни крест, просто не хватило силы перетерпеть, переждать. А скорее всего, рядом никого не оказалось. Это всё сражение человека со своим одиночеством. Страшная штука. Думаю, такие периоды свойственны всем. И при всей тяжести они в чём-то помогают. Внутри тебя что-то чистится, выскребается, сдирается, вся муть выходит, и... ты спасён. Освобождён для нового. Терпение – очень важная категория, а в периоды кризиса тем более. Во всех смыслах: в профессии, в общении, в семье. В моём родительском доме жаловаться и ныть было неприлично. Порезался, ушибся – терпи. Но это физическая боль. А душевная порой невыносимей.

Кажется, что лучше уж порезать себя, чем терпеть то, что рвёт тебя на части. Для меня в этом смысле образец для подражания – бабушка, мама. Её брат, дед мой Серёга, родом с Дона, казак, георгиевский кавалер. Из-за него семья оказалась на Алтае – их сослали... А мужа её, Василия, другого моего деда, посадили. В лагере он и умер. За день до освобождения. И бабка в одиночку подняла восьмерых детей. Непоколебимой воли человек. И мама была крепким орешком – упёртая, неотступающая. При этом обе – терпеливости великой... И если меня в жизни придавливает, я вспоминаю бабушку, маму и думаю: «Если они сумели, то и я смогу...» Если развивать в себе терпение, прямо как мышцы, накачивать его, можно себе помочь. Хотя есть и другие средства – музыка, например. Моцарт или The Rolling Stones. А Вагнер как укрепляет дух! Его музыка совпадает с природой моей завоевательской. Слушаешь и чувствуешь: «Господи, хорошо-то как!» А литература, живопись? По-моему, детям с малых лет стоит изучать живопись, литературу, кино... Это вырабатывает систему координат. Вообще, я считаю, искусство существует только для укрепления человека, для противостояния варварству и безумию, для того, чтобы придать его жизни смысл... И никто не докажет мне обратного. ☉

ИНТЕРФЕРОН
АЦИКЛОВИР

ДВОЙНОЙ УДАР
ПО ГЕРПЕСУ!

ГЕРПФЕРОН®

МАЗЬ ДЛЯ МЕСТНОГО И НАРУЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

- Лечение первичных и рецидивирующих герпетических поражений кожи и слизистых оболочек
- Лечение генитального герпеса
- Лечение опоясывающего лишая
- Содержит лидокаин для снижения болевых ощущений

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРМ М www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

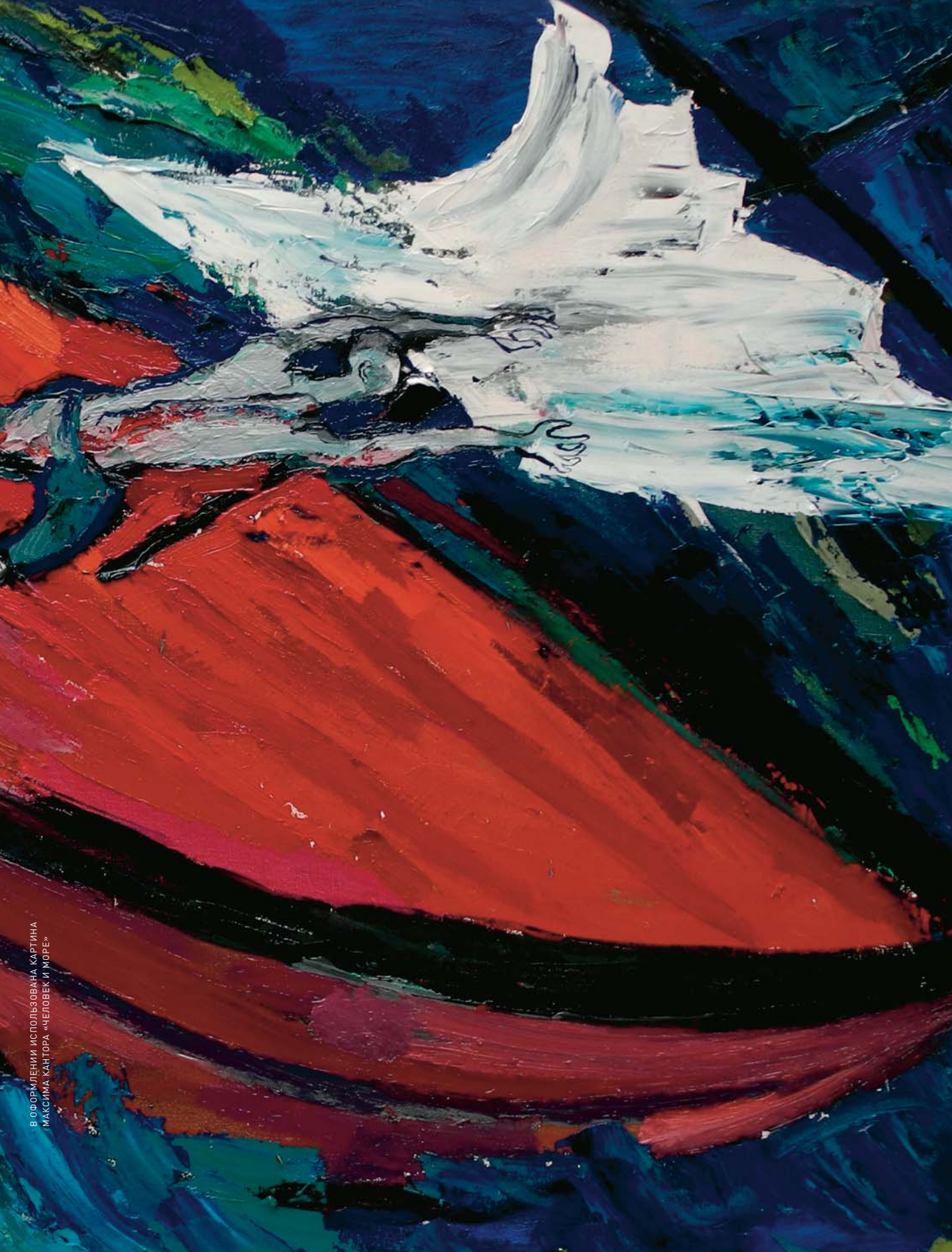
АЗАРТ

*В прошлых главах
читателю наконец стало ясно,
что «Азарт» не списанная по старости
морская посудина, а почти
«Летучий голландец» – с тайнами
и матросами-невидимками*

МАКСИМ КАНТОР

Глава четырнадцатая ТРИ МАЧТЫ

От бессонной ночи болела голова, от бессмыслицы – ныла душа. Всё на нашем «Азарте» было нелепо, но довершением общей нелепости, этаким розочкой на торт абсурда стала ссора с женой из-за французской журналистки. Вы знаете эти тягучие семейные сцены, когда сказать друг другу нечего, причин для ссоры будто и нет вовсе, но тоска накопилась. Жена отлично понимала, что я был не в каюте у французженки – одежда моя была перепачкана угольной пылью, а руки и лоб исцарапаны так, как ни одна дама не располосует, даже в пароксизме страсти. Что я мог сказать в своё оправдание? И надо ли вообще говорить? Мы провели остаток ночи, значительно глядя друг другу в глаза, вздыхая и кривя губы. Она устала от меня, думал я, сын болеет,

В ФОРМИЛЕНИИ ИСПОЛЗОВАНА КАРТИНА
МАКСИМА КАНТОРА «ЧЕЛОВЕК И МОРЕ»

всё скверно; почему я не повёз их в Крым? Женщине здесь тяжело; она думала отдохнуть, а попала на пиратский корабль, гружённый порохом, но, странное дело, никакой жалости я не испытывал.

Знаем мы эти пылкие фразы: ах, я не хотела ехать в Ниццу, я была бы счастлива и в Воронеже! Так говорят супруги, у которых жизнь в Ницце сложилась; но отчего они не поехали в Воронеж, если Воронеж так манил, разочарованные в Ницце дамы объяснить не могут. Да, жизнь в амстердамском порту оказалась своеобразной, но ведь мы сами хотели сюда поехать, нас никто не принуждал. Но выбраться отсюда уже пора. Обратно уже очень хотелось, вот это точно.

Утром плеснул себе в лицо тёплой желтоватой водой из кувшина – кувшин заменял нам рукомойник – и пошёл в кают-компанию. Кают-компания, как читатель помнит, располагалась в машинном отделении: сломанная машина служила матросам в качестве обеденного стола. Капитан Август всё грозился эту машину отремонтировать – будто бы не хватало какого-то пустяка. Искали механика, ковыряли приборы, щёлкали по циферблату: вот ещё чуть-чуть – и сердце нашего парохода забьётся вновь. А покуда мотор молчал, циферблаты не светились, машина служила столом, и служила, надо сказать, исправно. Металлическая поверхность годилась для резки овощей, а музыкант Йохан прилачился открывать пивные бутылки о какой-то рычаг неизвестного нам назначения. Вокруг этой чудовищной серой стальной громадины с рычагами и кнопками свободно усаживалась вся наша безумная команда. Было нечто символическое в том, что обеды мы накрывали на машине: под нашими тарелками пряталась сила корабля, его нераскрытые возможности, его история и его будущее. Однажды «Азарт» себя ещё покажет! И каждый из матросов панибратски трепал машину по стальному заправку: мол, терпи, старая кляча, скоро опять встанешь в строй.

Шёл в кают-компанию я неохотно: не знал, как мне теперь смотреть на оксфордского профессора, на лысого актёра, на предателя Якова. И встреча с француженкой меня не воодушевляла: щека до сих пор горела. Требовалось действовать, разоблачить заговорщиков, воззвать к справедливости – времени оставалось мало; но вот как раз действовать мне не хотелось. Ночные бдения с женой свели решимость на нет: уж если жене я ничего не могу объяснить, то как рассказать малознакомым людям о том, что наш корабль скоро взорвётся? Невозможно такое сказать – не поверят. Однако пошёл. Говорить правду надо, даже если тебя не слушают, – так меня отец учил.

Вошёл в машинное отделение – и ахнул. Машина исчезла.

Когда я пишу слова «машина исчезла», осознать дикость случившегося невозможно. Понимаете, машина, приводящая в движение корабль, – не важно, работающая машина или сломанная, – это огромный агрегат весом в тонну, это гигантский стальной комод, это оружие, в котором тысячи деталей привинчены друг к другу, приварены и закреплены стальными скобами. Вынести эту штукину из помещения корабля наружу – задача, равная тому, чтобы вынести Кремль из Москвы или передвинуть пирамиду Хеопса. Машину и от пола-то оторвать невысказано, её невозможно приподнять десятку матросов. Как её вынести с корабля? И кому, скажите, и зачем, и на кой ляд может понадобиться неработающая машина?

Однако машины в помещении не было.

В стальном полу зияла дыра – машину отодрали от стального листа, коим был покрыт пол, причём местами стальной лист был покорёжен и порван, словно бумага, – словно рука великана вырвала машину из пола.

Матросы «Азарта» стояли вокруг пустого места, замороженно взирали на зияющее пространство – так стоят погорельцы возле остова дома. Из «Принца Савойского» вырвали сердце, теперь эта посуда уже не была кораблём.

Да, вы скажете, что машина и прежде не работала. Верно. Но она могла работать! Машина обещала работать! Машину можно было починить, механик вот-вот должен был появиться-

ся! Мы надеялись, у нас были планы, мы собирались дать нашему кораблю новую жизнь! Так ведь и человек с нездоровым сердцем надеется на лечение и врачей, но вырвите ему сердце – и он умрёт. Мы могли отправиться на корабле «Азарт» вокруг света, мы могли, на худой конец, ходить по голландским каналам и рекам, мы могли плыть! И вот теперь – не можем. И даже мечтать уже не можем.

«Принц Савойский», он же «Азарт», эта ржавая посуда с ободранной обшивкой, разобранной палубой и пробоиной в борту, вдруг сделался невесомым, как будто центр тяжести у посуды был утрачен. Я почувствовал, как лёгкая волна, лениво бившая в причал, треплет судно и швыряет его из стороны в сторону – без машины корабль уже ничего не весил, превратился в пустую консервную банку. Йохан, музыкант-авангардист, который колотит палками по консервным банкам, теперь может играть на нашем корабле – только на это «Азарт» и годится.

Я входил в кают-компанию с намерением разоблачать, рассказать о порохе, о снарядах, о заговоре, но то, что стряслось, заставило забыть про порох и торпеды. Взрывать было уже нечего: корабля просто не стало. И это чувствовал любой – взгляды матросов потухли, в кают-компании было тихо.

Ни Августа, ни немецких рыбаков я в кают-компании не увидел. Матросы сказали, что, когда Август увидел пустую каюту, он оцепенел, долго стоял, схватившись за голову, а потом внезапно сошёл на берег и взял с собой немцев. Ничего не сказал, ничего объяснить не стал, просто ушёл вдалёку по причалу. Кричали ему вслед – капитан не ответил.

Случившееся обсуждали уже без него.

Оксфордский профессор Адриан и негоциант Яков немедленно выяснили истину. О, то были дотошные люди, и к тому же у них были виды на корабль, они уже глядели на «Азарт» как на свою собственность, воровства на судне допустить не могли. Что там ГБ или инквизиция, им до Якова и Адриана далеко! Эти ребята нашли виноватого мгновенно, быстрее любого следователя или монаха-доминиканца. Адриан Грегори и Яков обступили злосчастного ловчику Микеле с двух сторон: англичанин цепкой рукой держал за плечо растерянного Микеле, а Яков своими узловатыми пальцами крутил итальянцу ухо. Микеле закатывал глаза, терпел боль молча, но слёзы крупными голубыми каплями набухали в больших карих глазах. Яков выворачивал ухо Микеле с холодной жестокостью, ногтями раздирает кожу и крутил, крутил.

Ухо у Микеле было уже лилового цвета, раздулось вдвое против объёмов, предусмотренных природой, а сам итальянец сделался пунцовым от страданий.

Оказалось, что машину с корабля вынес он.

Представить, как тщедушный человек со смешной проплешиной на курчавой голове вынес гигантскую машину – да просто сдвинул агрегат с места! – было невозможно. А вот поди ж ты! Унёс! Страсть к лёгкой наживе двигает горы, а вот желание безвозмездно созидать – гор, увы, не двигает.

Неуёмный Микеле своровал с судна всё, что можно было унести легко, а также всё, что унести было теоретически нельзя: он украл компас, барометр, секстант, отпил ножовкой фальшборт, отодрал кое-что из обшивки с бортов, а вот теперь вынес и машину из машинного отделения. Каждый раз, вынося с корабля очередной предмет, Микеле оправдывал себя тем, что после удачной негоции он всё купит и вернёт сворованное в двойном размере. Он намеревался купить два секстанта и два барометра. Он вовсе не собирался разрушать корабль, он томился и страдал оттого, что его деяния подтачивают общие планы. Корабль обязательно поплывёт, и он, Микеле, будет способствовать возрождению корабля, а текущие проделки – это так, своим чередом, это не считается. Роковым, поворотным пунктом стала кража штурвала, учинённая Цветковичем: после кражи штурвала Микеле решил не возмещать ущерб даже в мечтах – он стал торопиться и лихорадочно крал всё подряд. Безумное желание ободрать обшивку «Азарта» и загнать её как металлолом было вызвано уже

этим новым поворотом сознания. Оказывается, итальянец продал и машину корабля как металлолом тем самым дельцам, коим прежде собирался загнать корабельную обшивку, да его остановили.

В ту ночь, когда заговорщики обсуждали свои коварства, а я лежал в угольном бункере, трепеща от страха, когда Присцилла (в этом журналистка призналась сама) рыдала в углу своей каюты от злости на мою бесчувственность, – в эту самую ночь Микеле разобрал машину «Принца Савойского» и вынес по частям на причал. Помогал ему в этом предприятии поэт Цветкович, точнее – многочисленная сербская родня поэта. Оказалось, что Цветковича окружает обильная диаспора западных славян, многоступенчатая родня съехалась нынче на обещанный концерт. Двоюродные дяди с бутылками ракии и не пойми кому тётки с ярко на помаженными губами явились на наш корабль. Взойдя на борт, эти суетливые, пылкие люди в два счёта разобрали и развинтили машину, уцелевшую в двух мировых войнах.

– Зачем ты украл машину? – спрашивали у Микеле. – Зачем?

Микеле мигал глазами, полными слёз, и горько отвечал:

– Так получилось.

– Неужели не понятно, что без машины корабль плыть не сможет?

– А вдруг сможет? Как-нибудь поплывёт, а? – и робко смотрел, часто моргая.

ТЬфу! Ну что тут сказать? Какие уж тут пираты и заговоры, если робкий, трепетный итальянец отдирает от пола корабля его мотор и продаёт на причале! Что могут пираты против стихии воровства?

Мы вышли из машинного отделения и поднялись на главную палубу, причём всю дорогу наверх Яков тащил Микеле за ухо. Встали на спардеке, глянули на пристань и на город, расстилавшийся следом за ней.

Стояла необычная для Амстердама душная, жаркая погода. Тихо было. Даже чайки не кричали. Молочно-белый жаркий воздух облил островерхие крыши, точно на город вылили банку сгущённого молока и молоко застыло, стекая вдоль узких стен.

– Будет гроза, – сказал местный житель Йохан.

– Хорошо бы с представлением успеть, – заметил актёр, – я уже настроился на спектакль.

– Успеем, – зловеще сказал Яков, продолжая крутить ухо Микеле.

– А сцену какую построили красивую, – сказала жена Августа Саша. – Мне даже палубу не жалко! Молодцы немцы!

Саша появилась на спардеке и встала подле оксфордского профессора, причём последний обнял её за талию. Обнимал он Сашу таким привычным жестом, и она не сделала попытки уклониться от профессорской цепкой руки. Профессор Адриан Грегори производил впечатление ленивого и вечно сонного субъекта, но, говорю вам, впечатление было обманчивым: я не встречал человека более расторопного и расчётливого, англичанин успевал всё и следил за всем.

Вот оно что, подумал я, как далеко, однако, протянулись щупальца спрута наживы. Англичанин, как выясняется, и здесь подготовил плацдарм для действий. К капитанскому имуществу подобрался со всех сторон.

Пухлая рука англичанина покоилась на талии капитанской жены, и Саша прижималась к жилету Адриана.

– Доски мы ещё вернём на палубу, – заметил Адриан, – вот сыграем сегодня спектакль и вернём палубный настил обратно. Но построили сцену неплохо, согласен.

Немецкие рыбаки сколотили из палубных досок что-то наподобие эшафота, на каких обычно рубят головы смутьянам. По эшафоту (его здесь называли сценой) прогуливался поэт Боян Цветкович, раздавая последние указания, а причал перед эшафотом уже был заполнен толпой. Родня Цветковича, пёстро одетые персонажи из небогатых балканских селений – в те дни их в Европу приехало много, – местные бомжи, сквоттеры, побирушки, портовые рабочие и моряки клубились подле сцены.

И тут мы все увидели, как, раздвигая толпу, по пристани идёт капитан Август.

Он шёл, согнувшись втрое, еле переставляя ноги под непомерной тяжестью огромного бревна, лежащего у него на плече. Противоположный конец бревна несли немецкие рыбаки, но основная тяжесть приходилась на Августа.

Капитан двигался медленно, в буквальном смысле тащился сквозь строй праздных людей, и сперва у меня мелькнула дикая мысль, что он несёт крест, чтобы водрузить его на новосколоченной Голгофе. Толпа гикала и свистела, совсем как тогда, а один бродяга забегал вперёд, становился на пути у Августа и показывал ему язык. Август не реагировал: тяжесть, видимо, была такова, что он уже не замечал ничего вокруг – только чувствовал этот непомерный груз. Правда, несёт он крест не в одиночку, ему помогали рыбаки – так ведь и Иисусу пособил Иосиф Аримоефский. Я и впрямь ждал, что капитан взойдёт на эшафот с этим бревном. Однако Август прошёл мимо помоста и двинулся к кораблю «Азарт». И мы все поняли, что именно он несёт на плече – то была гигантская мачта.

Капитан Август и немцы (к ним на помощь прибежал музыкант Йохан, да и я в некий момент приложил руку) перевалили мачту через фальшборт и общими усилиями доволокли огромную мачту до отверстия в палубе, которое именуется «степс» – в него входит основание мачты. Дыр в нашей палубе было довольно; строго говоря, мачту можно было воткнуть куда угодно, но здесь всё делали по морской науке: мачту погрузили в степс, растянули крепёжные ванты, привязали реи.

– Под парусом пойдёшь? – процедил профессор Адриан.

– Под парусом, – ответил Август.

– У тебя и парус, что ли, имеется?

– Имеется.

– Небось, дырявый?

– Уж какой есть.

– Без штурвала ты всё равно никуда идти не можешь, – заметил Адриан.

– Румпель, – коротко ответил Август.

И англичанин понял. Всё же он был англичанином, потомком мореходов, и корабельную науку обязан был знать на генетическом уровне, лучше всякой латыни. Румпелем можно управлять похлеще любого штурвала, румпель появился на судах задолго до рулевого колеса.

– Стало быть, будет у тебя этакий тендер, да? – тендером называли здесь одномачтовые суда.

– Фрегат будет, – сказал Август.

– А фок с бизанью где?

– Сейчас.

И они спустились по сходням, прошли сквозь раздавшуюся в стороны толпу и через некоторое время вернулись уже с другой мачтой. Шли теперь ещё медленнее, тяжесть это была непомерная, и они очень устали. Но на пристань прыгнул Йохан, безумный музыкант-авангардист, подбежала журналистка Присцилла, я подставил плечо, и даже моя жена пришла на пристань и взялась за дело рядом с Присциллой. Вместе мы кое-как донесли бизань (то была бизань-мачта) до корабля. С третьей мачтой мы уже вовсе упарились. Воспоминание о мешках с какао, которые мы давеча таскали, казалось теперь нам детской сказкой – ну разве это работа? Вот пронесите мачту по причалу, да поднимите её на борт корабля, да растяните шпангоуты, да закрепите ванты в клюзах... Постепенно мы стали говорить друг с другом на этом – неведомом нам прежде – языке.

Краем глаза я видел, как смотрят на нас английский профессор, лысый актёр и коварный Яков. Брат Якова, коварный Янус, тот шнырял где-то в толпе, я помнил, что он готовит какую-то каверзу, но теперь было не до него – мы волочили под тяжестью фок-мачты под взглядами зевак и побирушек, а с верхней палубы «Азарта» нас буквально прожигали

взглядами заговорщики. Внезапно Микеле (он всё ещё стоял подле Якова, который время от времени покручивал ему ухо) вырвался и, прыгнув на причал, подбежал к нам.

– Позволь тебе помочь, – обратился он к Августу, и тот кивнул.

– Берись рядом с Присциллой – женщинам тяжело.

И Микеле встал рядом с Присциллой.

Но перевалить третью мачту через борт сил уже не было никаких.

– Ещё бы нам человека наверху, – сказал рыбак Штефан. Немецкий рыбак вообще редко открывал рот и уж никогда не жаловался, но, видать, и впрямь устал.

Те трое, что стояли наверху – Яков, Адриан и лысый актёр, – они не шевельнули и пальцем, чтобы помочь. И даже супруга Августа Саша (хотя, строго говоря, какая с неё помощь?) – и та не сделала ни одного движения в нашу сторону – так и стояла, прижавшись к оксфордскому профессору. Я успел подумать – краем сознания, поскольку думать полноценно в тот момент не мог, – что Август словно не замечает ничего, ему было безразлично, как ведёт себя его жена.

– Да, человек наверху нам нужен. Пойдёшь? – это мне Август сказал.

– Есть человек наверху, – раздался голос с палубы.

Это говорил Хорхе, он возник на палубе внезапно и принял конец мачты.

И только когда мы перевалили фок-мачту через борт, Август спросил его:

– А где ты раньше был?

– В грузовом отсеке прятался, – сказал Хорхе.

– А-а. Ну ладно. – И больше ничего сказано не было.

Но как посмотрели на бродягу Хорхе заговорщики... Яков сощурил глаза и сверлил испанского бродягу взглядом.

Мы поставили фок-мачту и привязали реи, а толпа внизу, с пристани, смотрела, как мы устанавливаем эти три креста, как натягиваем ванты. Голландцы с ганзейскими немцами – они прирождённые моряки, да и испанцу не привыкать к морским работам. Не зря их Армада покоряла водные пространства.

А вот теперь и команда есть, подумал я.

И ещё подумал: не поздно ли?

– А спектакль как же? – поинтересовался Адриан у окружающих. – Столько готовились, и где же спектакль?

– Неужели зря помост строили? – спросила Саша.

– Даёшь представление! – рявкнул лысый актёр. – Бегу на сцену!

– Самое время начинать, – процедил Яков.

И Цветкович со сцены нам помахал рукой. Мол, пора!

Толпа, отдавшая было своё внимание нашим корабельным подвигам, отвернулась от «Азарта» и глазела теперь на помост.

Хорхе подошёл ко мне и сжал руку.

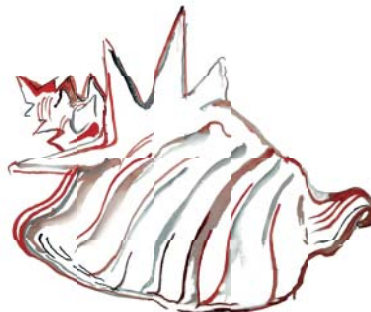
– Приготовься, – прошептал он.

Мы стояли плечом к плечу и ждали.

В тихом, молочном и жарком воздухе прозвенел петушиный тенорок поэта Цветковича:

– Представление начинается! ☉

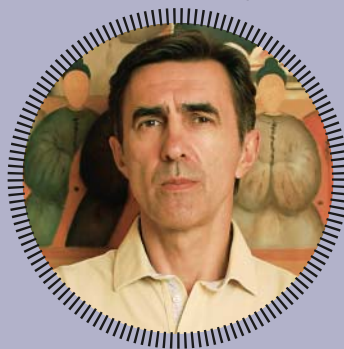
Продолжение романа читайте в следующем номере.

5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*В которой Вячеслав Бутусов
задумал построить
Ноев ковчег **с.120***

.....
*а дом-музей Пастернака
в Переделкино разгромили
злые люди **с.112***

Бои без правил

Посёлок Переделкино не мог не привлечь внимание красавиц и умниц, задыхающихся в незаслуженной безвестности. Всего в пяти километрах от МКАД – целый городок, собравший вместе гениев, небожителей и литературных функционеров

АННА САЕД-ШАХ

► Борис Пастернак

Женщины, как пчёлы, летят на сладкое – на богатство и славу. Ну, или только на богатство и только славу. Они так вдохновенны в своём стремлении, что иногда умудряются полюбить не только свои мечты о большом и прекрасном будущем, но и того, кто их способен осуществить. А кто как не поэт может увековечить твоё имя всего лишь одним росчерком пера над строкой – посвящается А.А или А.Б.? И конечно, одним из самых перспективных (в смысле вечности) в Переделкино считался Борис Пастернак.

Поэт въехал в посёлок с женой Зинаидой Николаевной и её двумя сыновьями от брака с Генрихом Нейгаузом. А в 1938 году у них родился общий сын Лёня. Однако подобные обстоятельства не могли считаться препятствием к заветной цели. Всего-то и нужно было переложить туловище великого поэта из постели стареющей

женщины (конечно же, его недостойной) в свою, благоухающую, подкрахмаленную свежестью, молодостью и новизной.

Зинаида Нейгауз: *«После войны начался повальный разврат. В нашем писательском обществе стали бросать старых жён и менять на молоденьких, а молоденькие шли на это за неимением женихов. Первым бросил жену Вирта, потом Шкловский, Паустовский и т.д. Покушались кругом и на Борю. Молоденькие девушки из Скрябинского музея окружили его поклонением, засыпали его любовными письмами и досаждали ему навязчивыми визитами. Почему-то всех их он шутя называл балеринами. Ему мешали работать, подчас он на них сердился и выставял меня, как цербера, охранять его от их визитов».*

Нетрудно догадаться, что Зинаиду Пастернак лучшая половина человечества, мягко говоря, недолюбливала. Казалось, не составит большого труда увести Пастернака от жены, погрязшей в быту, к тому же мало чтившей поэзию мужа. Рассказывали, что, когда на вечере поэта попросили почитать стихи, он обратился поверх голов к своей Зине, сидевшей в зале: «Что мне почитать, Зинуша?» «А я почём знаю?» – ответила Зинуша.

Жён жалеть не принято, да и неинтересно. Куда интереснее сочувствовать любовницам, особенно если сочувствующая сама не замужем. Но здесь речь не о «балеринах», не ведающих, что творят. Даже Анна Ахматова, считавшая себя невестой всех великих поэтов, люто ненавидела давно почившую в бозе Натали Гончарову, полагая, что та недостойна гения Пушкина. О жене Блока она отзывалась не лучше: «Глаза – щёлки, нос – башмак, щёки – подушки... У неё была вот такая спина, большая, тяжёлая, и грубое красное лицо». Или – о Лиле Брик, которая была несколько больше чем любовница Маяковского и даже больше чем жена: «Я её видела впервые в театре на «Продавцах славы», когда ей было едва 30 лет. Лицо несвежее, волосы крашенные, на истасканном лице – наглые глаза». А уж о Зинаиде Николаевне! «Зина – дракон на восьми лапах, грубая, плоская, воплощённое антиискусство...» «Все кругом с самого начала видели, что она груба и вульгарна, но он не видел, он был слепо влюблён. Так как восхищаться решительно нечем было, то он восхищался тем, что она сама моет полы», – писала Л.К. Чуковская. Но нужно отдать должное и Ахматовой, и Чуковской. При всем недовольстве выбором Пастернака эти замечательные женщины простили Зинаиду все её недостатки, когда после шестнадцати лет брака в его жизни появилась и воцарилась на долгие годы Ольга Ивинская.

Чуковские жили в Переделкино с 1938 года. Для Лидии Корнеевны Пастернак был кумиром. Лидия Корнеевна в 1946 году познакомилась с Ольгой Ивинской в «Новом мире», где обе работали,

и даже подарила той свои стихи с автографом. Женская судьба у Лидии сложилась печально: в 1929 году она вышла замуж за историка литературы Ц.С. Вольпе, родила дочь Люшу. Через пять лет брак распался. Второй муж Чуковской, физик-теоретик Матвей Бронштейн, был арестован в августе 1937 года и расстрелян в феврале 1938 года. Ольга Ивинская, дважды вдова с двумя детьми на руках, была симпатична Лидии Корнеевне – почти как сестра по судьбе. Но вспыхнувшая у неё на глазах любовь Бориса к Ольге вызвала у Чуковской такую ревность, что Лидия Корнеевна с Ивинской отношения порвала.

Мало кто помнит первую жену философа Валентина Фердинандовича Асмуса – красавицу Ирину Сергеевну, ушедшую из жизни вскоре после войны. В 1928 году, вслед за старым другом Генрихом Нейгаузом, Валентин Асмус переехал из Киева в Москву. Их жёны дружили. Увидев случайно на остановке трамвая своего любимого поэта Бориса Пастернака, Ирина подошла познакомиться, сказав, что они оба с мужем страстные поклонники его поэзии, и пригласила в гости. С той поры начались частые встречи, на которых поэт читал стихи, а Нейгауз играл на фортепиано. А когда построилось Переделкино, Асмусы получили там дачу.

Зинаида Нейгауз: *«Наконец, Ирина Сергеевна призналась, что единственный человек, который её по-настоящему в жизни захватил, – Пастернак и она в него влюблена. Она беспоощадно обращалась со своим мужем. Он был милым человеком, очень страдал, и я удерживала её от афиширования её чувства к Борису Леонидовичу... Ирина Сергеевна стала догадываться о чувствах Пастернака ко мне. Ей было больно. Я старалась убедить её, что он бывает у нас так часто из-за Генриха, а не из-за меня, и я не придаю никакого значения его увлечению, казавшемуся мне поверхностным... Ирина мучилась, наша дружба ломалась, и я горько это переживала, потому что она была моя единственная подруга. Я обвиняла её в том, что она не щадила своего мужа, и советовала ей сдерживать себя. Мне всех кругом стало жалко».*

Конечно, жалко. Чужого мужа вообще жалеть куда легче, чем своего. Ирину Сергеевну жалко, Валентина Асмуса жалко, а Пастернака становилось всё жальче и жальче с каждым днём.

Зинаида Нейгауз: *«Он остался в ту ночь у меня. Когда наутро он ушёл, я тут же села и написала письмо Генриху Густавовичу о том, что я ему изменила, что не смогу продолжить нашу семейную жизнь, считаю нечестным и морально грязным принадлежать двоим, а моё чувство к Борису Леонидовичу пересиливает. Письмо очень было жестокое и безжалостное. Я была уверена, что он всё это переживёт, и написала прямо, считая это более порядочным. Он получил моё письмо в день концер-*

та. Как рассказывал мне потом его импресарио, во время исполнения Нейгауз закрыл крышку рояля и заплакал при публике. Концерт пришлось отменить. Этот импресарио потом говорил, что я не имела права так обращаться с большим музыкантом. Нейгауз отменил все последующие концерты и приехал в Москву. Увидев его лицо, я поняла, что поступила неправильно не только в том, что написала, но и в том, что сделала».

Почему же почти сорокалетний Пастернак так страстно добивался любви именно этой женщины, жены друга с двумя детьми? Даже пытался покончить с собой – выпил пузырёк йоду, после чего Нейгауз заплакал и уступил Зинаиду другу.

«...И прелести твоей секрет»

Зинаида Николаевна Нейгауз, в девичестве Еремеева, была дочерью генерала русской армии и прелестной итальянки. Красавицей она была удивительной, но внешность и музыкальность странным образом сочетались с офицерской основательностью и жёсткостью... Я дружила с Натальей Анисимовной Пастернак (снохой Зинаиды Николаевны и Бориса Леонидовича) последние десять лет её жизни. Мы ходили друг к другу в гости через калитку в общем заборе, что прорубили ещё дружившие между собой Борис Пастернак и Всеволод Иванов. После смерти Зинаиды Николаевны в доме заправляла именно Наталья, а после неё хранительницей дома-музея стала внучка поэта – Елена Леонидовна. Конечно, я задавала Наталье Анисимовне вопросы. Как могла такая «женщина-семья», «женщина-пятистенок», какой была Зинаида Николаевна, стать музой сразу двух талантов? Наталья Анисимовна не могла этого знать наверняка, но имела основания предполагать.

Наталья Пастернак: *«Возможно, подсознательно и Нейгауз, и Пастернаком руководило стремление выжить рядом с этой сильной женщиной. Она несла в себе незаурядный талант жизни. Это умение так поставить самовар, как никто другой. И так подставить плечо, что ты и не заметишь, почему пришло облегчение. Ведь не случайно последние слова Бориса Леонидовича были: «Я любил жизнь и тебя». Она мне рассказывала, как во время сильных весенних гроз, когда качались сосны и громыхал гром, все собаки с участка бежали прятаться к её ногам. Борис Леонидович выходил из кабинета и тоже садился рядом с ней. Она берегла покой. Она вела. Наш ужин начинался только когда она садилась за главе стола. Правда, это были ужины уже без Бориса Леонидовича».*

Если верить рассказам Зинаиды Николаевны, то главное её достоинство – умение хорошо вести хозяйство. Но этого маловато для правды. Да и не был Пастернак беспомощным. Это Генрих Нейгауз хвалился, что самостоятельно может только застегнуть булавку на галстук.

Зинаида Нейгауз: «Мы сажали вместе с Борей огород и много физически работали. Он каждый день выходил в сад. Меня удивляло, с какой страстью он возился с землёй. Каждую весну я разводила костры из сухих листьев и сучьев и золой удобряла почву. Боря очень любил из окон кабинета смотреть на эти костры и посвятил им стихотворение: «У нас весною до зари костры на огороде...». Он любил запах чистого белья и иногда снимал его с верёвки сам. Такие занятия прекрасно сочетались у него с вдохновением и творчеством. «Ежедневный быт – реальность, и поэзия – тоже реальность, – говорил он, – и я не представляю, чтобы поэзия была надуманной...»

После смерти Бориса Леонидовича огород пригодился – Зинаида Николаевна жила ужасно бедно. Привилегированной пенсии ей дать не могли из-за скандала с «Доктором Живаго», а простую вдове Пастернака тоже начислить не смели. И в результате она не получала никакой.

Зинаида Нейгауз: «Был ноябрь, стояли морозы. Мы со Стасиком (сын от первого брака. – Прим. авт.) шли в шубах с поднятыми воротниками. Переходя мост, я не поверила своим глазам: из кустов вышел голый человек. Это оказался Боря, весь синий от холода. Он купался в речке. Мне это показалось диким и рискованным, я боялась, что он простудится. Он попросил нас подождать, пока оденется. Смеясь, он рассказал, как один рабочий, увидев его купающимся в мороз, сказал: «Ничего, это законом не запрещено». Наверно, он так сказал, потому что был 37-й год со всеми его ужасами, и фраза прозвучала остроумно».

Да, шёл 37-й. В Переделкино арестовали двадцать пять писателей. Когда на улице останавливалась машина, Зинаиде казалось, что приехали за её мужем. В этом отчаянном состоянии она вынашивала сына Лёню. Однажды автомобиль всё-таки остановился возле их дома.

Зинаида Нейгауз: «Из машины вышел человек, собиравший подписи писателей с выражением одобрения смертного приговора «военным преступникам» – Тухачевскому, Якиру и Эйдеману. Первый раз я увидела Борю расвиревешим. Он кричал: «Чтобы подписать, надо этих лиц знать и знать, что они сделали. Мне же о них ничего не известно, я им жизни не давал и не имею права её отнимать...» Я умоляла его подписать ради нашего ребёнка. Он мне сказал: «Ребёнок, который родится не от меня, а от человека с иными взглядами, мне не нужен, пусть гибнет». Пришлось, как всегда в таких случаях, ему подчиниться. Он снова вышел к этому человеку и сказал: «Пусть мне грозит та же участь, я готов погибнуть в общей массе», – и спустил его с лестницы... На другое утро, открыв газету, мы увидели его подпись среди других писателей! Возмущению Бори не было предела. Он тут же оделся и отправился в Союз писателей...»

Пастернак добивался Зинаиды и добился её. Пытаясь разобраться в причинах своей к ней привязанности, поэт как-то написал: «Она так же глупа, нелепа и первоэлементарна, как я. Так же чиста и святая при совершенной испорченности, так же радостна и мрачна». А перед смертью писал жене: «Когда я умру, не верь никому. Ты была единственной, до конца дожитой моей жизнью». И даже Ольга Ивинская не смогла разорвать эту привязанность.

Зинаида Нейгауз: «Наружностью она мне очень понравилась, а манерой разговаривать – наоборот. Несмотря на кокетство, в ней было что-то истерическое. Она очень заигрывала с Борей... Когда Боря пришёл домой, я попросила его никогда не оставлять писем на столе (З.Н. нашла на столе мужа записку от Ольги. – Прим. авт.), а манеры залезать в карманы у меня нет. Ему было стыдно, он просил прощенья и сказал, что всё это постарается оборвать. Тут же сел за стол, написал письмо этой даме и дал мне прочитать. В письме говорилось, что им пора прекратить встречи, они ни к чему не приведут, я и Лёня для него икона, он никогда нас не бросит... Это письмо он дал мне с тем, чтобы я его отправила сама по городскому адресу, и я тут же это выполнила...»

У меня было чувство вины, и до сих пор я считаю, что я во всём виновата. Моя общественная деятельность затянула меня с головой, я забросила Борю, он почти всегда был один, и ещё одно интимное обстоятельство, которое я не могу обойти, сыграло свою роль. Дело в том, что после потрясшей меня смерти Адика (старшего сына от брака с Нейгаузом. – Прим. авт.) мне казались близкие отношения кошунственными, и я не всегда могла выполнять обязанности жены. Я стала быстро стариться и, если можно так выразиться, сдавала свои позиции жены и хозяйки.

...На другой день появилась её подруга Люся Попова... и сказала, что О.И. находится у неё, что она подобрала её на улице в тяжёлом состоянии, у неё по всему телу трупные пятна и она просит Борю появиться хоть на минуту. Боря при мне отвечал, что он к ней не вернётся, что он написал ей письмо, и всё отдаёт в мои руки. Люся сумела уговорить меня к ней поехать. Там я увидела странную картину: передо мной лежала женщина вся в чёрных пятнах на лице, на руках и на ногах. Я с первого взгляда определила, что она нарочно разукрасилась, вымазавшись в грязь и сажу».

Отношения с Ольгой прекратить не удалось. В 1949 году Ивинскую арестовали за подделку подписей и незаконное получение денег во времена, когда она работала в «Огоньке». Но мать Ольги утверждала, что это Борис погубил её дочь и что арест этот – политический. И хотя Зинаида Николаевна спрашивала мужа, почему же не арестовали ни её, так долго прожившую с ним жену,

ни его друзей, всё было напрасно – чувство вины и жалости уже поселились в душе поэта.

Выйдя из тюрьмы, Ивинская сняла жильё в десяти минутах ходьбы от переделкинского дома Пастернака. Ольга понимала, что, раз она теперь рядом, Борис, уже далеко не молодой человек, будет ходить к ней чаще. Поэт снимал с вешалки плащ, надевал сапоги – и шёл... После смерти поэта некоторое время в сторожке жила семья старшего сына Пастернака от первого брака. Проснувшись поутру и отправившись на родник за водой, можно было увидеть в дымке тумана высокий силуэт в сером плаще и кирзовых сапогах,

Брик, и Пастернака с Ольгой Ивинской длились приблизительно по пятнадцать лет, для Пастернака – комфортная форма доживания, для Маяковского – вся жизнь. Имя Лили Брик даже не стало нарицательным, потому что слишком неповторимо. Ольга Ивинская, наоборот, слишком расхожий тип – и женщины, и отношений», – писала Тамара Катаева в книге «Другой Пастернак».

Да, Ольга Ивинская вовсе не была пуританкой. У неё было много романов, которых она нисколько не стеснялась, рассказывая, к примеру, как однажды отдалась попутчику в поезде. А что Зинаида? Почему она терпимо относилась

► Зинаида Нейгауз (слева) и Ольга Ивинская – обе боролись за сердце Пастернака. А кто победил?..

направляющийся в сторону пруда. По словам очевидцев, у них замирало сердце при виде «тени отца Гамлета» – так был похож Евгений Борисович на своего отца. Особенно в его одежде...

Чувствуя свою вину перед Ольгой, Пастернак завещал ей и её дочери Ирине часть гонораров за заграничные издания его романа. Эти деньги и явились причиной второго ареста Ольги Ивинской и её дочери Ирины в 1960 году, вскоре после смерти поэта. Освободились они в 1964-м. И Ольга активно стала претендовать на место вдовы поэта. «Романы и Маяковского с Лилей

к роману мужа? Ведь не простила же она Нейгаузу открывшуюся измену? Всё просто – Пастернака она любила. Надо сказать, что юность и молодость у Зинаиды были не менее бурными, чем у Ольги. А потаённая женственность стала причиной многолетней ревности поэта к прошлой жене. И именно эта ревность являлась главным источником прекрасной любовной лирики и необъяснимой привязанности к этой женщине. Он писал, что она чиста и свята при совершенной испорченности. Почему Ольга всё-таки проиграла битву за поэта? Рядом с непосредственной, пря-

молинейной, таинственно и даже высокомерно притягательной Зинаидой, походя разрушившей, в сущности, три семьи, Ольга была просто овечкой.

Зинаида Нейгауз: «Про меня говорят, что я умею удачно выходить замуж. Первый муж был знаменитый музыкант, второй – великий поэт. А мне бы, наверное, надо бы что-нибудь попроще».

Лара

Даже Юрий Живаго не так фанатично ревновал героиню романа Лару к её прошлому, как Борис Леонидович Зинаиду. Желая охладить пыл влюблённого поэта, Зинаида Николаевна призналась, что она гораздо хуже, чем он думает, и рассказала про первую юношескую страсть – двоюродного брата Николая Милитинского. Ему, как и Комаровскому из «Доктора Живаго», было за сорок. Страсть, вспыхнувшую между ним, имевшим жену и двоих детей, и пятнадцатилетней институткой Зиной, никакие условности погасить не могли. Из института девушка прямиком отправлялась в номер гостиницы, которую снимал возлюбленный. В конце концов, Милитинский, решив связать свою судьбу с юной кузиной, признался во всём жене. Та пришла к Зинаиде и долго плакала у неё на груди... Брак Николая распался, но довольно скоро уже Зиночка рыдала на груди Милитинского, умоляя отпустить её к Нейгаузу. На Пастернака эта «мыльная опера» произвела ошеломляющее впечатление. Он ревновал даже к фотографии, которую привезла дочка уже покойного Милитинского. А на фото всего лишь шестнадцатилетняя Зина с косичками. Фотографию Борис Леонидович уничтожил. Вскоре произошло следующее: оказавшись с мужем в Ленинграде на пленуме грузинских писателей, Зинаида сказала Н.А. Табидзе: «Странно, что судьба забросила меня в ту гостиницу, куда я, пятнадцатилетняя, приходила в институтском платье, под вуалью на свидание с Милитинским». Этот разговор был передан Пастернаку – и поэт буквально заболел. Потом была его поездка в Париж на конференцию, а из Парижа он приехал не в Москву, а в Ленинград, где, по словам Анны Ахматовой, неистово умолял поэтессу выйти за него замуж... Умолял и одновременно писал жене: «Я приехал в Ленинград в состоянии острейшей истерии, т.е. начинал плакать при каждом сказанном кому-нибудь слове... не могу отойти от полуразвратной обстановки отелей, всегда напоминающих мне о тебе, что стало моей травмой и несчастьем...»

Но вернёмся к Зиночке той поры, когда она была ещё юной пианисткой.

Зинаида Нейгауз: «Придя домой, я спросила тётю, не знакома ли она с Нейгаузами. Она сказала, что не знакома, но видит их ежедневно в любую погоду гуляющими вокруг юнкерского плаца по

дорожке от четырёх до пяти, и обещала показать мне их в окно в тот же день. Ровно в четыре часа показалась пара – маленького роста блондин с большой шевелюрой, под руку с дамой, – потом я узнала, что это была дочь елизаветградского помещика Милица Бородкина. Про неё говорили в городе, что она невеста Генриха...»

Зинаида добилась, чтобы Генрих Нейгауз прослушал её игру и, возможно, взял бы в ученицы.

Зинаида Нейгауз: «Сразу же почувствовалось, что моей музыкой он не очень восхищён, а наружность очень. Но я подумала: «А всё равно, у меня в душе другое, и это другое я ему не отдам ни за что на свете. Возьму от него как от музыканта всё, что мне надо, и скажу до свидания».

Но вместо «до свидания» Зинаида выходит за Нейгауза замуж и рождает сына Адриана. Любил ли Нейгауз Зинаиду? Наверное. Ведь когда зимой 1919 года ему приходилось давать концерты в шерстяных перчатках с обрезанными пальцами и в шубе (публика тоже сидела в шубах и платках), Зинаида исправила положение. Она починила печку, нарубила дров и согрела целый зал Киевской консерватории. Разве можно было не любить такую некрасовскую женщину? Тем не менее Зина, будучи уже беременной Стасом, узнаёт, что Генрих не только не перестал встречаться с бывшей невестой, но и имеет от неё ребёнка... Стыдно, противно, непросительно. Но – уже двое детей, и деваться, казалось, некуда. И вдруг – Борис Пастернак! Очарован, влюблён и... женат.

Зинаида Нейгауз: «Мне очень не понравилась жена Пастернака, это невольно перенеслось и на него, и я решила больше у них не бывать... Евгения Владимировна была бездельна, ленива, и мне казалось, что она не обладает никакими данными для такой избалованности. Бывать у них значило терпеть попрание моих нравственных устоев».

Замечу, что, не простив Нейгауза, Зинаида почувствовала себя вправе ответить на восторженную любовь поэта. А Генрих Нейгауз, недолго мучаясь, женился наконец на своей многострадальной невесте. Вот так они и жили. А когда Пастернак умер и не за кого стало бороться, выяснилось, что главный бой ещё впереди.

Дом без мужчин

Наталья Пастернак: «В 1980 году умер Стас Нейгауз, и в переделкинском доме остались одни женщины. Дом ветшал. В это время начали приходиться письма следующего содержания: в связи с аварийным состоянием дома просим немедленно его освободить. И хотя мы исправно продолжали оплачивать аренду, нас выживали. Дом всё-таки отремонтировали, но в покое не оставили. А в 82-м году нас вызвали повесткой в суд. Нас и Чуковских. Мотивация была простая: масса писателей не имеют дач. Поэт умер – освободите

помещение. Мы боролись как могли: настаивая на том, что это не просто дача, а историко-культурное место. Мы зря надеялись... В тот день я пошла на работу, Лена (внучка Бориса Леонидовича. – Прим. авт.) – в университет. Они приехали и потребовали у сторожа все ключи от дома. Прокурор, милиционер и понятия... Я примчалась, когда кухня и столовая были уже наполовину разгромлены, а вещи и утварь выставлены и выброшены в сад. Вдруг на аллее появляется немолодая женщина, поворачивает на наш участок. Я быстро спускаюсь и вижу, как охрана преграждает путь Лидии Корнеевне Чуковской: «Вы куда это?» – «Я иду в кабинет Пастернака». «Там уже нет кабинета Пастернака», – заявляет женщина-надсмотрщик. «Вот я и хочу засвидетельствовать момент, когда уже нет кабинета Пастернака».

Лидия Корнеевна посмотрела в сторону поля и церкви и величественно произнесла: «Сегодня, 17 октября 1984 года, день национальной трагедии России». Рабочие очень нервничали и как-то испуганно суетились. Когда я вошла, они как раз подняли рояль и... не удержали. Он грохнулся на пол и разбился прямо посередине комнаты. Его внутренности, струны были буквально вывалены наружу. Рабочие попытались оттащить его в угол, но милиционер велел им оставить всё как есть, подошёл к роялю, взобрался на него грязными ботинками и ножом срезал люстру».

Наталье Анисимовне пригрозили, что если не подпишет акт о добровольном выселении, то дом опечатают, а вещи немедленно свезут в гараж городка писателей. Этого она не могла допустить и подписала. Пообещав рабочим ящик водки, поехала с грузовиками на московскую квартиру Пастернаков в Лаврушинский.

Наталья Пастернак: «На следующее утро я примчалась на дачу. Девчонки-понятые, весело напевая, выносили на улицу горшки с цветами...

Три дня я отлеживалась и поехала снова – там ведь оставались рояль и дорогие сердцу мелочи. Ворота, двери и окна – нараспашку. По всему саду валялись самодельные ёлочные украшения, которые так любил Пастернак, его лыжи, одна туфля Зинаиды Николаевны. Кто-то сказал, что только что уехал возмущённый Евтушенко. Какая-то женщина пытается оторвать на память кусок деревянной обшивки стены. Вижу – валяется знаковый коврик. Только хочу взять, а его и след простыл. Подхожу к двери, на ней надпись: «Братцы, что вы делаете?»

Шесть лет дом Пастернака оставался в таком виде. Никто из писателей не осмелился занять его под дачу. Тогда решено было открыть общий литературный музей, то есть братскую литмогилу. Всё уже было готово к открытию; на месте стола Пастернака красовался стенд с «великим» произ-

ведением Кожевникова «Щит и меч». Но борьба за музей продолжалась. Наступил 1990 год. Стали доходить хорошие вести, и Наталья Анисимовна поехала в Переделкино. Ворота ещё оставались заколочены, но была пробита калитка. И в неё шли люди. Они и сейчас не прекращают идти...

Место под «солнцем»

В 1963 году обнищавшая Зинаида решила продать оригиналы писем Пастернака к ней, предварительно перепечатав все 75 страниц на машинке, за ничтожную сумму в 500 рублей писательнице Софье Прокофьевой с условием, что, если она, Зинаида, вернёт деньги, та вернёт письма Бориса. В 1966 году Зинаиды не стало, а в 1969-м Прокофьева за ту же сумму передала письма в ЦГАЛИ.

Борис Пастернак: «Вы не поверите, каким я был иногда трусом, невнимательным и безразличным, не думающим о последствиях. Такова была моя первая женитьба. Я вступил в брак не желая, уступив настойчивости брата девушки, с которой у нас было невинное знакомство, и её родителей... Обман длился восемь лет. От этих отношений, которые не были ни глубокой любовью, ни увлекающей страстью, родился ребёнок, мальчик».

Евгения Владимировна Пастернак, первая жена поэта, умерла в 1965 году. И Евгений Борисович решил похоронить свою мать в одной могиле с отцом на переделкинском кладбище. В конечном итоге ничего этого не получилось, и Евгений Борисович захоронил её рядом, прямо у дороги. Зинаида Николаевна категорически не хотела устраивать из могилы поэта «общежитие жён» и просила не хоронить её там. Урна с её прахом простояла больше десяти лет в кабинете Пастернака. И когда отняли дом, волю вдовы всё-таки нарушили. Теперь она лежит рядом со своим мужем. Адик, сын Зинаиды от Нейгауза, тоже покоится рядом с отчимом. И старший сын Пастернака Евгений, несмотря на всю свою любовь к матери, всё же завещал похоронить себя рядом с отцом. Да и моя подруга Наталья Анисимовна Пастернак уже три года как покоится там же, где и её муж Лёня Пастернак. Ольга Ивинская умерла в 1995 году и, разумеется, тоже была похоронена в Переделкино. А в 1996 году аукционный дом «Кристи» выставил автографы Бориса Пастернака и его письма к Ольге Ивинской, хранившиеся у её дочери, по 20 и 30 тысяч фунтов стерлингов за каждое. Всего за 58 лотов запросили 1 миллион 303 тысячи долларов. Однако продажа не состоялась из-за протеста Федеральной службы России по сохранению культурных ценностей.

Но если бы меня спросили, кто победил в борьбе за сердце поэта, я бы ответила, что всех победили стихи. Которых, возможно бы, и не случилось, не будь в жизни поэта всех этих замечательных женщин. ☉

— ✦ ВЕЩЬ ✦ —

Человек, который умеет всё

*Вячеслав Бутусов, фронтмен группы «Наутилус Помпилиус»
и «Ю-Питер», умеет писать музыку, стихи и прозу, рисовать
и строить дома. А что для него в этом всего важнее?*

НАТАЛЬЯ СМЕРНОВА

ФОТО: АНДРЕЙ ФЕДЕНКО

– Я вообще мастеровой человек. Ремесленник. Я люблю изобретательство, люблю Леонардо да Винчи, но в принципе мне комфортней что-то руками делать. Плотничать, строгать, пилить. Скажут, что нужно напилить столько-то кубометров дров, – изотрусь до мозолей, но напилю, и это будет счастье.

А вот всякое администрирование, управление – это для меня головоломка. Думаю, это природа такая. У каждого человека своя природа, её не переделаешь. Будешь с ней жить от рождения до смерти. Но можно научиться ею правильно пользоваться.

☉ **А что вы умеете делать руками?**

– Всё.

☉ **От табуретки до дома? А железо? Механизмы тоже?**

– Железо – это не моё. А рисовать, музицировать, писать, лепить – да. Берёшь, делаешь, и больше ничего не надо. Главное, не надо искать в этом занятии смысл. Это ремесло, ты к нему прилипаешь, и оно к тебе прилипает. В последнее время я в основном нахожусь дома, и всё, что делаю, кроме близких, никто не видит. Это не значит, что у меня мастерская, завешанная корягами из леса. Просто сижу и рисую в компьютере.

А чтобы появились предметы и вещи, надо уехать в лес, сесть в избушку, взять карандаш и бумагу, хоть это, и через неделю я нарисую кипы графики. Нужно только воодушевиться, но это уже практика. Потому что вдохновлены мы с самого начала, в нас Господь вдохнул всё, что надо. Главное, чтобы не выдохнулось понапрасну или раньше времени.

☉ **А следы «воодушевления» в предметах остаются? Вы старые вещи любите? Покупаете?**

– Я вообще ничего не покупаю. Ну, езжу в магазин раз в неделю за продуктами. А одежду мне жена Анжелика выбирает,

► «Святое семейство» и сова ручной работы (справа)

чтобы я не выпадал из ансамбля. У ней в этом смысле хватает терпения. Недавно были в Норвегии, записывали там альбом. На маленьком острове, не требующем никаких церемоний, где всё попросту и народу вообще нет. Думаю, надо что-нибудь удобное купить. Для Норвегии. Зашёл в первый попавшийся магазин для рыболовов, купил штаны типа тренировочных и прекрасно две недели записывался.

☉ **Но бывают ещё концертные костюмы. Кто-то же придумал для «Наутилуса» этот мундирный стиль, «Врангель на излёте»?**

– Его история придумала. Мы взяли за основу те мундиры,

которые существовали. Не стали особо вдаваться в тонкости, выбрали только силуэтные вещи – френч, галифе, сапоги. Потом началось прилепливание. Кто чем обогатился в гастролях, то и прилепил. Эполеты, аксельбанты, ордена.

Мы тогда культивировали стиль «новой волны» и взяли за основу европейский образ – нечто среднее между Байроном и гусаром.

☉ **Белая гвардия, но с длинными волосами?**

– Разные были причёски. Короткие ёжики и относительно длинные волосы, которые надо было как-то всклокочить. Но не такие, как у хиппи. Хиппи тогда были уже не актуальны.

⊙ **Рокерский стиль, он ведь, по сути, бунтарский?**

– Бунт – это когда тебя тошнит. Когда ты перебрал, чем-то отравился. У воцерковлённых людей на этот случай есть правила, которые исправляют сознание. Незыблемые вещи, которые держат. Верующий – это не значит, что у тебя нет страстей. Они есть. Но такой человек, подходя к электростанции, остановится перед щитом «Не влезай. Убьёт!». В детстве мы лазали на такие подстанции. Страшно, темно, трансформаторы гудят, а мы всё равно лезем. Это состояние как раз сродни бунту. И кто-нибудь в темноте врзается лбом в трансформатор, происходит замыкание, и всё – человек лишается жизни. Бунт – это такое предупреждающее состояние, когда человек должен понять, что с ним не так и отчего ему так противно или страшно. Так я представляю физиологию бунта. Это страшная болезнь – болезнь недовольства. Внутри каждого она есть, есть протест, но не каждый может его оформить. Утилизировать. А в музыке всегда присутствует романтика. И бунт тоже может в ней быть, но надо уметь его подать. В этом задача искусства.

⊙ **А в концертной деятельности самое привлекательное что?**

– Я люблю студию. Там весь процесс – в рафинированном виде. И можно проследить, как из демозаписи начинают вырастать какие-то вещи, которые в ней, как в модуле, заложены. Я сижу в студии в затаённом состоянии и слушаю, как всё нарастает, накапливаясь на дополнительных дорожках. А потом интересно всю композицию перелопатить – ведь чем больше компонентов, тем больше возможностей. Планшеты с закачанными в них играми – это детский сад по сравнению с тем, что происходит в студии. На самом деле это суперигра! Я могу до бесконечности этим зани-

маться. А то, что происходит на сцене, – это уже последствия. Там я ничего не придумываю, главное – не испортить. Если бы я умел танцевать, я бы, наверное, вдобавок танцевал. Если бы был красноречивым человеком или остроумным, я бы вещал что-нибудь. Но со мной такое редко бывает. И на выступлении важно ещё предваряющее внимание публики. Когда человек идёт и знает, чего он хочет, можно считать, что 50 процентов успеха уже есть. Именно

⊙ **Вы как разбираетесь со своими разнообразными талантами? Доктор Чехов, к примеру, говорил, что медицина у него жена, а литература- любовница...**

– Для меня это целое, универсум. В который я имею право проникать, и мне там хорошо. Музыка, стихи, рисование – просто разные входы. Порталы.

⊙ **А профессия архитектора вам в жизни пригодилась?**

– В трудные моменты я всегда сознавал, что во мне есть обра-

этот человек делает атмосферу. Когда сижу в гримёрке, я например, чувствую, что пришли люди, которым это очень-очень почему-то нужно. И ты уже не коробейник на ярмарке, который зазывает всех, кто мимо проходит. Тебя ждут.

⊙ **А что важней в песне – музыка или слова?**

– Песню лучше не препарировать. Это неправильно. Ещё Леонардо доказал, что не надо ничего разрезать, разрывать, разваливать, заглядывать внутрь, там только труп расчлённённый. Лично я предпочитаю язык музыки, потому что он более абстрактный. Два человека, один – из Африки, другой – с Аляски, на уровне музыки друга друга поймут. А на словах это труднее.

зованность, в узком смысле конечно, но она даёт возможность считать, что в тебе есть фундамент, и на его основе ты можешь строить свое будущее. Условно говоря, дом. Плюс ко всему в архитектуре, строительстве есть специфика. Нас учили воспринимать вещи сначала в целом, а потом детали. Смотреть на землю с высоты птичьего полёта – это порой помогает. Когда ты летишь на высоте десять тысяч метров над землёй, ты не только не видишь мусора человеческого, ты не видишь вообще ничего, связанного с человеком. Только зелёные, коричневые, голубые пятна. Иногда это нужно, чтобы привести себя в порядок. Когда ты живёшь в агрессивной среде, сложно ей не поддаваться. Есть, конечно, какой-то за-

щитный запас, но среда рано или поздно твою защитную оболочку съедает. Её надо либо восстанавливать, либо погибать. Молитва, внутренняя особенно, от этого защищает, покрывает, и сознание как бы оздоравливается. Это совершенно точно. Это практика.

☉ *А свой дом, не метафорический, вы уже построили? Или он пока в голове?*

– Мы очень хотим дом! Мы возжелали его до такой степени, что этот гипотетический дом, мне кажется, взывает: «Придите уже сюда скорее!» С сыном Даниилом всё уже обсудили, и мастерскую тоже. Я вспоминаю, как я приезжал в деревню к бабушке, и к тому и к другому, и самое волшебное место – это была мастерская. Там и запах другой, и всегда чем-то можно заняться. Семья у нас большая, но как-то всех разметало, и мы хотим такой дом, чтобы можно было собрать всех вместе. Ноев ковчег такой. Даниил вообще широкомасштабно мыслит, представляет, какая там будет оранжерея для растений, какой террариум. Придумывает, какие животные будут жить на территории, какие внутри дома, какие в специальных помещениях, что можно пристроить. Это как теремок, где всё должно прирастать. Развивающийся проект, как, к примеру, «Саграда Фамилия». Когда Гауди только начал строить, собор сразу выглядел готовым. Мы привыкли – вот леса, разруха, какой-то скелет, и только потом из хаоса появляется здание. А «Саграда Фамилия» прирастал частями, как растение, потому что Гауди все конструкции брал из природы. Однажды, когда мы гуляли по Оксфорду, я увидел улицу, на которой первые дома были построены тысячу лет назад и дальше постепенно пристраивались один к другому. И ты видишь, что эта улица – целое тысячелетие. Как там элементы архитектуры видоизменялись,

насколько устарели, где камень более древний, где менее. Я тогда поймал себя на мысли, что почему-то, попадая в такие места, чувствуешь блаженство и безмятежность. В них нет следов разрухи. Иногда этих следов мы даже не видим, но чувствуем, что здесь кладбище какое-то, понимаете? А тысячетные улицы или древние

соборы вызывают умиление. Нормальное человеческое умиление... Всё должно быть крепко, основательно, как крыша на Исаакиевском соборе. Нас туда однажды провели, я взглянул сверху и подумал – двести лет тому назад это всё здесь собрали. Просто поразительно. Одна крыша чего стоит! Она покрыта какими-то невероятными ла-

► Даниил и лев

ФОТО: АНДРЕЙ ФЕДЕЧКО

тунными толстенными листами, которые спаяны между собой, и двести лет эта крыша не протекает и не проламывается. Диву даёшься, как без всех этих технологий, ухищрений люди делали основательные вещи... На предметы и вещи нужно, конечно, обращать внимание. Я их по-сказочному иногда воспринимаю. Мы были в Англии,

в Йоркшире, и жили в местах, которые называются «хоббитскими». Сначала в гостинице, потом в целях экономии нас переселили в домик охотника. В одной половине жил охотник с собаками, во второй – мы. Отапливалось всё камином на первом этаже. Зона камина в гостиной тёплая, а на втором этаже все спальни холодные плюс

какие-то довоенные агрегаты для нагревания воды. На кухне предметы были вообще сказочные, многие для меня совершенно неведомые. Нагреватель давал горячую воду ровно на пять минут. Попытки привести его в чувство ни к чему не привели – приходили какие-то люди, которые вместо того, чтобы чинить, подсовывали нам книжки сектантские. И я в итоге начал разговаривать с предметами. Ну, бывают иногда такие состояния... Я разговаривал с этими кастрюлями чугунными, с этой плитой. Предпринял отчаянную попытку набрать ванну хотя бы тёплой воды. Отчаянно таскал горячую воду, которую нагревал на кухне на чугунной плите в чугунных кастрюлях на второй этаж в ванную, и, пока следующая кастрюля грелась, вода в ванной уже успевала остыть. Но этот свой старательский труд я запомнил. Потом научился пользоваться чугунным утюгом, который, по-моему, углями раньше нагревали. Потом – плитой, и, в конце концов, подстроился, и тогда у меня на глазах начала трансформироваться вся обстановка в доме. Я вдруг увидел, как это всё живёт и взаимодействует между собой. Почувствовал себя внутри сказки, где предметы начали оживать. Даже написал несколько историй о том, как мы общаемся с предметами, как мы с ними разговариваем, как они разговаривают с нами, только мы не догадываемся об этом.

◉ **Вы много городов в жизни сменили?**

– Мой отец был транспортный строитель, поэтому мы много переезжали. И в детстве, и потом. Красноярск, Сургут, Свердловск, Москва, Санкт-Петербург.

◉ **А где лучше?**

– Я перестал мучиться этим вопросом. Для меня сейчас лучше то место, где я живу, то есть Петербург. И плюс ко всему это, мягко говоря, действительно

► Автопортрет и портрет жены

хороший город. Я его воспринимаю как город двух состояний. Тучи заволокли небо, солнце исчезло – это один город, как только солнце появилось – совершенно другой. Где-нибудь в Крыму состояние так резко не меняется. А здесь иногда бывает очень жёсткое разграничение.

☉ **Вы делаете проект «Пробуждённая радость» с пианисткой Екатериной Мечетиной, чтобы преодолеть петербургское настроение?**

– Этот проект вообще-то посвящён женщине. Она в нём главная героиня и муза. Репетиции уже идут, отобраны 17 песен, и это будет концерт-спектакль – там кроме нас с Екатериной выступит Академический молодёжный хор ТВ и Радио Санкт-Петербурга и актёры, которые будут читать небольшие притчи (из книги В. Бутусова «Архия». – Прим. авт.). Премьера состоится 8 октября в Государственной академической капелле Санкт-Петербурга. Программа камерная, но из-за сложной режиссуры мы решили обратиться к краудфандингу.

Присоединиться к акционерам проекта можно на сайте planeta.ru. Если у нас всё получится, то программу увидят не только в Санкт-Петербурге. А цель проекта – вытащить людей из сонного царства. Разбудить совесть, милосердие, радость жизни, творчества. И просто желание и умение быть счастливыми.

☉ **Слишком много накопилось меланхолии?**

– Больше-меньше, это неважно. Просто в мире этого много. И слава Богу, если это меланхолия. При всём том, что я скептик и коэффициент своей экзальтированности представляю, я верю, что мысль управляет нашими действиями, как всадник лошадю.

☉ **Как у Толстого, победа – это скрещение мыслей и воли?**

– Вчера размышлял, почему русский народ, измученный и истерзанный, побеждал Гитлера или Наполеона. Для меня это вещь парадоксальная. Если бы я был полководцем, я бы никогда не пошёл воевать со страной, в которой всё плохо. Не во все времена в России было плохо,

но, когда мы теряем целостность, начинается разруха в голове. А это чистая дьявольщина. Ведь это замысел дьявола – всё разделить. Сначала государства, потом, как на рынке у мясника, народы на куски распластать, а потом добраться до отдельно-го человека. А когда делится сознание, то это уже шизофрения с медицинской точки зрения. То, что я называю разрухой.

☉ **А нужно собирать?**

– Не утрачивать целостности. Чего трепещет и боится душа? Она боится, что до неё доберутся. Есть такое понятие – великодушный человек, – когда душа выходит за пределы человека. На планету смотришь из космоса – везде огни разбросаны. Бывают люди, которые такие ореолы создают, маяки, которые держат на себе сознание человеческое, поэтому их называют столпами и великими людьми. И неважно, хвалят их за это или нет. ☉

22 октября в «Крокус-Сити-Холле» состоится концерт Вячеслава Бутусова и группы «Ю-Питер»

с **31**
ОКТАБРЯ

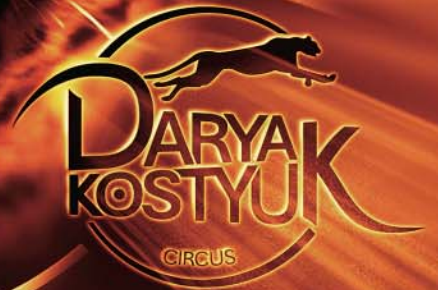
Vegas
CITY HALL

по **13**
НОЯБРЯ

В ДНИ
ШКОЛЬНЫХ
КАНИКУЛ!

ЦИРК

ДАРЬИ КОСТЮК

КАЛЕЙДОСКОП
ФАНТАЗИЙ

0+

БИЛЕТЫ: +7 (499) 55 000 55

~~~~~ www.vegas-hall.ru ~~~~~

66 км МКАД / VEGAS КРОКУС СИТИ

Прима и Будда

Оперная прима Любовь Казарновская – о кокосовом молоке, глубоком гуру и зерне, что объединяет религии мира

Моя Индия

Я была в Индии несколько лет назад в аюрведической клинике, и это оказался удивительный опыт. В буддистской традиции многое определяет учитель. В день, когда мы должны были приступить к занятиям йогой, вдруг выяснилось, что наш учитель по дороге упал с велосипеда, да так, что сломал обе ноги. В результате вызвали наставника по имени Дэви-сан, который сорок лет провёл в ашраме. Он будто сошёл со старинных икон: борода седая, синие глаза (у индуса – яркосиние глаза, поразительно!), гладкая седая голова и умница просто невероятный. И вот каждое утро в семь – для меня это время подъёма в обычной жизни просто нереальное – я вставала, когда над Индийским океаном всходило какого-то небывалого размера солнце, мылась и бежала на йогу. Занимались мы на деревянной террасе, океан как на ладони, перед носом пальмы с бананами, с кокосами. Ароматы, красота! Название того сказочного места – Керала, это юго-запад Индии. Перед поездкой моя подруга предупредила: «Приедешь в аэропорт – не смотри вокруг, это страшно...» И пока мы ехали, я вспоминала её слова, потому что там действительно жуть: бедность, помойка, кошмар, какие-то чумазые, ободранные дети бегают. Заезжаешь на территорию клиники – попадаешь в рай. Глиняные дорожки, которые всё время метут мокрыми веничками девочки в сари, и все по этой прохладной чистоте ходят босиком. Встречают на ресепшн с большущим кокосом размером с футбольный мяч, и ты, уставший после дороги, с наслаждением пьёшь кокосовое молоко. Врач наша была красоты необыкновенной, такими бывают женщины в болливудских фильмах. Фигура точёная, кожа оливковая, глаза огромные, влажные, каждый день в новом роскошном сари, и каждый день новая бусина во лбу. Вначале она подробно расспросила обо всём, чем я живу, что люблю, как ем-сплю, составила персональную карту, и вот по этой карте-плану я и жила. Утром на йогу, потом завтрак, совсем лёгкий, они что-то своё готовят, что-то невероятное, съел две ложки – и на массаж. Массажистки – обычные такие хрупкие девушки, ложишься под их руки – катком по тебе ездят. Сильные необыкновенно. И весь

день ты занят. Весь день! Они прорабатывают весь организм, все внутренние органы. При этом поют мантры, читают молитвы. Есть и особые процедуры на мате, который при тебе моют и протирают благовониями. Ты ложишься, массажист спускает с потолка верёвку и ногами, которые тоже вымыты и умаслены, начинает тебя массировать, выгоняя соли из позвоночника, из почек. Прямо по телу не ходит, а возит ногами, но так, что ощущаешь, как он из тебя выдавливает всё. Заканчиваются процедуры широдарой – ты ложишься на деревянную доску со специальной прорезью для головы, чтобы было удобно шейным позвонкам, и из чайника сверху по капле или тончайшей струйкой на зону «третьего глаза» тебе льют ароматное целебное масло. Медленно тёплое масло капает, они его вытирают, делают маску на волосы. Засыпаешь... Мне с далёких детских лет, с пяти-шести, не снились цветные сны. А там я видела цветные сны. Было ощущение, что я в раю, в каком-то райском саду!.. Я после той поездки стала слышать своё тело. К примеру, грубый спорт: подъём тяжестей, кардионагрузка, упражнения, чтобы накачивать мышечную массу, – мне это не подходит. А индийские эскулапы говорят, что это и не нужно, особенно женскому организму. Он требует щадящего стрейчингового спорта, растяжки. Нужно всё время растягивать и нагружать мышцы, постоянно. Плечевые суставы, чтобы не

► Окрестности Иволгинского дацана, место силы российских буддистов

допустить затвердевания хрящей, коленки, поясницу. А синеглазый Дэви-сан сказал мне, что пение – это прекрасный способ гармонизации всех систем тела. Вся чакральная история – это на самом деле и есть пение. Если вы не задействуете все чакры, то это ерунда, а не пение. При правильном извлечении звука происходит раскрытие «третьего глаза» и «верхнего лотоса», седьмой чакры, потому что всё тело откликается на вибрации настоящей музыки. Происходит раскрытие внутреннего космоса. Дэви-сан утверждал, что в таком состоянии человеку жить намного легче. Хотите вы этого или нет, даже если вы поёте неправильно, активные вдох-выдох – это основа спортивных и йоговских упражнений, это активизация солнечного сплетения. Мастер так и сказал: «Это вас Господь благословил, что вы поёте».

Вообще, Индия – удивительная страна, но у меня она вызывает не только восхищение. Всё же там безумная грязь, элементарная бытовая грязь. Для меня мука наблюдать, как люди ведут себя будто животные, практически без сознания отправляют физиологические потребности в общественных местах, а для них это так естественно... Многие говорят: «Ну, вот этого надо не замечать...» Но я такая, что обязательно замечу. Всё время бояться что-то выпить или съесть – это становится фобией, начинаешь чувствовать себя идиотом. Знатки тамошней жизни говорят: «Надо выпить немножко водки с самого утра, она

всё дезинфицирует...» Вот так, буквально, с водки начинать день... Так что жить там я, вероятно, не смогла бы, но что мне в Индии безумно нравится – там люди всегда в хорошем настроении. Что бы ни было, индусы всегда радостные. Они умеют транслировать в мир позитив. Перед поездкой в Индию я очень много читала и о стране, и о жизни Будды. Люблю книги Рерихов: и Елены Ивановны, и Николая Константиновича, их опыт духовных практик – всё это действительно интересно. Они не случайно обрели пристанище в Индии, там действительно можно посвятить себя духовному развитию. В этом смысле лучше Индии страны нет.

Я давно живу с пониманием, что все религии мира имеют одно зерно. Это зерно – высший разум, Творец, Божественный Логос. Из него развились все религии. Но основа незыблема: Всемирный Логос един. Как говорят буддисты и настоящие христиане, Логос сотворил этот мир в любви и гармонии. И если человек с этими идеями живёт, ему не надо ходить каждый день в храм, не надо колотиться головой об пол, сотворять себе кумиров. Церкви – это, конечно, часть большой культуры, но в основном ритуалы придуманы для тех, кому нужна сублимация. Сидя дома и слушая ругань пьяного мужа, ты не можешь сказать: «Господи, как хорошо, что ты со мной, а я с тобой». Ты идёшь в храм, где красиво, где успокаиваешься. И бывает, что внешняя набожность заменяет истинную веру. Ты исполняешь все требы, ты перед Пасхой

и Рождеством постишься, значит, всё должно быть хорошо. Но это лишь внешняя сторона медали. Потому что, выйдя из храма, эти же люди гnevаются и лгут... Разве это вера? Хочу машину, квартиру, дачу, всё в одном флаконе и сразу, и мужа-миллиардера, и офшоры в Панаме. Эти вещи никоим образом не могут быть связаны с тем, что Всемирный Логос хотел сказать, когда подарил нам эту жизнь. А подарил он её нам, чтобы мы учились во имя созидания, чтобы созидали во имя Земли, во имя Космоса. В итоге – и для себя самих. Академик Леонид Маслов, который занимается развитием технологий, сберегающих здоровье, настойчиво повторяет, что как мы мыслим, так и живём, и привести в порядок наш внутренний храм – вот основная задача.

Итигэлов

Совершенно необыкновенная история произошла со мной несколько лет назад. Отправилась с концертами в Сибирь, выступала сначала в Иркутске, потом в Улан-Удэ. Накануне выезда в столицу Бурятии мы с Робертом (Роберт Росчик, муж Любови Казарновской. – *Прим. авт.*) смотрели канал National Geographic, и там показали сюжет о людях, которые способны погрузиться в состояние самадхи (просветление, последняя ступень перед нирваной. – *Прим. авт.*) и, с медицинской точки зрения, не умереть. В программе рассказали об Итигэлове. Мы с Робертом переглянулись, и он говорит: «Слушай, нам обязательно нужно попасть к нему, мы же именно туда и едем!» Ити-

гэлов, верховный лама буддистов Восточной Сибири, был другом семьи Романовых, участвовал в праздновании 300-летия Дома Романовых в 1913 году, предсказав во время поездки в Санкт-Петербург мрачное будущее страны и царской семьи. Говорят, Николай II воспринял его слова скептически – Итигэлов предрёк, что России после потрясений, которые стояли уже у порога, предстоит пройти долгий путь испытаний и мук.

По традиции верховного ламу выбирают так: монахи ходят по деревням и показывают детям трёх-четырёх лет вещи, принадлежавшие прежним ламам. И если ребёнок угадывает десять предметов, он становится верховным ламой. Итигэлов не только угадал десять предметов, он ещё рассказал, что именно с каждым из них делали, как использовали. Ему было четыре года. А в 1927 году он вдруг собрал монахов Иволгинского монастыря, который правильнее называть дацаном, наказал им поместить себя в кедровый короб, закопать и извлечь только через семьдесят пять лет. Сам же прочёл молитву и погрузился в нирвану. Монахи поместили тело в кедровый короб и закопали. В 2002 году Итигэлова, как он завещал, извлекли, и обнаружилось, что тело его сохранилось практически в нетленном виде. Учёным позволили изучить «живого Итигэлова». Были взяты пробы, и эксперты пришли к выводу, что состояние тканей соответствует органике живого тела. Итигэлов в том же положении, в позе лотоса, с 2002 года находится в Иволгинском дацане за слюдяным стеклом.

► Так вот выглядит «живой Итигэлов»

И мы поехали в дацан из Улан-Удэ по трассе на Новосибирск и Красноярск. Я говорю водителю: «Нужно здесь остановиться». Он в ответ: «Бесполезно. Дацан вы, конечно, увидите, а к Итигэлову вас не пустят – почти никого не пускают». Но нас встретили любезно. Молодой лама вызвался показать дацан и рассказать его историю. Мы ходили по территории, слышали, как молятся монахи. Наш провожатый отлучился, потом вернулся и произнёс: «Верховный лама сказал, что вам можно пройти к Итигэлову». Мы зашли в комнату. Нас предупредили, что спиной к Итигэлову поворачиваться нельзя, предложили обойти его кругом. Мы медленно обходили сидящего за прозрачным стеклом, и, когда круг завершался, Итигэлов вдруг кивнул головой. Я схватила Роберта за руку: «Слушай, я, наверное, сошла с ума, но мне показалось...» А он в ответ: «Я тоже видел!» Потом мы узнали, что редко, но бывает, что, если приходит человек с созвучной энергетикой, лама совершает движения, иногда даже шевелит рукой, будто в знак приветствия... Мы познакомились с его двоюродной правнучкой Янжимой Васильевой. Она написала книгу «Пандито Хамбо Лама Итигэлов. Смерти нет», в которой привела данные исследований состояния, в которое он погружён. Янжима рассказала, как ездила в древний монастырь в Непале и там один из лам спросил её: «Вы ищете ступу (буддистский памятник в честь героя или события. – Прим. авт.) Итигэлова?»

Оказалось, его там знают, Итигэлов прожил свою двенадцатую, последнюю по буддистским канонам земную жизнь, то есть был на высочайшей ступени посвящения, и ступа в его честь стоит в Гималайских горах. Конечно, многие относятся к Итигэлову с недоверием, однако мой личный опыт позволяет судить, что всё это созвучно философско-религиозным концепциям в книгах Елены и Николая Рерихов, Блаватской, Конкордии Антаровой. Антарова была оперной певицей, солисткой Мариинки и Большого, а в зрелом возрасте написала книгу «Две жизни» – о том, что человек не знает и не ведаёт истинных возможностей ни своего разума, ни своего тела. Мне всё это очень близко и очень увлекает. И особенно интересны параллели, которые Антарова проводит между оперой и теми сакральными знаниями, что ей постепенно открывались. Духовное преображение сказалось и на её голосе, и на манере исполнения. Те, кто слушал, поражались: «Как ты поёшь, как ты извлекаешь этот необыкновенный звук?» Она словно переносила себя в другой мир, то есть это была не сублимация, не проживание образа на сцене, она на самом деле уходила в иные миры. Итигэлов и Рерихи этому учат, я уверена. Поэтому для меня соприкосновение с Итигэловым было очень глубоким по смыслу событием. ☉

Из книги «Любовь меняет всё. Любовь Казарновская в беседе с Амарией Рай», готовящейся к изданию этой осенью в издательстве ЭКСМО.

Relax ^{РАДИО} fm

ВЫКЛЮЧИ СТРЕСС
ВКЛЮЧИ РЕЛАКС

0+
РЕКЛАМА

Порядок вещей

Есть современные средства связи – телефон, к примеру. А есть классика – часы. В нашем мобильном мире всё взаимозаменяемо. Но у каждой вещи свой стиль

Часы для морских волков

В начале XX века старый граф Олсуфьев, почувствовав ветер недобрых перемен, купил дом во Флоренции. Все его четыре дочери считались завидными невестами. Самую удачную партию сделала красавица Даша – она вышла за князя Юнио Валерио Боргезе. Морской офицер вскоре возглавил флотилию. Его подводники творили чудеса. Чтобы доставить взрывчатку, двое диверсантов садились верхом на управляемую торпеду. Возле цели она погружалась в воду, а подводники закрепляли на корпусе судна взрывчатку. Установив часовой механизм, пловцы исчезали. Их жизнь зависела от технического оснащения. Поставщиком высокоточных приборов и инструментов для флотилии была часовая компания Panerai. В 1938 году компания создала для подводников прототип часов Radiomir. Многие с тех времён сохранилось и в современной версии часов Radiomir. Одна из последних новинок –

модель LUMINOR 1950 3 DAYS. Часы водонепроницаемы приблизительно до глубины 100 метров. 47-миллиметровый корпус выполнен из нержавеющей стали AISI 316L с полированной отделкой. Единственное украшение модели – винтажная надпись-посвящение «Marina Militare», напоминающая об истории сотрудничества Panerai и итальянских моряков. Новые LUMINOR 1950 3 DAYS предлагаются в варианте с коричневым ремешком Ponte Vecchio, изготовленным в кожевенных мастерских Тосканы. Часы выпущены ограниченной коллекцией – всего 1000 экземпляров.

Точный расчёт

Джордж Бернард Данциг был примерным студентом. Но однажды опоздал на лекцию профессора Неймана. Влетев в аудиторию, он переписал с доски две задачи, решив, что это домашнее задание. Выполнять его оказалось на удивление трудным, Данциг помучился, но решение нашёл. А через несколько дней в его дом ворвался профессор. Оказалось, что обе задачи, с которыми справился Данциг, считались в математике неразрешимыми! Профессор написал их на доске для примера. Так что даже опоздания иногда идут на пользу. Но чаще непунктуальный человек мало приятен. Чтобы не рисковать репутацией, люди и придумали часы. Швейцарская часовая компания Oris с гордостью представляет две новые модели коллекции

Artelier – мужские часы Artelier Date и женские Artelier Date Diamonds. В новых моделях проявляются дизайнерские идеи, придающие часам более утончённый облик при сохраняющемся классическом стиле.

Благодаря 40-миллиметровому стальному корпусу часы Artelier Date выглядят элегантно и мужественно –

ми; 28-миллиметровая модель Artelier Lady Date Diamonds – изысканной и женственной. Обе модели представлены в двух вариантах: с серебристым или антрацитовым циферблатом, украшенным рельефным декором «гильйоше», что заставляет вспомнить о стилистике времён ар-деко. Стрелки и индексы сделали более тонкими, то же самое можно сказать и о звеньях браслетов. Ободок 28-миллиметрового корпуса женской модели Artelier украшен 52 бриллиантами, ещё 11 бриллиантов установлены на циферблате, словно бы

в подтверждение того, что гламурный блеск может сочетаться с классической скромностью.

Чары Калипсо

Когда едва живого после шторма Одиссея выбросило на остров Огигия, герой встретил там нимфу Калипсо. Отоспавшись и вкусив ласк красавицы, герой сообщил, что ему пора домой. Жена волнуется. Но Калипсо закрыла герою путь с острова и целых семь лет старалась отвлекала от мыслей о родине. В конце концов, вмешались боги, Одиссей отправился домой, а Калипсо на прощанье заколдовала от бурь его плот.

В память о любви нимфы, которая была так прекрасна, но смогла привязать возлюбленного, мастера НИКИ создали эксклюзивные часы Mystery Calypso из коллекции DELUXE с парящими стрелками и кружевным механизмом, декорированным вручную. Сияние золотого корпуса, мерцание драгоценных камней и искусно скелетонизированный механизм, будто выточенный морем и временем... Как пиратские сокровища, на «дне» разбросаны сверкающие бриллианты. На оборотной стороне часов стекло обнажает ещё одну композицию – песчаное дно с серебряными морскими символами, звездой и ракушкой. Как нимфа Калипсо обнажила своё сердце, так и Mystery Calypso позволяют детально разглядеть своё.

И никаких гонцов!

Один из первых расшифрованных папирусов оказался завещанием. Отец, умирая, наставлял сына: «Становись кем хочешь, но не гонцом». Ведь кроме разбойников и диких зверей во многих странах гонцов, приносивших дурные вести, казнили. Но без них было никак! Сколько войн было проиграно из-за того, что важную информацию не получили вовремя! Сегодня эта проблема решается по телефону. Главное, чтоб техника не подвела. Поэтому производители мобильных телефонов ежегодно выпускают всё более совершенные модели.

В 2016 году компания Huawei представила новую флагманскую модель P9. Кроме качества связи она отличается высочайшим качеством фотографий, что стало возможным благодаря двойной основной камере. Она оснащена двумя 12-мегапиксельными фотомодулями. Один из них считывает цветное изображение, другой – чёрно-белое, а затем два кадра совмещаются. Двойной объектив P9 выводит съёмку смартфоном на совершенно новый уровень, предоставляя пользователю возможность почувствовать себя профессионалом в области фотографии. А для любителей ярких цветов Huawei представила новые расцветки P9 – красную и синюю. Эти чистые, яркие цвета напоминают о красках поп-искусства 1960-х, которое и вдохновило дизайнеров P9.

Звонок в никуда

Будка Mojave Phone Booth была установлена в пустыне Мохаве. Сделали это геологи. Работы закончились, будка осталась. В 1997 году парень по прозвищу Дьюс принял набирать её номер. Он звонил целый месяц, пока на другом конце провода не взяли трубку. Девушка, случайно забредшая в пустыню, поболтала с Дьюсом пару минут, а тот рассказал о «звонке в никуда» на своём сайте. И грянул бум. Тысячи абонентов начали названивать, сотни потянулись принимать звонки. В итоге управление национальных парков США убрало будку, так как толпы паломников крушили хрупкую экосистему пустыни... Телефон всегда был романтичным объектом. Поэтому

неудивительно, что многие трепетно относятся к своим смартфонам. И тем приятнее будет владельцам смартфонов Samsung Galaxy S7, Galaxy S6 Edge, Galaxy S6, Galaxy S5 и Galaxy S4 узнать, что их модели заняли пять первых мест в результатах совместного исследования Роскачества и International Consumer Research & Testing. Оценку потребительских свойств телефонов провёл крупнейший европейский испытательный центр Müller-BBM (Германия) по более чем 250 показателям качества и безопасности, включая прочность устройства, надёжность работы памяти, функциональность, качество резервного копирования, максимальную величину электромагнитного излучения (SAR), работу аккумулятора и сенсора и качество звука. ☉

Королева круассанов

«Если у народа нет хлеба, пусть едят пирожные» – эту фразу молва приписывает Марии-Антуанетте, французской королеве, супруге Людовика XVI, восседавшего на троне во второй половине XVIII века. Народ свою королеву сначала изо всех своих народных сил обожал, а потом радостно улюлюкал, глядя на её отрубленную голову

Во Францию Мария-Антуанетта прибыла из Австрии в четырнадцатилетнем возрасте, когда Бурбоны и Габсбурги решили схлестнуться ветвями своих великих генеалогических древ. Девочка была розовощёкой, изя-

щной и грациозной. Народ, увидев обаятельную невесту дофина, наследника французского престола, ликовал и кидал цветы.

Она всёёлым кузнечиком скакала по просторным залам Версаля до тех пор, пока её не подчинили строгому дворцовому этикету. Жених, Людовик, такой же юнец, был губошлёпистым, застенчивым, ходил вразвалку и пока ещё обществу неве-

сты предпочитал охоту. А у неё от правил голова шла кругом. Дома, в Шёнбрунне, таких заморочек не было. Отец, император Франц I, разграничил личное и официальное и предпочитал отдыхать от дворцовых условностей, сживая за столом в тапочках и тюрбане и налегая на ростбиф с хрустящими луковыми кольцами в узком семейном кругу.

В Версале же невесту поручили заботам первой фрейлины – госпоже де Ноайль, которую бойкая и смешливая Мария-Антуанетта называла «мадам Этикет». Осваивать дворцовые правила «австриячка», как потом будет называть её народ, не хотела, но выбора не было, приходилось подчиняться.

Обеды с Францией

Свадьбу отпраздновали с поистине королевским размахом. Вместе с узам брака Марию-Антуанетту связали и новыми обязанностями. Сесть за стол тет-а-тет или в одиночестве не удавалось. Кроме придворного врача и целой армии лакеев в дверях толпился всякий пришлый люд, которому дозволялось запросто поглазеть, как особы королевской крови вкушают жареного каплуна или баранью котлетку. Чтобы бесплатно поглядеть на шоу, достаточно быть прилично одетым, прицепить шпагу и взять под мышку шляпу. На худой конец, реквизит брался напрокат у привратников.

После коронации правила стали ещё суровей. Царственные особы с этого дня должны были постоянно пребывать под неусыпным надзором придворных, которые не на жизнь, а на смерть сражались за право подать ночной горшок королеве или стянуть сапоги с короля.

На парадных обедах, «больших кувертах», королевская чета усаживалась в зелёные парчовые кресла за столик, установленный серебряным. Челядь вно-

сила золотые ящички с солью, приборами и салфетками. Кухня в Версале, в котором можно было запросто отмахать девять километров, ни разу не заходя в одно и то же помещение, располагалась далекоовато, и блюда вносили уже остывшими. Да и холодно было в огромном дворце, как в доме самого замурзанного крестьянина. Мимо столика проносили пятьдесят блюд, включая четыре супа, говядину с капустой, заднюю часть телятины на вертеле, индюшачьи потроха в бульоне, мясо, приготовленное в промасленной бумаге, молочных поросят, телячьи головы под соусом, крольчатину, индюшатину и телячьи поджилки. Шесть видов жаркого, два салата, шестнадцать блюд из овощей, яиц и молока, фрукты на десерт, четыре сотни каштанов и полсотни кексов – у особ королевской крови должен быть выбор. Если у Людовика с аппетитом всё было отлично, то Мария-Антуанетта пила любимый шоколад и ела как под прицелом. Тем более что она и без кучи наблюдателей обычно едва клевала из тарелки. А теперь даже жареные куры и печёные куропатки, обёрнутые тонкими ломтиками шпига и посыпанные чёрным перцем, до которых она была охотницей, не лезли в горло.

Трианон

Она была рада вдохнуть запах свободы и, едва муж подарил ей небольшой летний дворец на задворках Версаля – Малый Трианон, сразу же завела там свои порядки. Сотни рабочих вместе с архитекторами и садовниками соорудили для Марии-Антуанетты поистине райский уголок. Трианон задумала построить ещё маркиза де Помпадур, так и не успевшая в нём обосноваться. Новая владелица первым делом учредила строгий отбор. Теперь никто не мог попасть на бал или на ужин в её владение без приглашения

хозяйки. Даже добродушный король, который всё так же проводил время на охоте, в компании книг или в слесарной мастерской. В Трианоне, «весёлой голубятне», общество вело себя запросто: дамы в простых муслиновых платьях валялись на лужайках, кавалеры украдкой выходили по утрам из их спален, общество ставило спектакли в специально построенном для этого маленьком театре, а королева шастала в расшнурованном корсете и ночи напролёт играла в карты. Рядом с дворцом она велела построить чистенькую деревушку, где, стремясь приблизиться к народу, самолично доила вымытых с мылом коров с голубыми бантами на хвостах и куда ходила на огород за пряными травами, редиской, цветной капустой и артишоками. Грязные деревни из французской реальности не должны были оскорбить своим унылым видом королевский взгляд.

Счастливиц, попавших в список гостей, кормили говядиной от собственного стада и вызревшим сыром с собственной сыроварни, курами и голубями из деревенского птичника, щуками и карпами из местного пруда. Чтобы челядь не мозолила глаза, изысканно сервированные столы поднимали на второй этаж при помощи специального механизма. Деньги текли рекой,

берущей свой исток из французской казны. Два миллиона ливров, потраченных на кусочки рая на фоне пустых амбаров и расстроенных государственных финансов, оставили от неё жалкие ошметки. Королева была не глупая, просто расточительная и беззаботная.

Ничего не понимающий в удовольствиях народ, о котором она знала лишь понаслышке и которым не интересовалась совсем, пейзажный порыв Марии-Антуанетты не оценил и разбился. К тому же разбился и Версаль. Дамы, приставленные к ночным горшкам, и прочие дворцовые прихлебатели остались не у дел. Всё чаще стали появляться оскорбительные памфлеты о разухабистых и дорогостоящих оргиях в уютном гнёздышке королевы. Памфлеты венценосные особы находили то под своей тарелкой, то на подушках. Народ роптал. «Кто-то должен быть виноват: если одним недостаёт хлеба, значит, другие слишком много жрут; если одни задыхаются, выполняя свои обязанности, значит, должны быть другие, захватившие себе слишком много прав... Внезапно найдена причина несчастья, определён виновник финансовой катастрофы. По всей стране передаётся новое имя королевы – «мадам Дефицит». Так зовут её теперь; словно клеймо, имя это горит на её плече», – описывал Стефан Цвейг начало той надвигающейся грозы, которую Мария-Антуанетта прошила, купаясь в роскоши.

В тюрьме Консьержери разгневанный народ оставил своей некогда обожаемой королеве пудреницу, баночку с помадой и два платья – белое и чёрное. На обед же узнице до самой гильотины подавали суп, варёное мясо, жаркое, овощи и десерт. И булочки. Только совсем не те «месяцы», которые двадцать лет назад по её приказу начали выпекать в Версале. ☉

РЕЦЕПТ

Круассаны, «месяцы», символ Франции, которым французы с удовольствием закусывают по утрам чашку свежего кофе или шоколада, в страну привезла «австриячка» Мария-Антуанетта. По легенде, булочки в форме полумесяца впервые стали выпекать в Вене после безуспешной осады города османским войском в конце XVII века. Якобы пекари, трудившиеся ночью, услышали, как турки роют подкоп под стены города, и подняли переполох. Мария-Антуанетта повелела печь привычные булочки и в Версале, откуда они потом разошлись по всей Франции. Печь их начинали с того, что разводили в тёплой воде дрожжи с сахаром, добавляли муки и оставляли в покое на полчаса. Муку просеивали, смешивали с размягчённым сливочным маслом, молоком, сахаром, солью и дрожжевой болтушкой. Тесто оставляли на холоде на ночь, а рано утром раскатывали в пласт, прослаивали маслом, складывали, раскатывали, держали на холоде, опять складывали и раскатывали снова и снова. Тестяной круг резали на треугольники, сворачивали их в трубочки, давали отдохнуть от стольких треволнений и ставили на четверть часа в духовку. Любители сладостей могут насовать в трубочки шоколад, джем или мармелад. Поглощать нафаршированные «месяцы» лучше всего с мыслями о королеве, которая пожила в своём удовольствии, спуская на развлечения казну Франции.

JAZZ 89.1 FM

RADIO

Настоящие легенды джаза и звёзды новых течений создают на волне **89.1FM** особую изысканную атмосферу, дарят слушателям ощущение гармонии, стиля и спокойствия, причастности к мировому культурному наследию.

Мы представляем Вам уникальную возможность присоединиться к этому избранному кругу на волнах нашей радиостанции.

Radio Jazz 89.1FM

Музыка для людей с хорошим вкусом!

Айк, сеющий тревогу

Планировать свою жизнь, чётко следовать инструкциям и отлично выполнять поручения – здесь Весов не обогнать. Дуайт Дэвид Эйзенхауэр, американский генерал, главнокомандующий вооружёнными силами НАТО, а в пятидесятых годах прошлого века и президент США, был рождён под этим знаком

ИННА САДОВСКАЯ

Родился 14 октября 1890 года в Денисон, штат Техас. В 19 лет, потеряв год из-за болезни, окончил школу и пошёл работать на маслобойню. Поступил в Военную академию в Вест-Пойнте. С 1918-го по 1941 год служил в зоне Панамского канала и на Филиппинах в различных воинских соединениях

командиром полка, начальником штаба дивизии, корпуса и армии. В 1942 году был назначен командующим союзными войсками на европейском театре военных действий. Звание генерала армии получил в 1944 году, в мае 1945-го присутствовал при подписании первого акта о безоговорочной капиту-

ляции Германии, а в июле был назначен губернатором американской зоны оккупации. Два года возглавлял НАТО и в 1952 году был избран президентом США. На беспокойном посту пробыл до 1961 года, перенёс инфаркт с инсультом и 28 марта 1969 года скончался в госпитале Вашингтона.

Карьера

Весы сами разберутся, кем быть, с кем спать и во что верить.

Главное – не путаться у них под ногами. Предками Эйзенхауэра были выходцы из Германии, и фамилия переводилась не иначе как «рыцарь, закованный в латы». Мальчик образовался серьёзный и вскоре решил стать военным, чем огорчил папу с мамой, иеговистов. Родители пригорюнились, но предоставили сыну свободу действий. Да кроме неё, и предоставлять-то было особо нечего – многолетние Эйзенхауэры жили на папино грошовое жалованье. Хотя мать, убеждённая пацифистка, готова была за уши оттягивать сына от книг по военной истории, запирая их в шкаф, но тщетно – книги о Ганнибале, Наполеоне и других великих полководцах у Айка, как называли его в семье, всегда оказывались под рукой. В школе будущий лидер нации особо не напрягался, но получал хорошие оценки, выезжая за счёт отличной памяти и сообразительности. По окончании Военной академии мнения руководства разделились. Одни считали, что целеустремлённый лейтенант «рождён командовать», другие не видели в нём человека, который полностью отдавался бы военному делу. Эйзенхауэр же, под завязку начитавшись о военных победах, всхрапывал и бил копытом, ища, где бы понюхать пороха.

Рождённые под знаком Весов обязательно должны отличаться. Вовсю шла Первая мировая, но США наблюдали из-за океана, взвешивая и прикидывая, поэтому приходилось сидеть дома и приводить в надлежащий вид танковые войска. Служил Эйзенхауэр как заведённый, был верен военному флагу и на мелочи не распылялся, лишь иногда играя в бридж. По его мнению, это было отличным занятием для тех, кто хочет натренировать стратегическое мышление. Он не знал, что такое

обычный рабочий день. «Я замерзаю по ночам, у меня нет времени, чтобы поспать подряд больше чем полтора часа, и временами я чувствую себя без сил – но я принадлежу армии, и я счастлив», – писал он жене, отправляясь по долгу службы к чёрту на кулички. Он доказывал всем и каждому, что Америка не может вечно сидеть в окопе и должна сказать своё веское слово в начинавшейся новой мировой мясорубке. «Айк, сеющий тревогу», – называли его разленившиеся сослуживцы. И когда США задумали вступить во Вторую мировую войну, Эйзенхауэр был на седьмом небе. Такая возможность проявить себя на поле боя! В общем, кому война, а кому мать родна. Его, главнокомандующего союзными войсками в Европе, срочно повысили в звании от полковника до генерала армии.

Вся Америка любовалась беговым генералом, начиная от президента Трумэна, уговаривавшего его выставить свою кандидатуру на следующих президентских выборах, и заканчивая восторженными соотечественниками, встречавшими героя овациями. Спецслужбы тоже не дремали, досье на Эйзенхауэра росло как на дрожжах. Хотя героя можно было упрекнуть разве только в излишней горячности.

Едва старого солдата, привыкшего командовать и подчиняться командам, поставили руководить Колумбийским университетом, как он показал всем, почём фунт лиха. Однажды Эйзенхауэр в сердцах приложил преподавателей, которые, не торопясь, тянулись к началу лекций, потом не менее сурово отчитал тех, кто позволил себе пропустить занятия. От профессуры только перья летели. «Солдафон», как называли президента университета обиженные преподаватели, быстро навёл порядок, но сам томился в академических застенках

РЕКОМЕНДАЦИИ

♎ ВЕСЫ

Энергия забьёт ключом, так что есть смысл переделать все накопившиеся дела и делишки. Очищайте личное пространство от ненужных вещей и тягостных связей. Процесс очищения лучше согласовать с домочадцами.

♏ СКОРПИОН

Сдержанность пригодится всем рождённым под этим знаком, особенно когда работа утомит до чёртиков. Если почувствуете, что нервы натянуты, как струны на скрипке, не позволяйте никому сыграть на них бравурный марш.

♐ СТРЕЛЕЦ

Энтузиазм начнёт выплёскиваться из вас, как варево из кипящего котла. Используйте его на благие дела, дав полную отставку ненадёжным проектам. Полезными окажутся выезды на природу и наезды в гости.

♑ КОЗЕРОГ

Месяц предстоит хлопотный, но успешный, поэтому крутитесь белкой в колесе, предвкушая момент подсчёта дивидендов. Не возбраняется пригласить на совместное кручение колеса пару верных товарищей.

♒ ВОДОЛЕЙ

Суровые будни намерены навалиться на вас всей массой. Есть риск неправильной трактовки самых пустячных событий. Чудесное превращение мухи в слона отложите на необозримое будущее.

◎ РЫБЫ

Ваши организаторские способности перейдут на новый уровень. Руководя, не забывайте улыбаться. Только добрый взгляд способен уберечь вас от скрытого саботажа окружающих.

◎ ОВЕН

Выбить вас из колеи легче лёгкого. Не поддавайтесь на провокации, сохраняя дружелюбный вид. Подзаряжаться дружелюбием лучше всего в отгулах, подальше от кипения общественной жизни.

◎ ТЕЛЕЦ

Желание объять необъятное будет точить вас, как мышь плинтус. «Всё или ничего!» – захочется вытисывать и выцарапывать на любом подвернувшемся предмете. Рекомендуется бросить все силы на трудовой фронт.

◎ БЛИЗНЕЦЫ

В начале месяца возможны локальные катаклизмы в отдельно взятом коллективе и если не снижение, то замораживание бонусов от работодателя. Запаситесь терпением, так как это явление временное.

◎ РАК

Наступает не самое лучшее время, чтобы следовать чужим советам, особенно если вы их не просили. Впрочем, не исключено, что среди них завалится пара вполне здравомыслящих, возьмите их на вооружение.

◎ ЛЕВ

На первые роли в этом месяце собираются протиснуться выяснения отношений между постоянными партнёрами и сведение счётов между непостоянными. Не допустите.

◎ ДЕВА

Нынче много кому захочется влезть в ваши дела и навести там свои порядки. Проводите демаркационную линию и вешайте на границу замок. Всех норвящих отправляйте восвояси.

и мечтал о поле боя. Как только была создана НАТО, куда вошли двенадцать государств, так кандидатура Эйзенхауэра сразу маячила в первых рядах. Генерал белым лебедем полетел на место назначения, считая эту работу наиболее важной во всём мире. Он был поставлен противостоять СССР, который фениксом возрождался из послевоенного пепла и мотал нервы Америке появившимся ядерным оружием. Америка мечтала нанести превентивный ядерный удар по зарвавшейся стране, но Эйзенхауэр упорно выступал за то, чтобы соотечественники включили мозг и поняли – ответ не задержится. Он писал, что даже если американские бомбы будут сброшены на Москву, то Советская армия всё равно будет в состоянии овладеть всей Европой. Он настаивал, что Соединённым Штатам пора повернуться лицом к дому, сократить военные расходы и своё присутствие в других странах и что страны эти должны быть сами ответственны за свою безопасность. «Единственный способ победить в третьей мировой – предотвратить её».

Порулив в НАТО, он отправился покорять Джомолунгму американской власти. «Тот, кто действительно стремится стать президентом, просто глупец. Это значит пожертвовать четырьмя или большим числом лучших лет своей жизни», – продолжал отнекиваться этот парень, но сам потихоньку плевал через левое плечо, боясь сглазить. Ему было уже за шестьдесят, он мотался на своём поезде по всем штатам, встречался с людьми, собирался разгонять бюрократов, бороться с инфляцией и уменьшать налоги. Но после его президентского правления в народе повторяли слова одного американского сенатора: «Рузвельт доказал, что президентом можно быть пожизненно, Трумэн доказал, что президентом может быть каждый, а Эйзен-

хауэр доказал, что президент не нужен вообще».

Характер

Весы сами себе воспитатели, а если ещё и родители внесут сильный вклад, то из детей получаются такие ответственные личности, что деваться от их ответственности некуда. Миссис Эйзенхауэр справедливо полагала, что дети не должны бить баклуши, поэтому все младшие Эйзенхауэры с детства выращивали овощи на продажу и выполняли всю домашнюю работу. Младшее поколение Эйзенхауэров не хныкало, было приучено к бережливости, помогало близким и не распускало понапрасну руки и языки. Аик отлично дрался, играл в футбол и хорошо стрелял. Но не всё было так гладко. Мальчик умел закатывать грандиозные истерики, если ему не удавалось настоять на своём. С самоконтролем дело обстояло плохо, пока мудрая миссис Эйзенхауэр однажды не сказала, что тот, кто владеет своей душой, более велик, чем тот, кто завоёвывает города. Сын запомнил матушкины слова на всю жизнь. Он пытался сдерживаться и во время учёбы прессовали молодых, и потом, когда спорил с преподавателями, и на службе в армии. И так преуспел в умении скрывать свои истинные чувства и производить благоприятное впечатление, что его, раздражительного грубияна, считали парнем с великолепными манерами. «Руководство есть искусство убедить кого-то другого в том, что он сам хочет сделать то, что вы от него требуете».

Если Весы решат сцепить зубы, то с ними бесплезно вести разговоры. Они всё равно настоят на своём. Однажды юный Эйзенхауэр поранил колено. Дошло до заражения крови, прогнозы были самые печальные, ногу собрались ампутировать, но он заупрямился,

заявил, что лучше умрёт, и дал задание брату сидеть у постели и отгонять хирургов, если вдруг он сам впадёт в забытье. Молодой организм выдюжил, колено зажило, Эйзенхауэр победил.

Весы любят жить по своему распорядку, и, если что-то в нём меняется, для них это кинжал в спину. Эйзенхауэр привык вставать ровно в шесть утра и, даже став президентом, не позволял себе лишнюю минуту полежать в постели. В восемь у президента начинался рабочий день, в шесть – заканчивался. Папы рядом уже не было, и Айк мог не бежать спать ровно в девять, а изучать бумаги, принимать посетителей, стоять у мольберта и ложиться за полночь в компании с вестерном.

Весы – люди общительные и влезут в душу каждому, кто находится в зоне доступа. Эйзенхауэр тоже на это был мастак. Он нашёл способ пробраться в дом каждого американца, первым из президентов устроив регулярные встречи с тележурналистами. Себя он кокетливо называл «бессловесным кроликом» и «деревенщиной», после чего невзыскательному среднему американцу хотелось снова и снова поддерживать своего парня. Свою жизнь он старался напоказ не выставлять, не любил, когда к нему лезли без приглашения, и предпочитал общаться с людьми только тогда, когда этого хотелось ему. «Главное качество лидера – бесспорная цельность его характера. Без неё никакой реальный успех невозможен, будь это в рабочей бригаде, на футбольном поле или в армии».

Личное

Рождённы под знаком Весов обаятельны и умеют кружить головы. Но только тогда, когда чувствуют в этом необходимость. Или из чисто спортивного интереса. Не так-то просто заставить их потерять самоконтроль и ухнуть в омут страсти. Прежде чем

Айк повёл под венец Мэри Женеу Дауд Мейми, он признался в любви нескольким одноклассницам. Те кочевряжились, хоть и считали его красавцем. Неловкий Айк отдавливал им ноги на танцах и как-то уж очень быстро остывал, если девица давала ему от ворот поворот. Не было ни уговоров, ни страданий. На нет и суда нет – в этом все Весы.

Он уже был кадетом, когда папаша одной из местных красавиц во всеуслышание заявил, что из этого парня толку не будет. Айк уверял красавицу, что непременно сделает блестящую военную карьеру, но та хлопала глазами и боялась папенькиного гнева. Неизвестно, дожил ли папенька до того времени, когда «ничкёмный юнец» стал управлять страной. Красавица дожила, и Эйзенхауэр, которого, видимо, всё-таки сильно царапнул отказ, уже будучи президентом, написал ей пару писем, интересуясь общими знакомыми.

Ему было двадцать пять, когда он встретил «живую и привлекательную» Мейми, дочь коммерсанта. Коммерсант препятствий не чинил, но денег за дочь не дал и предупредил её, что жизнь с военным не сахар. Невеста оказалась смелой и помчалась под венец. Эйзенхауэр сразу показал свой норов, когда пришёл домой за полночь после игры в бридж и сказал жене, что никогда не бросает игры, пока не добьётся выигрыша. Со временем пара научилась уважать друг друга, пережила смерть первого ребёнка, рождение второго и появление на горизонте Эйзенхауэра боевой подруги, шотландки Кей Сомерсби.

Эта сотрудница штаба, влюблённая в генерала, которому годилась в дочери, его личный шофёр и секретарь, сопровождала Эйзенхауэра на протяжении всей войны, была с ним почти на всех фронтовых фотографиях, поддерживала, помогала и собиралась за него замуж,

но Мейми подвинуть так и не смогла. Режиссёр Михаил Ромм рассказывал, как однажды Георгий Константинович Жуков, собираясь на банкет и зная, что у Эйзенхауэра есть интересная молодая помощница, распорядился: «Достать мне какую-нибудь бабу, чтобы со мной была баба в военной форме». «Достали» певицу Зою Смирнову. На банкете Жуков, основательно подзаправившись, снял с груди орден Красной Звезды и повесил его на грудь Эйзенхауэровой спутнице. Тот в качестве алаверды прикрепил на грудь Смирновой высший орден американской армии. Награда была не менее весомая – теперь перед Смирновой должны были стоять невытяжку все американские генералы.

Военно-полевой роман с шотландкой закончился после войны. Сомерсби выпроводили из штаба, а Эйзенхауэр ограничился сугубо деловым письмом, в котором скупно благодарил даму «за неоценимую лояльность и верность, с которыми вы работали под моим личным руководством», и выражал надежду, что у неё всё будет хорошо. Напоследок он советовал боевой подруге заботиться о себе и сохранять оптимизм. Подруга сильно обиделась и в сердцах написала несколько книг о своих отношениях с генералом, трусливо бежавшим с личного поля боя.

До последних дней Эйзенхауэр жил в кругу семьи, в свободное время вдохновенно занимался живописью, проводя выходные в имении Кемп-Дэвид в нескольких километрах от столицы, где распорядился построить подземный бункер. На всякий случай, а то кто знает этих русских. «Чем старше я становлюсь, тем больше мудрости нахожу в древнем правиле делать всё постепенно, шаг за шагом. Это упрощает самые сложные человеческие проблемы до уровня решаемых». ☉

Архивновости

«Сочинитель сердечных романов о супружеской жизни для дам просит своих читательниц поделиться с ним откровениями о первой брачной ночи и медовом месяце.

Миллионная, 11, Я.П.Н.»

«Петербургский листок», 1907

«Вчера в столицу прибыли целых пять китайцев. Они будут учиться в петербургских институтах на инженеров путей сообщения и на гражданских инженеров».

«Петербургский листок», 1903

«К числу бедняков города Ликина принадлежит городской голова г-н Кислицин, получающий 700 р. жалованья за должность, 90 р. как певчий соборного хора и 41 р. из взаимного страхового общества. Благословен город Ликин, где бедняки имеют 831 рубль одного жалованья. А ежели г-н Кислицин не ниш, то почему же ему назначена одна из городских стипендий для самых неимущих жителей?»

Новая жизнь», 1911

«Молодёжь местечка Никольское затеяла на одном из пустырей футбольное состязание. Но тамошний урядник прервал матч и даже попытался разорвать мяч. Некоторым нашим патриотам эта игра кажется крамольной, их пугают нерусские слова «голкипер», «фарварт», «пэналти». Им привычней, когда молодёжь пьёт, картёжничает, дерётся и горланит пьяные песни!»

«Губернские ведомости», 1909

«Директор одного лондонского театра передал сбор с последних спектаклей семьям погибших японских солдат и моряков. Японцы согласились принять пожертвование при условии, что оно будет разделено с вдовами и сиротами русских воинов».

«Телеграф», 1905

«За границей нынче в моде почтовые марки. Ими взамен шпалер оклеивают стены, мебель, экипажи, из них собирают картины, а иные экстравагантные особы умудряются соблазнительно наклеивать их на открытые части тела наподобие прабабушкиных мушек».

«Русское слово», 1901

«Во Франции открыт тайный цех по подделке русского фарфора. Он нарасхват у богатых американцев, которые мнят, что имеют дорогие коллекции, и хватают ими перед гостями».

«Русское слово», 1915

«Некоторые постовые поспешно останавливают движение, освобождая путь моему экипажу. Предлагаю приставам разъяснить городским, чтобы они при моих проездах ограничивались поддержанием установленного порядка движения. Градоначальник генерал-майор Е.Н. Волков».

«Московский листок», 1905

«Прелестная, стройная, белокурая, но глупенькая барышня ждёт солидных мужчин, чтобы научить её уму-разуму. Гл. почтамт, предъявителю билета № 758».

«Брачная газета», 1906

Maison Francis Kurkdjian Paris

The alchemy of the senses

Алхимия чувств

Москва: ЦУМ, Времена Года; Санкт-Петербург: ДЛТ

Анапа: MakeUp; Белгород: Les Parfums; Благовещенск: Sens Unique; Владивосток: Первый Парфюмерный;
Владикавказ: Eiffel; Екатеринбург: Золотое Яблоко; Иваново: Нота Шлейфа; Казань: Золотое Яблоко;
Кемерово: О де Флер; Краснодар: Giorgio, Парфюмер; Махачкала: Визаж; Нижний Новгород: Aqua di Colonia;
Новороссийск: Ангел; Новосибирск: Золотое Яблоко; Новый Уренгой: Бутик Желаний; Пенза: Дом Парфюмера;
Пермь: Золотая Роза; Самара: Золотое Яблоко; Ставрополь: Grasse; Сургут: Egoist; Тамбов: Музей Парфюма;
Тверь: Парфюм; Челябинск: Золотое Яблоко.

PARK AVENUE

АПАРТАМЕНТЫ

Реклама

Park Avenue — современный малоэтажный комплекс премиум-класса. В квартале всего семь корпусов, выполненных в стиле органической архитектуры, — с панорамным остеклением и отделкой натуральными материалами. Студии с просторной террасой и собственным участком

на первом этаже или апартаменты с выходом на эксплуатируемую кровлю — выбирайте свой вариант проживания за городом, не отказывая себе в столичном уровне комфорта. Разнообразная инфраструктура и роскошные парки расположены в шаговой доступности от поселка Park Avenue.

WWW.VILLAGIO.RU

НОВОРИЖСКОЕ ШОССЕ, 23 КМ

(495) 363-6564

- ВСЕ КОРПУСА ВОЗВЕДЕНЫ
- СТУДИИ СВОБОДНОЙ ПЛАНИРОВКИ
- ОТКРЫТЫЕ ЗОНЫ ОТДЫХА
- ОХРАНЯЕМАЯ ТЕРРИТОРИЯ